

A close-up photograph of a green apple in the foreground, showing its stem and some small brown spots on its skin. In the background, a silver alarm clock is visible, slightly out of focus. The entire scene is set against a solid black background.

Лев ГУРСКИЙ

**ЯБЛОКО
РАЗДОРА**

От автора

Автор считает своим долгом предупредить: все события, описанные в романе, вымышлены. Автор не несет никакой ответственности за возможные случайные совпадения имен, портретов, названий учреждений и населенных пунктов, а также какие-либо иные случаи непредсказуемого проникновения чистого вымысла в реальность.

Гурский Лев

Яблоко раздора

— 1 —

Когда жена повышала голос, Курочкин с тоской думал о том, что супруга капитально ошиблась в выборе профессии. Ей следовало бы работать не в бухгалтерии издательства, а как минимум в службе громкого оповещения Управления гражданской обороны, где носить чин не ниже полковничьего. Голос, который жена неэкономно расходовала всего лишь на громовое «Дми-и-и-трий!», можно было бы тогда использовать с гораздо более высоким КПД, — например, вместо сирены на случай объявления учебной тревоги. Курочкин очень ярко представлял себе, как при первых завываниях его Валентины жители всего микрорайона трусливо втягивают головы в плечи, хватают детей, документы, теплую одежду и запас продовольствия на три дня, а затем дисциплинированно мчатся в бомбоубежище, дабы переждать там ядерную атаку вероятного противника.

К сожалению, никакого убежища от родной жены у самого Курочкина не было: маленький чуланчик два на три метра, где Дмитрий Олегович выклянчил себе место для мини-лаборатории, не имел никакой защиты от прямого попадания супруги. Дверь в чуланчик лишена была даже намеков на задвижку, — чтобы Курочкин не обольщался по поводу своих прав и обязанностей в семье...

— Дми-и-и-трий! — раздалось уже совсем рядом.

Задребезжали на полках пустые реторты и склянки с препаратами. Завибрировали тигельки на краю стола. Гулко отозвался жестяной кожух старенького вытяжного шкафа. Мутная капля сорвалась с конца пипетки и вместо предметного стеклышка микроскопа угодила прямо на брюки. На его любимые синие домашние брюки.

— Черт... — прошептал Курочкин, не без любопытства наблюдая, как едкая дрянь из пипетки деловито пожирает органический краситель. Через пару секунд в ровном океане брючной синевы возник остров цвета Гренландии на школьном глобусе. Формой возникший остров напоминал почему-то Мадагаскар. Эпоха Великих географических открытий таким образом продолжилась, но брюки были испорчены. Впрочем, нет худа без добра: теперь-то и ежику ясно, что препарат нуждается в доработке. В таком виде он элементарно непригоден для перорального применения, поскольку эта гадость первым делом сожжет слизистую рта. Сукины дети! Этих горе-фармацевтов из «Витакса» неплохо было бы накормить хоть разок их собственными безумными снадобьями. Для профилактики будущих глупостей. Подобное, как известно, лечится подобным.

Дверь в чуланчик распахнулась. Курочкин поспешно задвинул под стол ногу с белым пятном на коленке, чуть не опрокинув при этом термостат — ценный прибор, который Дмитрий Олегович вынес с институтской свалки. По правде говоря, ценный прибор пока не работал, и Курочкин использовал его в качестве сейфа. Круглая дверца термостата с тихим недовольным лязгом приотворилась, оттуда начала вываливаться пластмассовая коробочка с опытными образцами.

— Вот ты где! — произнесла Валентина таким тоном, словно бы ожидала найти мужа в

каком-нибудь другом месте квартиры. Например, в холодильнике или на антресолях среди старой одежды.

— Вот я где, — на всякий случай подтвердил Курочкин, преданно глядя на жену. Правой рукой, нырнувшей под стол, он сумел подхватить коробочку и засунуть ее в карман брюк, а правой ногой — прихлопнуть дверцу взбунтовавшегося сейфа.

— Работаешь, — уличила Валентина.

— Нет... Ну так, немножко, — отозвался Курочкин, изображая на пальцах размеры сегодняшней работы. Буквально с ногтей.

— Трудисься в выходной день, — с нажимом уточнила супруга. Тигельки на краю стола вновь жалобно звякнули.

— Э-э, доделываю... — с покаянной миной согласился Дмитрий Олегович. — Понимаешь, Валечка, эти идиоты из «Витакса» выбросили на наш рынок одно патентованное средство...

— Это ты у меня идиот, — проникновенно объявила Валентина. — Патентованный. Поглядите-ка на морального уroda, на которого я сдуру польстилась двадцать три года назад. Мало ему шестидневной рабочей недели в его поганой конторе, — он еще ухитряется брать свои порошки и капли домой. Ни копейки лишней с этого не имея. При зарплате, которой хватает на неделю, если питаться одними макаронами... Разве не идиот? — Супруга обвела глазами лабораторное имущество, призывая в свидетели своей правоты курочкинские реторты, микроскоп и вытяжной шкаф. Испуганное оборудование в который уже раз послушно завибрировало в такт словам Валентины. «Жалкие трусы, — с горечью подумал Курочкин. — И вы — с ней заодно!»

Жена несколько приуменьшила размеры его зарплаты, однако в принципе была права. НИИ экспериментальной фармакологии, где Дмитрий Олегович сидел на ставке старшего научного сотрудника, не баловал высоким жалованием, зато загружал своих служащих под завязку. Ежемесячно на внутреннем рынке возникало несколько десятков новых препаратов, которые в лучшем случае могли оказаться бесполезными, а в худшем — небезопасными. Каждое снадобье нуждалось в элементарной проверке, однако дураков, согласных вкалывать день и ночь за государственное пособие, в родном НИИ становилось все меньше и меньше. Народ уходил в частные фирмы на непыльную работенку консультантов, и после каждого объяснения с супругой Курочкин честно завидовал счастливцам. Однако почему-то все равно оставался в числе немногих могикан, приходящих на службу в девять и уходящих только после восьми. Должно быть, Курочкину просто нравилась его работа. Его вдохновляла возможность удовлетворять свое научное любопытство даже за маленькую зарплату. Возможно, это и было самым настоящим сумасшествием. Курочкин даже иногда намеревался пойти и провериться у психиатра, не псих ли он.

— Значит, так, — сурово сказала Валентина, дождавшись, пока все имущество в чуланчике засвидетельствует почтение истинной хозяйке квартиры. — Попыты прекращаются. Сейчас получишь деньги и немедленно отправишься в магазин за яблоками...

— За яблоками? — удивленно переспросил Курочкин. Перед глазами его возникла вдруг картинка: Адам, Ева, древо и Змей. Неужто Валентина решила провести сеанс познания Добра и Зла при помощи магазинных фруктов?...

— Для яблочного пирога, — вывела его из транса супруга. — Сегодня вечером у Терехиных серебряная свадьба. Мы с тобой приглашены, обалдуй!

Курочкин искоса глянул на микроскоп. Бросать опыты ужасно не хотелось, тащиться

вечером к Терехиным — тем более. Глава семейства был краеведом-любителем. Рассказами о древних камешках и черепашках он мог насмерть уболтать любого.

Пока Дмитрий Олегович мысленно перебирал варианты, как бы вернее отбояриться от несвоевременного поручения (а заодно — и от попадания в лапы краеведа), супруга легко вытащила его из уютной тесноты рабочего чуланчика, сунула ему в руку полиэтиленовый пакет с устрашающей физиономией и несколько купюр. Сумма, даже на взгляд малосведущего в ценах Курочкина, была мизерной.

— Хватит, хватит, — успокоила его Валентина. — Я все хорошенько рассчитала, должно хватить... Бухгалтер я или кто?

Вопрос не требовал ответа. На беду Курочкина, жена была знающим бухгалтером. Не доверяя мужу сдачу, она выдавала денег на покупку тютелька в тютельку. Заначка исключалась.

— Возьмешь самых дешевых, понял? — между тем инструктировала супруга. — Все равно в пирог. Если в ближайшем магазине нет, пойдешь в другой, на Автозаводской! И не вздумай покупать у кавказцев. У них — зверские цены и вообще... Подозрительные типы, по глазам видно. Недаром их милиция гоняет.

В отличие от жены, Курочкин ничего против кавказцев не имел. Люди как люди. В другое время он бы рискнул осторожно поспорить с Валентиной. Но не сейчас. Сейчас важнее было, пока не поздно, пресечь на корню идею с пирогом и таким образом избежать культпохода к Терехиным.

— Видишь ли, Валечка, — осторожно проговорил Дмитрий Олегович. — Я, разумеется, могу сходить в магазин, но... У яблок в конце октября есть одно неприятное свойство...

— А что такое? — мигом насторожилась жена. Только лишь в одной области домашнего хозяйства она более-менее доверяла мужу. Особенно после того случая, когда импортное масло, заранее при помощи трех химтестов признанное Курочкиным несвежим, таковым же и оказалось на вкус. Последнее, кстати, обнаружилось лишь в тот момент, когда с конвейера сошел пятидесятый бутерброд для масштабного юбилея директора издательства, главного начальника Валентины по службе.

— Серотонин, — с озабоченным видом обронил Курочкин. — Самый опасный из биогенных аминов, и как раз в эту пору активно накапливается в яблочной мякоти...

Дмитрий Олегович не обманывал жену, только слегка преувеличивал. Серотонин был действительно довольно вредным для человека природным токсикантом, однако лишь в том случае, когда человек умудрился бы в один присест слопать килограммов десять свежих яблок. Правда, до этого у него был бы максимальный шанс пострадать от обычного расстройства желудка.

— И на что влияет этот твой серый танин? — наморщив лоб, принялась допытываться супруга.

Курочкин с трудом подавил желание соврать, будто бы этот токсикант очень вреден при остеохондрозе. Остеохондроз в кратком списке Валентиновых хворей занимал почетное первое место, а жена очень уважала свои болезни. Увы, крупное вранье в профессиональной области было для Курочкина непереносимо.

— Вещество обладает сосудосуживающим эффектом, — отчеканил он как по писаному. Валентина задумалась. Отказываться от идеи серебряно-свадебного пирога для Терехиных ей очень уж не хотелось.

— Ничего, — решила она, наконец. — От яблок еще никто не умирал. Добавим к этому

продукту еще бутылочку коньячку из моих запасов — и полный порядок. Танин этот твой сосуды сужает, коньяк расширяет. Так на так выходит... Давай-ка двигай в магазин.

Курочкин про себя чертыхнулся, но поздно: жена все-таки приняла решение, теперь ее и трактором не сдвинешь. Нечего и пытаться. Через полминуты он уже топтался у двери, почти смирившийся со своей участью.

— Не позже двух чтобы был дома, — напутствовала Валентина. — Иначе пеняй на себя.

— У меня, между прочим, часы сломались, — пробормотал Курочкин в последней отчаянной попытке уцепиться за порог родной квартиры.

— Будешь спрашивать время у прохожих, не маленький, — пресекла жалкое подобие бунта супруга. — Хотя... Ну-ка, подожди! — Валентина скрылась в своей комнате и вскоре вернулась оттуда с будильничком в руках. Курочкин и опомниться не успел, как древний бабушкин агрегат на двух с половиной камнях был с помощью желтой ленточки прилажен у него на груди. Дмитрий Олегович сразу ощутил себя коровой, которой только что повесили на шею колокольчик. «Это уже слишком! — решительно подумал он. — Я — кандидат медицинских наук, а не какая-нибудь буренка!»

— Я... — протестующе начал было Курочкин. И тут же заметил, что жена мрачно изучает белое пятно Мадагаскара на его брючине. — Я... пошел, — торопливо произнес фармацевт и, не дожидаясь лифта, поскорее зашлепал вниз по лестнице. На каждой ступеньке будильничек больно барабанил по груди, словно второе сердце, наспех пришитое дурными хирургами снаружи.

— Потеряешь деньги — лучше домой не приходи! — донеслось ему вслед. Металлические карманы почтовых ящиков, науськанные голосом Валентины, прогудели Курочкину нечто невнятное, но грозное.

«Чтоб вам заржаветь, сволочам! — про себя посулил ящикам Дмитрий Олегович, крепко сжимая купюры в кулаке (угрожать жене он не рискнул бы даже мысленно). — Не надейтесь, железные гады, не потеряю!»

И, действительно, деньги Курочкин не потерял. Зато очень быстро лишился покупки.

Произошла эта маленькая трагедия в двух шагах от продмага, безуспешно борющегося за звание супермаркета. Стоило Курочкину загрузить в пакет два килограмма честно приобретенных яблок — рябых, неопрятных на вид и фантастически дешевых, — как Дмитрий Олегович расслабился, утратил бдительность и моментально расплатился за свое легкомыслие.

Серая иномарка, наплевав на зеленый глазок светофора, вынырнула откуда-то сбоку в ту самую секунду, когда Курочкин дисциплинированно переходил дорогу, обнимая двумя руками яблочный пакет. Навряд ли водитель иномарки имел намерение поиздеваться над неуклюжим пешеходом или тем более — на него наехать. Очевидно, что он просто упустил время и бибикнул только тогда, когда у пешехода осталось всего одна возможность спасти свою неуклюжую жизнь: резко отпрыгнуть в сторону, на тротуар.

Курочкин отпрыгнул и спас себя, но не яблоки. Два десятка рябых кругляшей весело просыпались на проезжую часть и тут же погибли под колесами грузовиков и легковушек, выпущенных на свободу замигавшим красным огоньком. Раз — и вместо купленных фруктов образовалась только желтая каша на асфальте. Курочкин тупо проследил, как серая автомашинка — виновница его несчастья — проехала еще метров триста, свернула на боковую улочку и затем скрылась в подворотне рядом с магазином игрушек «Буратино».

— Мужчина, не у вас яблочко упало? — поинтересовалась проходящая мимо дама в

песочного цвета плаще. Тут только Курочкин заметил, что к ногам его подкатился одинокий кругляш. Самый маленький, сморщенный и пятнистый. Дмитрий Олегович сосредоточенно поднял последнее яблоко, осмотрел его и прицельно метнул в ближайшую урну. Туда же через секунду отправился скомканный пакет. Ситуация складывалась почти безнадежная. Денег больше не было, яблок для жениного пирога — тоже. Курочкин представил себе, как сейчас вернется домой. Как пролепечет Валентине, что купленные фрукты стали жертвой дорожно-транспортного происшествия. Как услышит в ответ тысячекратно слышанное от супруги презрительное словечко «обалдуй». На мгновение он пожалел, что успел отпрыгнуть слишком резво: лежал бы сейчас на дороге в окружении прохожих и не вызывал ничего, кроме сочувствия. А лихач из серой иномарки, уже арестованный нашим лучшим в мире ГАИ-ГИБДД, весь в слезах и соплях давал бы показания строгому, но справедливому автоинспектору... На этом месте Курочкин стреножил похоронные фантазии, сообразив, что переборщил. Справедливый автоинспектор — это уже чересчур.

Дмитрий Олегович машинально улыбнулся своей невероятной выдумке и обрел, наконец-то, возможность рассуждать логически. Кроме самого простого и неприятного варианта номер 1 — вернуться домой и покаяться, — существовал ведь и вариант номер 2 — добыть где-нибудь необходимую сумму денег и закупить яблоки вторично. Правда, нигде поблизости не проживал никто из знакомых, у кого можно было бы конспиративно занять. А соседи, одолжившие бы, пожалуй, такую малость непьющему фармацевту из второго подъезда, не удержались бы и настучали жене. Тогда вышло бы еще хуже. Курочкин с налету отверг идеи продать что-нибудь из одежды, пристроиться на углу просить милостыню или ограбить банк, а затем ему в голову вдруг явилась мысль — простая, как и (по слухам) все гениальное. Да почему, собственно, он, Курочкин, должен чего-то изобретать? Пусть-ка раскошелится водитель сволочной иномарки, человек наверняка не бедный. Кроме того, Дмитрий Олегович слышал шпук десять анекдотов про новых русских, которым де свойственна этакая купеческая щедрость. Вдруг автоводитель великодушно признает вину, войдет в положение?

Рассуждая таким манером, Курочкин за пять минут повторил маршрут иномарки, добрался до магазина «Буратино», вошел в подворотню и уже приготовил на лице соответствующую моменту гримасу — то ли решительную, то ли обиженную.

Серая иномарка и впрямь оказалась там: в тихом и безлюдном внутреннем дворике. Одна боковая дверца была широко распахнута, как будто водитель так поспешно выпрыгнул и сбежал, что не потрудился закрыть салон. «Если его там нет, я подожду, — подумал Курочкин, приближаясь к иномарке. — И когда он вернется, я попрошу... да нет, я потребую...»

Ждать, однако, не понадобилось. Водитель никуда не убежал, он спокойно сидел, откинувшись на спинку переднего сиденья, и даже не пошевелился, когда Дмитрий Олегович подошел поближе.

— Эй!.. — громко сказал Курочкин, но через секунду понял, что с просьбами или требованиями он безнадежно опоздал...

когда приступ столбняка миновал и к Дмитрию Олеговичу частично вернулась способность двигать руками и ногами и даже оглядываться по сторонам. Труп номер два приютился в тени дерева неподалеку от открытой дверцы машины, уставив безжизненный глаз на серый лакированный бок иномарки. На месте другого глаза зияла кровавая воронка в половину лица, отчего голова убитого приобретала сходство с муляжом головы из кабинета сравнительной анатомии. Правда, красной краской создатель муляжа распорядился крайне неэкономно. Вместо того чтобы обозначить лицевые мышцы, сухожилия и извивы кровеносных сосудов легкими алыми штрихами, художник упростил себе работу, щедро разбрызгав краску где попало. Кроме лица, кровь-краска заодно выпачкала ствол дерева, измазала кожаную куртку мертвеца, заляпала его джинсы и подтекла под штиблеты. За одну только испачканную куртку живой человек (например, Курочкин) получил бы оглушительную выволочку от жены (например, Валентины), зато мертвому все было нипочем: преимущество покойников — не обращать внимания на порчу гардероба и на семейные скандалы. Сантиметрах в десяти от покрасневшей обуви валялся длинноствольный черный пистолет с серебристой рубчатой нашлепкой на дуле. «Глушитель!» — сразу догадался Курочкин. Почти такой же пистолет с глушителем зажат был в неподвижной руке водителя серой иномарки; на груди водителя тоже успело расплыться красное пятно размером с чайное блюдце. В воздухе еще припахивало порохом, который, похоже, был ароматизирован экстрактом чистой лактозы и потому после сгорания оставлял не кислый, а приторно-сладкий запах. Как у свежего яблочного пирога, чуть перестоявшего в духовке.

«Вот тебе и сходил за яблочками! — возникла в мозгу Курочкина глупейшая фраза. — Вот и сходил за яблочками. Вот тебе, понимаешь, и сходил...» Глядя на пистолеты, Дмитрий Олегович припомнил вдруг словосочетание «американская дуэль». Курочкин не очень-то любил смотреть вестерны, но из тех, что видел по телевизору, вынес для себя простое правило этой ковбойской игры: побеждает тот, кто выхватит свой револьвер первым. Двое убитых стрелков были, вероятно, ковбоями одинаковой квалификации, поэтому выигравших в поединке не оказалось. Как и проигравших. Должно быть, именно такая ситуация на спортивном языке называется боевая ничья — победила дружба, приз уходит к телезрителям...

Любопытство исследователя пересилило страх, и Курочкин мелкими шажочками паралитика приблизился к призу, ставшему яблоком раздора двух одинаково умелых стрелков. Строго на середине воображаемой прямой линии, которой Дмитрий Олегович мысленно соединил двух поверженных ковбоев, лежал портфель системы дипломат. Самого заурядного вида. У Курочкина дома остался примерно такой же, даже поновее; просто у этого было побольше замочков, гвоздиков-штырьков рядом с рукояткой, всяческих подковок на углах и прочей скобяной дребедени. Дмитрий Олегович осторожно наклонился над дипломатом, твердо зная, однако, что никакое любопытство все равно не заставит его коснуться пальцами поверхности. Он, Курочкин, не такой уж дурак, чтобы на месте преступления оставлять свои отпечатки пальцев. Самое правильное, что ему сейчас нужно делать, — это бежать прочь от серой иномарки, пистолетов, покойников и загадочного чемоданчика. Бежать как можно... Дмитрий Олегович еще не успел произнести про себя слово скорее, как правый рукав его пиджака неожиданно зацепился за один из металлических гвоздиков. О, черт, только не это! Курочкин испуганно отдернул руку — дипломат дернулся вслед за ней, не желая отпускать рукав. Проклятый гвоздик впился в суровую пиджачную ткань, как клещ.

Валентина всегда выбирала для мужа неказистую на вид, но очень прочную одежду — в целях экономии семейного бюджета. Самыми страшными врагами Дмитрия Олеговича в плотной уличной толпе давно уже стали разнообразные предметы ручной клади у соседних граждан, особенно если предметы обладали острыми колющими выступами, а их хозяева, в свою очередь, — физической силой. Стоило Курочкину попасть на крючок, как его норовили утащить в сторону, противоположную его маршруту. На днях острая заклепка в виде цветка на сумочке мрачной дамы с внешностью Брунгильды вынудила Дмитрия Олеговича почти целый квартал плестись за хозяйкой сумочки как привязанному. На робкие просьбы остановиться, оглянуться и освободить его плащ Брунгильда отвечала презрительным молчанием, и лишь когда Курочкин рискнул повысить голос, дама со словами «Отстань, маньяк!» залепила ему основательнейшую плюху — да так, что бедный Дмитрий Олегович вместе с заклепкой отлетел к ближайшей девятиэтажке и впечатался в стену. Вдобавок тем же вечером Курочкин был подвергнут пристрастному допросу не похорошему внимательной Валентины, которая твердо вознамерилась дознаться, что означает металлическая розочка на мужнином плаще и не пахнет ли тут, упаси боже, супружеской изменой...

Курочкин застонал и вновь попытался освободиться от портфеля. Впустую! Окаянная находка, впивавшаяся в рукав, сулила такие неприятности, какие Дмитрию Олеговичу и не снились. В дипломате могла, к примеру, быть бомба — килограммов десять (судя по весу) тринитротолуола с запалом и с часовым механизмом. Стоило подумать о бомбе, как Курочкин услышал доносящееся из дипломата тиканье, громкое и отчетливое. Дмитрий Олегович помертвел, обреченно сказал себе: «Ну, вот...» — и тут сообразил, что зловещее «тик-так, тик-так» исходит не от портфеля, а от его собственного будильника на ленточке. Тотчас же ученый-исследователь Курочкин, пробившись сквозь пелену страха обычного гражданина Курочкина, привел последнему несколько убедительных доказательств неприсутствия в дипломате бомбы. На переходящий приз десятикилограммовая упаковка даже лучшего тротила все-таки не тянула, и вообще довольно глупо со стороны ковбоев было бы дырявить друг друга из пистолетов с глушителями за сомнительное удовольствие единолично быть разорванным на куски взрывным устройством.

Ладно, допустим, здесь не бомба. Однако и без нее положение Дмитрия Олеговича было аховым. В любую секунду во дворе могли бы появиться люди и обнаружить Курочкина в одной компании с трупами и с чужим дипломатом. И без отпечатков курочкинских пальцев каждому стало бы ясно, что именно тип, захвативший чужую собственность, предварительно разделался с ее бывшими хозяевами. А потом — милиция, следствие и суд. Подсудимый, признаете ли вы себя виновным в убийстве двух человек? Речь прокурора, слезы Валентины, высшая мера. Вот тебе и сходил за яблочками.

Дмитрий Олегович до того явственно представил в воображении сцену суда над собой, что едва не прохлопал реальную опасность. Шаги! С улицы в подворотню кто-то уже неторопливо входил, легкомысленно насвистывая популярный мотивчик. Путь к отступлению был отрезан, для наступления же глухой, как пробка, двор тем более не предназначался. Подхватив черный дипломат, Курочкин бестолково заметался по двору в поисках хоть какого-нибудь выхода. Один подъезд был заколочен досками крест-накрест, на дверях другого обнаружился амбарный замок, а ручка не приметной двери, выкрашенной под цвет кирпичной стены, просто не поддавалась, сколько Курочкин ее ни дергал. В полном отчаянии он злобно пнул проклятую дверь ногой — и та легко отворилась. Внутрь. В ту

последнюю секунду, когда шаги и мотивчик приблизились вплотную, но человек еще не показался, Дмитрий Олегович вместе с присосавшимся к рукаву дипломатом нырнул в спасительное убежище.

Убежище оказалось подсобкой игрушечного магазина «Буратино».

Тускло светила лампочка под потолком. На унылых металлических стеллажах в несколько рядов громоздились куклы Барби с нездоровыми зеленоватыми лицами, маленькие, с ладонь, жестяные ведерки, словно бы предназначенные для игры в наперсток, пластмассовые пупсы ядовито-красного цвета и целый паноптикум меховых уродцев, долженствующих изображать мирное медвежье семейство в одну двадцатую натуральной величины. Больше всего в подсобке было пыли, которая вольготно чувствовала себя на полу и на полках, видимо, уже не боясь своего естественного врага — мокрую швабру. Курочкин чихнул и понадеялся, что его пребывание в царстве Барби и медведей останется незамеченным. Как бы не так! Фортуна, богиня везения, сегодня определенно пребывала не на стороне Дмитрия Олеговича. Стоило ему чихнуть третий раз, как из-за стеллажей возникла очкастая фигура в синем халате с полустертой биркой «Менеджер».

— Что вам тут надо? — неприязненно осведомилась фигура, тесня Курочкина обратно к двери. То есть в ту сторону, куда тому вовсе не хотелось возвращаться.

— Видите ли... — залепетал Курочкин, всегда робеющий при разговоре с Лицами При Исполнении. — Я... Ап-чхи!

— Короче! — еще более посуровела фигура. Глаза под очками налились свинцом, грозя изрешетить на месте непрошеного гостя.

— Дело в том... — проговорил Курочкин, мучительно стараясь отыскать хоть одну вескую причину своего пребывания в подсобке. Про двух покойников во дворе рассказывать ему сейчас совсем не хотелось. — Э-э... Анилиновый краситель, — невпопад брякнул он, поймав взглядом ближайшего ярко-красного пупса на полке. — Он ведь опасный...

Дмитрий Олегович и сам не мог понять, что за черт его дернул за язык. Вечно его профессиональные познания вылезали на свет божий именно в ту минуту, когда сам Курочкин был в этом меньше всего заинтересован. Если у экономиста в темном переулке отбирают бумажник, глупо затевать с грабителем разговор об инфляции.

— Анилиновый краситель? — переспросил менеджер. — Вы имеете в виду пупсика? ... — Из голоса его почему-то сразу исчезла всякая суровость. На смену ей пришла непонятная растерянность.

— Вот именно, — подтвердил Курочкин. Он был рад, что менеджер внезапно согласился поболтать с ним о токсикантах и не выталкивает его обратно к трупам во дворе. — Насколько я знаю, санитарно-гигиенические нормы не позволяют... — Дмитрий Олегович уже собирался напомнить про свойства пластмассы и про вредную привычку детишек все тащить в рот. Сразу после института он полгода проработал в Департаменте сангигиены, и это существенно расширило его познания. Было это лет примерно двадцать назад, однако вредный анилин, оказывается, еще используют.

— Но ведь у игрушки должен быть цвет... — нерешительно перебил Курочкина менеджер. Он больше не теснил Дмитрия Олеговича к двери, а, наоборот, стал отступать.

— Правильно! — с энтузиазмом сказал Курочкин, двигаясь вслед за Лицом При Исполнении. Дискуссия приобретала интересный поворот, Курочкин даже временно позабыл о прицепившемся, как репей, дипломате. — Правильно! Однако вы забыли, что есть прекрасные пищевые красители... Кармин, алканнин, сахарный колер, в конце концов.

— Помилуйте, да мы ведь не сами выпускаем эти игрушки! — очкастый менеджер заметно встревожился. — Мы получаем их с Можайской фабрики, по договору на реализацию...

Дмитрий Олегович поскуучнел: разговоры о производстве уводили дискуссию в сторону.

— Вот и отправьте их обратно в Можайск, — отмахнулся он. — Пусть попробуют энокрасители. Знаете, из выжимок ягод бузины. В них, правда, содержатся катехины, но при прочих равных условиях...

— Отправим, непременно отправим, — суетливо поддакнул менеджер. — И про бузину скажем, и про дядьку... Только давайте акт не будем составлять... — Как-то незаметно человек в синем халате с биркой предпринял вежливую попытку поднести его дипломат.

— Не надо, спасибо, — отклонил этот знак вежливости Курочкин, стараясь, чтобы крепкая привязанность дипломата к правому рукаву его пиджака не бросалась в глаза. Странные слова о составлении акта Дмитрий Олегович вообще не понял: не хочет менеджер — пусть и не составляет, ему-то что?

В сопровождении суетливого Лица При Исполнении Дмитрий Олегович миновал пыльное подсобное помещение, пересек коридор и вступил в торговый зал, где было не слишком многолюдно. Стайка долговязых акселераторок громким шепотом обсуждала у витрины преимущества куклы Синди перед куклой Барби, а три продавщицы терпеливо обучали толстого противного мальчишку правилам общения с огромным радиоуправляемым танком. Толстяк-папа, обладатель мощного загривка и нескольких перстней на толстых пальцах, с умилением взирал на свое чадо. Чадо же высокомерно выслушивало инструкции, с видом наследного принца ожидая, когда ему будет вручен пульт управления.

— Может, чайку с нами?... — неуверенно предложил Курочкину менеджер, глядя на Дмитрия Олеговича снизу вверх. Наверное, глубина познаний Курочкина в пищевых красителях сыграла решающую роль.

— В другой раз, — вежливо отказался от чая Дмитрий Олегович. — Спасибо.

— Ага-ага, — заморгал менеджер. — К следующему разу мы все сделаем... Можете быть покойны...

Слова его были прерваны мелодичным звоном: толстый мальчик, заполучив в руки пульт, немедленно протаранил игрушечным орудием танка стеклянный прилавок. Менеджер заахал, кинулся на звон. Лучшей возможности уйти по-английски Курочкину бы и не представилось. Он вышел из дверей магазина, на зеленый свет перешел улицу, и уже там, на другой стороне, услышал приближающиеся звуки сирены. Два новеньких милицейских «Форда» с фиолетовыми мигалками, взвизгнув тормозами, остановились у подворотни рядом с «Буратино». Захлопали дверцы.

Дмитрий Олегович отлично видел, как полдюжины спецназовцев в шлемах и с автоматами наперевес ринулись в подворотню и исчезли там. Курочкин почувствовал слабость в коленях, представив, что было бы, промедли он в том дворе хоть одну лишнюю минуту...

Собственно говоря, и сейчас медлить было нельзя. Кто-нибудь непременно догадается заглянуть в «Буратино» через подсобку. Служебных собак эти спецназовцы, к счастью, захватить не догадались, но и без собак будет совсем нетрудно взять след беглого типа с чужим дипломатом — особенно если он так и будет торчать на месте, уставившись на милицейские машины, как баран на соответствующие ворота.

Не мешкая, Курочкин двинулся по противоположной стороне улицы прочь от

«Буратино», стараясь, чтобы его передвижение со стороны выглядело бы не паническим бегством, а этаким деловой трусцой озабоченного мелкого бизнесмена. По крайней мере Дмитрий Олегович полагал, что бизнесмены обязаны перемещаться именно так: им ведь некогда — надо успеть и к брокерам, и к дилерам, и с фьючерсами разобраться. Мир бизнеса всегда был для Курочкина неким средоточием загадочных иностранных слов, мягких кожаных кресел, сотовых телефонов и гляцевых рекламных журналов, предлагающих покупать невероятно красивые и абсолютно бесполезные вещи. Где-то на границе этого мира располагалась Валентина со своей бухгалтерией и с ее уверенностью, будто бы цент доллар бережет и семейный режим экономии — самый короткий путь к процветанию и подлинному достатку. Месяц назад, например, Валентина объявила, что единый проездной билет есть недопустимая финансовая роскошь для безлошадного фармацевта Курочкина, — в то время как пешая ходьба позволяет сохранить тонус и не выглядеть к пятидесяти годам старой развалиной.

Курочкин послушно отказался от проездного и стал ходить на работу тремя проходными дворами. Вечером ходить по ним было страшновато, разок Дмитрий Олегович едва не сломал ногу в одном из закоулков, но зато он выигрывал здесь в расстоянии и тратил меньше времени: тоже экономия, если угодно.

Как раз в полуквартале от магазина «Буратино» и злополучной подворотни располагался один такой экономный проход, ведущий сразу на соседнюю улицу. Ага, вот и он! Курочкин юркнул в неширокую щель между домами, сменил деловую трусцу на бодрый галоп и через пару минут был уже в другом месте. Тут милицейские сирены уже не были слышны, но Курочкин на всякий случай повторил свой проходной маневр и через подъезд жилого дома между булочной и ломбардом братьев Агаповых выскочил в уютный скверик неподалеку от Дербеневской улицы.

Только здесь Дмитрий Олегович смог, наконец, отдышаться после своего поспешного марш-броска. Из десятка скамеек в сквере занята была всего одна, на которой столетнего вида дедуля с «Правдой» на коленках мирно досматривал сладкие сны о светлом прошлом. Больше никого. Курочкин опустился на ближайшую скамейку и принялся освобождаться от зловредного гвоздика на дипломате. Операция на рукаве, сделанная без наркоза, прошла удовлетворительно. Дипломат отделен был от пиджачного рукава, а тот снялся с гвоздя с минимальными потерями — дырочкой столь незначительного размера, что Валентина могла бы ее просто не заметить.

Оставалось решить, как поступить с этим плоским чемоданчиком из подворотни, уже натворившим немало бед. Самым правильным поступком было бы оставить дипломат где-нибудь в пустынном месте; если там все-таки бомба, то, по крайней мере, пострадавших не будет. Ученый-экспериментатор внутри Курочкина вновь начал подзуживать Дмитрия Олеговича прежде ознакомиться с содержимым. Так, интереса ради. Ну уж нет! — благоразумно возразил себе Курочкин, сразу вспомнив о последствиях одного сегодняшнего любопытства. — Брошу! Где тут пустырь? В тот момент, когда Дмитрий Олегович уже определенно склонился к первому, самому здравому, варианту, Фортуна выкинула очередное коленце.

К тени Курочкина на асфальте незаметно присоединилась посторонняя тень, и чей-то наглый голос лениво спросил:

— Это чего тут у тебя, а, дядя?...

Голос был именно наглый — другого слова не подберешь. Он был по природе своей не приспособлен для нормальных выражений, типа «Который час?» или «Большое вам спасибо!», как не приспособлен мясницкий тесак для тонких хирургических операций. Когда Дмитрий Олегович случайно слышал в толпе такой победно-хамский тон, то предпочитал обойти опасное место, чреватое уголовщиной.

Курочкин медленно поднялся с места и обернулся. Внешность соответствовала голосу, даже с переизбытком.

Прямо на него в упор глядел приземистый, широкоплечий и длиннорукий человек лет сорока, как будто специально предназначенный для плаката «Их разыскивает милиция». Если бы Природе какой-нибудь доброжелатель вовремя шепнул, что венцом ее миллионлетних стараний окажется такой вот тип с тяжелой челюстью и низким лбом, то Природа наверняка поставила бы крест на млекопитающих и вплотную занялась бы эволюцией кактусов. Как более перспективного вида.

— Ты че, оглох? — произнес венец творения. — Чего, говорю, у тебя?

С этими словами длиннорукий и низколобый млекопитающий сплюнул окурок на асфальт. Во рту тускло блеснули золотые коронки, которые во времена курочкинской молодости в народе называли фиксами. К фиксе непременно прилагалась финка.

— Это портфель-дипломат, — покорно ответил Дмитрий Олегович, ожидая появления финки. Он был уверен, что нож обязательно где-то в кармане приземистого типа.

— Вижу, что не велосипед, — пошутил фиксатый, вновь блеснув коронкой. — Ну-ка, покажь, чего там внутри...

Еще пару минут назад Курочкин почти убедил себя, что лучший выход из его положения — немедленно расстаться с опасной находкой. Но стоило длиннорукому выказать свой интерес к дипломату, как Дмитрию Олеговичу тут же расхотелось сбывать с рук плоский чемоданчик с неизвестным содержимым. И тем более — отдавать его в такие загребущие руки.

— Я милицию позову, — тихо прошептал Курочкин, крепко сжав рукоятку дипломата.

Как и следовало ожидать, эта угроза ничуть не напугала фиксатого. Казалось, он даже обрадовался.

— Давай-давай, зови, — великодушно разрешил он. — Зови милицию, кричи «Караул!», «Грабят!». Я подожду... Ну, валяй. Грабят! Ну!

Курочкин промолчал.

— Не хочешь, — сделал правильный вывод длиннорукий. — А почему не хочешь? Курочкин опять-таки промолчал.

— Боишься, — задумчиво сказал тип с фиксой. — И меня, и ментов... Я тебя, фраер, сразу вычислил, еще у магазина. Гляжу — фраерок ушастый козликом скачет, на ментов оглядывается. У меня глаз-алмаз, раз увидел — считай, сфотографировал. Тыренный дипломатик-то. Нет, скажешь? Или, может, твой?

— Мой... — слабым голосом соврал Курочкин, безмерно страдая от того, что ему приходится лгать, да еще такому негодяйского вида незнакомцу. Ко всему прочему фиксатый, в общем-то, был прав со своими оскорбительными предположениями. Дырку от гвоздика к делу не подошьешь.

Фиксатый огорченно вздохнул.

— Говнистый народ пошел, — почти доверительно сообщил он Дмитрию Олеговичу. — Говнистый, но тупой, как вохровская портянка. Мужики у авторитетов пайку отбирают, виданное ли дело? Детки щипачат, училки путанят, инженеришки на гоп-стоп берут, а студентики мокрушничают... Дожили!

Курочкин невольно потупился. Он не знал, что такое гоп-стоп, но подозревал, что это что-то нехорошее.

— Ты, допустим, кто? — продолжал свой укоризненный монолог фиксатый. — Инженеришка, так?

— Фармацевт... — в ответ прошептал Дмитрий Олегович, хотя ничто не мешало ему смолчать и побыть инженером.

— А это еще что? — удивился фиксатый. — Фары, что ли, делаешь?

— Лекарства проверяю, — машинально объяснил Курочкин.

— Лепила! — возликовал фиксатый. — При аптечке состоишь?

Курочкин кивнул. Пожалуй, длинные лабораторные стеллажи с препаратами в НИИЭФе можно было бы и впрямь назвать при желании очень большой аптечкой аптечищей.

— Тогда ты полный обалдуй! — сделал вывод фиксатый, не зная, что невольно употребил любимое Валентиново словечко. — Какого ж ты хрена кожгалантерею тыришь? Сиди в своей больничке, накручивай колесики. Час работы — лимон, день работы — чирик. Грамм дури на зоне знаешь сколько стоит?...

Самое интересное, что Дмитрию Олеговичу однажды действительно предлагали заняться синтезом алкалоидов — на институтской аппаратуре и во внеурочное время. Предложение исходило от молодого коллеги Курочкина некоего Глеба Вершинина, которому в ответ оскорбленный Дмитрий Олегович просто попытался дать по физиономии. Молодой предприимчивый кадр легко пресек попытку рукоприкладства и со словами «Спятил, дед!» покинул его лабораторию, а через пару недель — и институт... Впрочем, на слова фиксатого обижаться было глупо: тот, кто увел чужой портфель, мог бы в принципе заняться и производством синтетических наркотиков. Или этим... гоп-стопом. Курочкин почувствовал, что краснеет. Докатился, Дмитрий Олегович!

— Лады, — подвел черту длиннорукий. — Побазарили — и будет. Я законы уважаю, мне крысятничество самому западно. Открывай свою бандуру, поделим барахлишко, что натырил. Мне половина и тебе половина. Я не борзею, все по-честному...

— Не отдам, — вдруг шепнул Курочкин, сам необычайно удивившись своим словам. С точки зрения здравого смысла конфликтовать с явным уркой из-за чужого дипломата, в котором вообще неизвестно что лежит, было абсурдом. Наверное, в каждом человеке, даже интеллигентном, где-то глубоко-глубоко скрывается маленький жадный флибустьер, который вопреки всей логике начинает однажды вдруг вопить: «Мое!» — до тех пор, пока его не заткнут вместе с хозяином.

Героический шепот Дмитрия Олеговича привел урку в чрезвычайно веселое расположение духа. Очевидно, по какому-то уголовному кодексу чести такой отказ освобождал его от печальной необходимости делить награбленное пополам. И пока Дмитрий Олегович, призвав на помощь научную логику, мысленно стал урезонивать своего дурака-флибустьера, фиксатый начал целеустремленно действовать. Он рыскнул туда-сюда глазами и, не обнаружив вокруг никого, кроме дремлющего старичка с «Правдой», сделал неуловимый жест рукой. Как будто вознамерился смахнуть пылинку с обшлага.

Небо и асфальт перед глазами Курочкина мгновенно поменялись местами, и, как только ему кое-как удалось вернуть низ и верх в прежнее положение, он обнаружил, что урка стоит над ним, держит в руке отобранный дипломат и презрительно ухмыляется.

— Ну, ты, фраер, — лениво сказал он. — Ползи отсюда, а то перышко проглотишь... — В другой руке, свободной от дипломата, внезапно возник внушительного размера нож — словно бы из рукава выпрыгнул, а может, и в самом деле из рукава.

«Финка», — сообразил Дмитрий Олегович и почему-то успокоился. Даже сумел подняться на четвереньки, приготовившись встретить мученическую смерть от ножа лицом к лицу.

Однако урка уже не обращал на Курочкина внимания. Он присел на скамейку, положил на колени конфискованный дипломат и принялся, насвистывая, ковыряться в замке портфеля острым лезвием финки. Когда Курочкин все-таки встал с асфальта, фиксатый, не поворачиваясь к нему, процедил сквозь зубы:

— Исчезни...

К наглости в голосе урки сейчас прибавилось заметное раздражение — не на Дмитрия Олеговича, но на замок портфеля. Тот, как видно, никак не поддавался финке.

— Кому говорю, исчезни! — повторил фиксатый еще более мрачным тоном. Курочкин послушно повернулся и заковылял к выходу из сквера. Скула после удара сильно ныла, один зуб шатался. Вдобавок Курочкин, кажется, ушиб колено и ссадил локоть. И только будильник на ленточке не пострадал; как рефери на боксерском поединке, он бесстрастно отсчитывал секунды поражения Дмитрия Олеговича.

— Ха! — удивленно произнес урка за его спиной. — Так эта хреновина вообще не запира...

Сзади послышался щелчок, а потом еще непонятный звук, словно бы фиксатый вдруг подавился воздухом. Курочкин украдкой обернулся. Урка по-прежнему сидел на скамейке, держа на коленях уже открытый дипломат. Присмотревшись внимательнее, Дмитрий Олегович похолодел: плоский чемоданчик был с секретом.

Примерно с год назад какая-то левая фирма пыталась разместить в их НИИ заказ на аэрозольную взвесь хлороформа. Курочкин как раз тогда замещал завлаба, ушедшего в отпуск, и дотошно выяснил, что аэрозоль должен применяться в сторожевых устройствах чемоданов и портфелей, предназначенных для особо ценных грузов. По замыслу создателей устройства, при попытке кого-то постороннего открыть портфель или чемодан срабатывал сторож и в лицо злоумышленника ударяла струя из капелек усыпляющего аэрозоля.

Дмитрий Олегович, помнится, эту конструкторскую идею высмеял, доказав с помощью несложных расчетов, почему эффективность сторожа будет минимальной. Достаточно злоумышленнику отодвинуться на три сантиметра подальше — и облачко хлороформа вообще не достигнет верхних дыхательных путей. Курочкин тогда еще не без иронии посоветовал просто вкладывать в ценный чемоданчик склянку с хлороформом, ватную маску и подробную инструкцию, надеясь, что злоумышленник сам себе наложит маску и просчитает до двадцати.

Оказывается, конструкторы и впрямь отказались от химии, сделав сторож механическим и убийственно надежным.

Пружинный дротик пригвоздил не в меру любопытного урку к деревянной спинке скамейки. Из уголка рта фиксатого вытекла тоненькая струйка крови, мертвые глаза не выражали ничего, кроме безграничного удивления. Если считать двух ковбоев в подворотне,

урка стал уже третьим за сегодняшний день, кто был убит проклятым дипломатом.

Нельзя сказать, будто кандидат медицинских наук Дмитрий Курочкин боялся одного вида мертвых людей. В свое время он проходил трехмесячную практику в Тимирязевской анатомичке и в принципе мог себя заставить глядеть на покойников как на неодушевленные предметы. Страшно было другое: БЫСТРОТА, с которой живое существо превращалось в мертвое. Меньше получаса назад водитель серой иномарки жизнерадостно бибикал, едва не сбив растяпу пешехода с дурацким яблочным пакетом — и вот водителя уже нет, а есть манекен с красным пятном на груди. Только что урка беседовал с Курочкиным о своей воровской профессии — и вот уже он прибит к скамейке металлическим гвоздем, выпущенным из сторожевого устройства.

Дмитрий Олегович искоса глянул на содержимое плоского чемоданчика.

Однозарядному сторожу-убийце было что охранять: дипломат доверху был наполнен тугими пачками светло-зеленых купюр. Долларов.

— 4 —

Валентина всегда утверждала, что Курочкин и большие деньги — две вещи несовместимые. Как консалтинг — и свекольная ботва. Как «боинг» — и сельский сортир. В первое десятилетие совместной жизни супруга довольно часто попрекала Дмитрия Олеговича этим печальным обстоятельством и употребляла словечко «обалдуй» раз сорок на дню. Затем упреков стало меньше. В конечном счете Валентина стала находить даже маленький плюс, в таком прискорбном качестве Курочкина. Ибо, по мнению жены, вороне вроде Курочкина бог и не должен посылать крупные суммы: все равно ворона не сумела бы даже их толком пересчитать.

Как только что выяснилось, в последнем Валентина все-таки была неправа. Забравшись в первый попавшийся подъезд и непрерывно озираясь, Дмитрий Олегович за какие-то двадцать минут смог пересчитать доллары, обнаруженные в дипломате. Всего пачек было сорок девять. Все содержали купюры с числом 50 в углу. В каждой банковской упаковке обязано было находиться — Курочкин это твердо знал! — ровно сто купюр. Пятьдесят умножаем на сто, а потом еще на сорок девять... Угу. Двести сорок пять тысяч долларов. Немного меньше, чем четверть миллиона.

Привыкшего к рублям Курочкина шестизначное число поначалу даже не ошеломило. Сумма как сумма. Только потом он додумался выполнить правило умножения еще разок — и перед глазами его защелкали многочисленные нули.

Вороне бог послал Большие Деньги. Правда, чужие.

Для Валентины, всю жизнь проработавшей с чужими деньгами, банкноты делились на любимые, нелюбимые и опасные. К нелюбимым жена относил старые купюры — засаленные или ветхие. К разряду опасных супруга причисляла новенькие банкноты: как правило, именно среди них могли отыскаться фальшивые. Доллары из дипломата Валентине наверняка бы понравились. Деньги в пачках выглядели не новехонькими, однако не слишком и потертыми. Золотая середина. Курочкин мог ошибаться, но, по всей видимости, американские деньги в пачках были настоящими.

Машинально теребя свою ленточку с висящим на ней будильником, Дмитрий Олегович стал раздумывать, как ему теперь поступить.

Прежнюю идею — выкинуть дипломат со всем содержимым где-нибудь подальше от жилья — Курочкин сразу же отбросил. Доллары — не бомба, не взорвутся. И очень может быть, что человек, обнаружив набитый деньгами портфель, предпочтет оставить его себе. Тем самым Дмитрий Олегович автоматически оказывается соучастником воровства, хочет он того или нет. Закону наплевать, что никакой выгоды от содеянного Курочкин не получил. Раскольников вот тоже уробил старушку бескорыстно, по идейным соображениям...

Где-то внизу открылась дверь квартиры, и Курочкин замер, даже постарался не дышать. Дипломат в руках был уликой потяжелее окровавленного топора Раскольникова. Чей-то голос внизу сказал лениво: «Ну, я пошел...» Раздалось чмокание, потом шаги на лестнице, далекий хлопок двери подъезда. Кажется, пронесло. Надолго ли? Место, где затаился Дмитрий Олегович, было хоть и безлюдным, но далеко не пустынным. В любой момент могли возникнуть и другие жильцы, да и лавочка с мертвым уркой располагалась не так уж далеко от подъезда. Дедок с «Правдой» тоже мог бы вдруг очнуться от спячки и обнаружить поблизости гражданина, заснувшего вечным сном... Надо было побыстрее что-то решать, однако ничего путного в голову не лезло.

Самым простым и легким вариантом было отдаться в руки закона. В конце концов, сам Курочкин ни старушек, ни кого другого не убивал, и его добровольная сдача будет доказательством чистоты его помыслов.

Стал бы убийца по собственной воле приносить в отделение четверть миллиона долларов? Не стал бы. А вот Курочкин принес. Следовательно, Курочкин — никакой не преступник, но лишь жертва стечения обстоятельств. Значит, его надо отпускать... Несмотря на логическую безупречность этого варианта, поход в милицию пугал Дмитрия Олеговича.

Как ни крути, в органах работают разные люди. В основном, конечно, умные, но есть и не очень. Вдруг Курочкин попадет под руку именно тем, что не очень? Они-то могут не поверить такому ясному и такому честному рассказу про зацепившийся рукав, а с ходу объявят Дмитрия Олеговича соучастником. Или даже организатором. Р-раз — и готово!

Задумавшись, Курочкин слишком резко дернул ленточку и порвал ее. Слетевший с привязи будильник едва не выскользнул на пол и только у самого пола позволил Дмитрию Олеговичу себя поймать. Курочкин повертел в руках агрегат, прикидывая, куда бы его сунуть. В карман — великовато будет. Обрато вешать его себе на шею? Нет уж, Курочкину надоело быть коровой с бубенчиком! Пусть лучше полежит в дипломате, рядом с долларами, пожелтевшей «Свободной газетой» и какой-то бумажкой. В тесноте да не в обиде. «Будильнику грех жаловаться, — подумал Дмитрий Олегович. — Всю жизнь он простоял на буфете и никогда раньше у него не было таких дорогих соседей. Будет о чем ему вспоминать по возвращении обратно на полку». Главное, не забыть бы его вытащить, когда придет пора расставаться с этим чужим чемоданчиком. Бабушкин агрегат точного времени не очень-то нравился Валентине: по ее мнению, будильник иногда отставал по причине своего почтенного возраста и одновременно был не настолько старым, чтобы считаться антиквариатом. Но все же он был Весьма Ценной Вещью, и, если бы Дмитрий Олегович потерял его, скандалчик был бы обеспечен. Небольшой, минут на тридцать чистого времени...

Была в принципе еще одна хорошая возможность честно отвертеться от дипломата. Отнести его на почтамт, запаковать и отправить лично министру финансов — пусть сам и разбирается с долларами. В каком-то фильме герой так и поступил, хотя потом проявил малодушие и вымаливал чемодан обратно. Дмитрий Олегович бы не передумал, однако в

этой интересной идее его все же кое-что смущало. Во-первых, он подозревал, что и люди на почте могли смотреть тот же фильм и догадаться о содержимом посылки. Во-вторых, всевозможные охранные службы наверняка бы успели трижды заглянуть в посылку, опасаясь теракта (и куда в этом случае денутся доллары — никто не знает). Третье «но» было самым прозаическим: за отправку нужно было бы платить. Дмитрий Олегович тщательно обревизовал собственные карманы и из денег обнаружил одну лишь жалкую десятикопеечную монетку, при помощи которой нельзя было бы отправить обычное письмо — не говоря уж про что-нибудь другое. Кроме малой денежки в карманах нашлись четыре жетона для телефона-автомата, магнитная карточка для метро (по ней можно было проехать еще два раза), помятый (но еще годный) троллейбусно-трамвайно-автобусный талон. Вдобавок Курочкин неожиданно нашел в брючном кармане пластмассовую коробочку с ампулой и инъектором и некоторое время рассматривал их, пытаясь сообразить, откуда это и что, собственно, это. Потом он, наконец-то, вспомнил про сейф-термостат, откуда сегодня утром и выпал данный опытный образец. Гексатал — мощная штука, даже чересчур мощная, однако денег все равно не заменит... По всему выходило, что, кроме как в милицию, другого пути у Курочкина нет и не предвидится. С тяжким вздохом мученика Дмитрий Олегович закрыл дипломат и спустился вниз по лестнице, к выходу из подъезда. Настроение у него было — как перед походом к зубному: и идти страшно, и не идти нельзя. Только один раз в жизни Дмитрию Олеговичу повезло, когда, явившись на прием, он вместо зубосверлильных станков и белых халатов застал на двери белый квадратик объявления о внезапном ремонте и о переносе на два дня даты приема больных. Выяснилось, что накануне ночью обвалилась шпукатурка в главном зале с бормашинной и прочей пыточной техникой. То-то было радости!..

Курочкин вышел из подъезда и обреченной походкой двинулся в направлении ближайшего отделения, стараясь идти как можно медленнее. Если бы у него под ногами неожиданно разверзся бы кратер вулкана радиусом с километр и обходить бы его понадобилось не меньше суток, Дмитрий Олегович был бы только рад проволочке. Если бы отделение милиции вдруг оказалось закрыто на ремонт, Дмитрий Олегович испытал бы громадное чувство облегчения — как после того счастливо-неудачного визита к зубному. Но, к сожалению, фортуна на бис не работает. Яично-желтое здание отделения милиции на Летниковской блистало тщательно вымытыми стеклами, забранными белоснежными решетками. Пожалуй, это было самое яркое, самое умытое и самое богато отделанное здание во всем квартале; только коммерческий киоск через дорогу мог посоперничать с милицией в яркости. Зато рядом с киоском приткнулась всего одна иномарка, а у входа в отделение было припарковано не менее полдюжины новеньких милицейских «Фордов» с мигалками — единственная марка импортных автомобилей, которую Дмитрий Олегович мог отличить от всех остальных экипажей иностранного производства.

Курочкин внезапно подумал, что давненько уже не встречал на городских улицах обшарпанных и залатанных милицейских канареечек или стрекучих мотоциклетов с колясками, которые были слышны за версту и при встрече с пешеходами обдавали тех плотным вонючим дымом из выхлопных труб. Дмитрий Олегович еще помнил газетные карикатуры, где злоумышленники, вооруженные до зубов, на роскошных иномарках легко отрывались от преследователей-милиционеров с пистолетиками, оседлавших древние стрекоталки. Теперь же эти картинки явно стали достоянием прошлого. Всего за год-два городские стражи порядка приобрели солидную экипировку, пересели сплошь на

зарубежные машины и мотоциклы, надежно обустроили свои опорные пункты. Американские полисмены — да и только! О чем еще мечтать законопослушному гражданину?

И все же Дмитрию Олеговичу было страшновато заходить в это чистое веселенького цвета здание на улице Летниковской. Наверное, срабатывал комплекс интеллигента — железное правило, согласно которому работники умственного труда обязаны были сторониться работников свистка и пистолета, чтобы ненароком не получить по очкам и шляпам. Для профилактики.

«Комплексы надо преодолевать!» — мысленно приказал себе Курочкин, однако не перестал обшаривать глазами фасад здания в надежде обнаружить где-нибудь сбоку объявление со спасительным словом ремонт. Увы, ремонта яичный фасад определенно не требовал. Но, может быть, внутри... какая-нибудь, штукатурка?...

— Ты чего тут встал? — властный голос мигом вернул Дмитрия Олеговича от мечты к реальности. К Курочкину обращался статный милицейский молодец в ладно пригнанной форме, в пластиковом шлеме и с коротким автоматом наперевес. На поясе у молодца в порядке висели дубинки, наручники и маленькая рация — новенькая и аккуратная.

— Эй! Я тебя спрашиваю! — властный голос затвердел.

— Я... Тут... — испуганно вякнул Курочкин. Он вдруг сообразил, что если этот страж законности и порядка сейчас обнаружит у него в дипломате краденые доллары, то выйдет вовсе не явка с повинной, а задержание с конфискацией. Совсем другая статья и небо в клеточку. И, что самое обидное, попробуй-ка докажи свою невиновность. Фармацевт, кандидат наук, ранее не судимый? Хорошая характеристика из НИИ? Ну, и что с того? В памяти сразу всплыли слова покойного урки. Он-то, урка, сразу заподозрил в Дмитрии Олеговиче начинающего ворюгу. Этакое инженерика, осваивающего премудрости гоппоста.

— Я... прогуливаюсь... — выдавил Курочкин, стараясь совсем не скиснуть под неумолимым взглядом милиционера.

Страж порядка сурово хмыкнул: улица Летниковская была далеко не самым лучшим местом для прогулок. Из всех окрестных достопримечательностей самой крупной был милицейский участок.

— Что-то ты врешь, дружок, — пронизательно заметил страж с автоматом. — Гуляют по Арбату, по набережной... Говори, чего здесь надо? — на беду Курочкина, у патрульного явно не было никаких срочных дел.

— Ничего! Ничего мне не надо, — забормотал Дмитрий Олегович, стараясь как-нибудь понезаметнее спрятать за спиной руку с дипломатом. — Я иду себе... в овощной магазин, — добавил он, сам не зная зачем.

— В овощной? — милиционер сурово насупил брови, кажется, всерьез заинтересовавшись подозрительным гражданином. — Но он-то совсем в другой стороне!

— В другой? — глупо переспросил Курочкин. — Вот незадача. Выходит, заблудился я... — Курочкин начал медленно, шагком за шагком отодвигаться от бдительного патрульного. — Тогда пойду в другую сторону...

Всего пять минут назад он намеревался отдаться в руки родной милиции. Теперь же он не чаял вырваться из этих же самых рук. Диалектика. Или, как сказала бы его Валентина, «обалдуй — это диагноз!». С грустью Дмитрий Олегович признал справедливость этой фразы: при нулевом природном везении шансов остаться на свободе у Курочкина

практически не было.

— Стой-ка, дружок! — патрульный властно поманил Дмитрия Олеговича пальцем. — Я с тобой еще не закончил... Что это у тебя в чемодане? Случаем, не бомба?

Курочкин понял: на чистосердечное признание ему осталось секунд пять. Он уже набрал в грудь побольше воздуха, чтобы на выдохе рассказать все-все про убитых в подворотне, мертвого урку и четверть миллиона долларов, но тут с грохотом распахнулась чисто вымытая дверь милицейского участка, и из нее на большой скорости вылетел круглый человек. Не вышел, не выбежал, а именно вылетел. Как птица. Или как камень. Или как птица, подбитая камнем. Последнее сравнение было, пожалуй, наиболее уместно.

— 5 —

У подбитой птицы было лицо кавказской национальности: кавказский нос, кавказский ежик седых волос, кавказские — навывкате — глаза, один из которых был украшен быстро набухающим синяком. После неудачного приземления на асфальт Летниковской улицы такие же кровоподтеки должны были возникнуть на руках и на ногах. И дай бог, если все ограничивается только синяками...

— Ох-х, — простонал раненый горный орел и попробовал встать на ноги.

Сразу позабыв об угрозе разоблачения с конфискацией, Курочкин бросился к подбитой птице и, поставив дипломат на асфальт, первым делом убедился, что нет переломов. После этого он помог горному орлу осторожно подняться.

— Ничего не понимаю! — громким шепотом сказал пожилой орел Дмитрию Олеговичу, вцепившись в его плечо. Кавказец все еще пребывал в прострации после полета и падения. — Ничего, генацвале!.. Ох-х!.. Фрукт привез... Документ — в порядке, накладные на груз — в порядке... Московский налог уплачен, санитарный налог, сказали... и санитарный уплатил... За что же он меня так?...

— А не нравишься ты мне, вот и все! — раздался голос сверху. В дверях милицейского участка возник полный и очень румяный офицер лет тридцати от роду. — На хрена ты, спрашивается, сюда приехал?

Гость с Кавказа, видимо, не слишком хорошо знал разговорный русский язык и потому не понял, что ответа от него сейчас никто не ждет. В особенности, румяный офицер в дверях.

— Я фрукт привез... — вновь попытался объяснить подбитый седой орел. — Четыре машины... через три границы... Документ ведь в поряд...

— Повесь в сортире свой до-ку-мэнт! — передразнил румяный страж порядка. — Знаю я вас, мусульман, как облупленных. Насмотрелся! Днем вы сладкие-сахарные, а как стемнеет, откопаете гранатометы... Мало нам своей уголовной швали, так еще за приезжими тут следи в оба глаза...

— Какой гранатомет? — печально проговорил горный орел. — Почему мусульман, зачем? Я — Автандил Цховребашвили, из Кутаиси, есть документ... — Последнюю фразу кавказский гость произнес, обращаясь почему-то не к милицейскому офицеру, а к Курочкину. Должно быть, понял, наконец, что с румяным капитаном обсуждать что-либо бесполезно.

Горских обычаев Дмитрий Олегович не знал, однако справедливо рассудил: раз человек

ему представился, надлежит сделать то же самое. Согласно законам гостеприимства. Поддерживать на весу грузноватого Автандила было не так-то легко, но Дмитрий Олегович старался не подавать виду.

— Я — Дмитрий Курочкин, — вежливо прокряхтел он. — Из Москвы...

Только после этих слов бравый капитан соизволил обратить свое капитанское внимание на Курочкина.

— А это еще что за хрен с горы? — лениво обронил милицейский начальник куда-то в пространство.

Видимо, предполагалось, что отвечать на это обязан сам Дмитрий Олегович.

— Я... — начал Курочкин и запнулся. За последние десять минут его вера в родную милицию не то чтобы поколебалась, однако несколько уменьшилась. Из двух только что встреченных стражей порядка оба оказались не слишком приветливыми. Объяснять бравому капитану, что он, кандидат наук Курочкин, — не хрен и не с горы, желания не возникало. Но и молчать было глупо.

Возникла пауза, которую решил заполнить патрульный, примолкший было после появления на горизонте начальства.

— Это я его задержал, товарищ капитан, — отрапортовал он. — Подозрительный типчик. Крутился тут и чего-то высматривал. В овощной он, видите ли, шел. А овощной-то магазин...

К счастью для Курочкина, патрульный выбрал не лучшее время для проявления инициативы. Капитан еще не исчерпал всех своих запасов раздражения.

— Сам-то здесь чего крутишься, Мымрецов? — хмуро осведомился он. — Ты уже полчаса как должен быть на Автозаводской, а не бдительность тут проявлять не отходя от кассы. Бдительнее всех, что ли?

— Никак нет, товарищ капитан! — патрульный Мымрецов козырнул, бросив злобный взгляд на Курочкина с Автандилом. — Я просто подумал...

— Меньше думай, сержант, — заметил капитан. — В твоём звании это совсем не обязательно...

Мымрецов вновь послушно козырнул, забрался в патрульный «Форд» и дал по газам. Взвизгнули шины. Машина оказалась единственным существом, на котором оскорбленный в лучших чувствах сержант смог отыгаться. Будь в машине патрульная овчарка — она бы вдобавок получила пинка. Человек — царь природы, и когда получает от другого царя нахлобучку, то вымещает свои чувства на подданных, живых или механических. Субординация. Когда у Валентины на работе неприятности, достается всегда Курочкину.

— А вы тут чего встали? — накинулся капитан на Дмитрия Олеговича и побитого орла. — Валите отсюда! Оба! Чтобы духу здесь вашего...

Курочкин подхватил свободной рукой дипломат с долларами и поволок гражданина Цховребашвили подальше от милицейского участка. Он был и так несказанно рад, что избежал худшего. Теперь явка с повинной откладывалась на неопределенный срок. Может быть, навсегда.

— Совсем плохой капитан, — шептал оскорбленный Автандил, пока Дмитрий Олегович тащил побитого горца по Летниковской и поворачивал с ним на Жуков проезд. — Чего ему надо, скажи, генацвале? Не милиция, а дворец, все везде есть... Телефоны, телевизоры... Зеркало три штуки только внизу, мебель хорошая... Зачем пристал, спрашивается?...

Курочкин был слишком нагружен, чтобы вслушиваться в горестный шепот и тем более

отвечать на недоуменные вопросы кавказского гостя. Он старался пока уйти подальше от яично-желтого милицейского дворца и при этом по возможности не выронить дипломат и не уронить Автандила. Фортуна, как видно, забавлялась с Дмитрием Олеговичем, словно сытая кошка с мышонком: позволяла дышать, однако не выпускала из цепких коготков. А чтобы Дмитрий Олегович не вздумал жаловаться на особую пристрастность богини невезения, был и приставлен к нему для контраста гражданин Цховребашвили из Кутаиси, дела которого были несравненно хуже курочкинских. У Дмитрия Олеговича, по крайней мере, никто не рвал в клочки документы, да и единственная за сегодня плюха, полученная Курочкиным от мертвого урки, не шла ни в какое сравнение с многочисленными ушибами горца. Возможно, этот самый Цховребашвили сам был на плохом счету у своей грузинской Фортуны, которая достала его даже здесь, на территории столицы уже другого государства.

— ...Говорю ему: паспорт в порядке, — бормотала себе под нос еще одна жертва Фортуны. — Деньги? Возьми, сколько надо... Муниципальный взнос, на храм, за автостоянку... — Бедняга Автандил все никак не мог прийти в себя, переживая случившееся. — Какой я мусульман, зачем?... Если ты такой богатый, почему такой недобрый?...

Из всего бормотанья кавказского гостя ухо Дмитрия Олеговича машинально выхватило последнюю фразу, но что она обозначала, Курочкин не смог догадаться — разве что приблизительно. Наверное, приезжому торговцу было бы не так обидно, если бы его побили и обобрали в грязном заплеванном участке с мутными стеклами на окнах, но никак не в блестящем дворце законности и справедливости. В той стране, откуда горный орел привез свой товар, богатство подразумевало великодушие. «Зато уж у нас это никак друг с другом не связано, — неожиданно подумал Дмитрий Олегович, вспомнив о содержимом дипломата. — Богатство отдельно, великодушие отдельно, а между ними уже три трупа... Пятнадцать человек на сундук мертвеца, йохо-хо...»

У ближайшего киоска Курочкин осторожно прислонил товарища по невезению, немного отдышался и сменил нагрузку: переложил дипломат в правую руку, а левое плечо подставил травмированному торговцу.

— Вам куда теперь? — тактично спросил он у гражданина Цховребашвили, стараясь, чтобы в его словах ни в коем случае не прозвучало «Навязался ты на мою голову!». Раз уж грузину так не повезло с милицией, Дмитрий Олегович согласен еще побыть добрым самаритянином. В конце концов, не угоди внезапно Автандил на асфальт возле милиции, он бы, Курочкин, под конвоем бдительного Мымрецова путешествовал бы сейчас из комнаты для допросов в КПЗ. Все-таки идея отдаться самому в руки закона была, надо признать, не слишком удачной...

— О-о! — сказал подбитый орел вместо ответа на вопрос. В первую секунду Дмитрий Олегович решил, что, прислоняя Автандила к киоску, он ненароком сделал ему больно. Однако возглас был скорее радостным, чем горестным, и, обернувшись, Курочкин увидел, как метрах в пятидесяти от них тормозит розовый автомобиль и оттуда выпрыгивает озабоченная троица с такими же, как у подбитого орла, лицами кавказской национальности. С криками «Батоно Автандил! Батоно Автандил!» двое из них перехватили у Дмитрия Олеговича тяжелую ношу.

— Поаккуратнее, — счел нужным предупредить Курочкин. — У него — сильные ушибы...

Третий, наиболее длинноусый из кавказцев, с сожалением поцокал языком.

— В милиции, да? — полувопросительно-полуутвердительно проговорил он с легким акцентом, пока «батона Автандила» со всеми предосторожностями усаживали на заднее сиденье машины.

Курочкин кивнул. Кавказец помрачнел и произнес длинную гортанную фразу, которая, по всей видимости, состояла из ругательств. Автандил Цховребашвили отозвался с заднего сиденья другой грузинской тирадой, в которой Дмитрию Олеговичу послышалась и его фамилия.

— Ох, извините! — спохватился длинноусый. — Спасибо вам за помощь, батона Курочкин... Может, и мы вам чем-нибудь поможем?

«Вряд ли, — подумал „батона“ Курочкин, поглядев на неразлучный дипломат. — Только мне не хватало свои проблемы переваливать на других...»

— Да нет, спасибо, — Дмитрий Олегович вежливо помотал головой. — Не стоит беспокойства... Я пойду, пожалуй...

Автандил вновь что-то проговорил, после чего один из кавказцев вышел из машины и сделал приглашающий жест Курочкину.

— Давайте мы вас хоть подвезем, — предложил длинноусый. — Куда вас доставить?

«Домой», — едва не сказал машинально Дмитрий Олегович, однако вовремя опомнился. Из всех возможных вариантов возвращение домой без покупки и с полным портфелем чужих долларов было самым неподходящим, почти самоубийственным шагом. Легче уж было бы вернуться к яично-желтому участку на Летниковской и сдать драчливому капитану себя вместе с дипломатом...

— Нет-нет, благодарю вас, — Курочкин опять отрицательно замотал головой. — Я сам еще не знаю, куда мне сейчас ехать... И потом, у вас в машине все равно места нет...

Кавказец, вышедший из автомобиля, гостеприимно улыбнулся Курочкину, повернулся и пошел прочь вверх по Жукову проезду.

— Садитесь-садитесь! — сказал длинноусый. — Нугзар пешком прогуляется до набережной, так что места хватит... Залезайте.

Теперь от приглашения отказываться стало совсем неудобно, и Дмитрию Олеговичу ничего не оставалось, как залезть на заднее сиденье и усесться рядом с батона Автандилом.

— Тогда, если можно, на Павелецкий, — попросил Курочкин. — Это совсем рядом... — Никакого плана действий у Дмитрия Олеговича по-прежнему не появилось, однако на вокзале были, по крайней мере, крыша над головой, телефоны-автоматы, зал ожидания и много-много спящих пассажиров, среди которых можно было затеряться, если что.

Длинноусый что-то скомандовал по-грузински, и машина плавно тронула с места. Ехать до вокзала было минут пять от силы, однако у них получилось гораздо дольше: то ли водитель был такой неопытный и не хотел рисковать, то ли не гнал специально, боясь растрясти ушибленного Цховребашвали. Времени на размышления у Курочкина таким образом оказалось достаточно, поэтому к моменту, когда автомобиль подрулил к желто-серому зданию Павелецкого вокзала, в голове Дмитрия Олеговича оформилась новая идея. До того элементарная, что Курочкин подосадовал, отчего эта мысль не посетила его раньше.

Совсем не обязательно было отдавать найденный дипломат милиции.

Гораздо справедливее было бы просто вернуть его хозяевам.

Турникет у входа в зал ожидания Дмитрий Олегович преодолел на удивление легко. Молоденький охранник, занятый разговором с какой-то девицей, только спросил Курочкина: «Есть билет?» Курочкин выставил перед собой дипломат, покивал и был пропущен.

Во времена молодости и ранней зрелости Дмитрия Олеговича в столице существовало небольшое, но неизменное количество бесплатных услуг. Бесплатны были, например, библиотеки и общественные туалеты. Любой москвич имел возможность задаром удовлетворить большую или малую нужду, а, обладая паспортом с городской пропиской, мог вдобавок и перелистать свежую газетку или «Огонек» в каком-нибудь уютном читальном зале.

Первыми исчезли с лица земли пахнущие аммиаком и хлоркой подвальчики с кабинками. На их месте возникли гигиенические салоны — чисто вымытые, светлые, благоуханные, но за деньги. В самый роскошный из таких салонов — на Кадашевской набережной — поначалу даже ходили, как в музей: там стояли телевизоры, из репродуктора лились фуги Баха, а в воздухе расплывались духи «Может быть». Все удовольствие стоило пятнадцать копеек. Постепенно салоны стали скучной обыденностью. Музыка Баха выветрилась, духи «Может быть» куда-то испарились, однако бесплатным удовольствием обратно не стало: напротив, плата за вход скакнула к мировым стандартам. Примерно то же произошло и с библиотеками, только без духов и Баха. В один прекрасный день библиотекарши, смущенно улыбаясь, стали объяснять приходящим читателям, что положение культуры — бедственное, бюджет — не резиновый, и есть постановление Моссовета, позволяющее библиотекам спасаться самостоятельно. Плата за вход на первых порах была символической, но затем выросла и она: постепенно и неотвратимо.

Платный вход в вокзалы придумали уже сравнительно недавно, с подсказки мэра, научившего МПС делать деньги из воздуха. То есть пассажир, имеющий конкретный билет на сегодняшнее число, мог пройти в зал ожидания задарма, однако граждане встречающие за право посидеть в тепле обязаны были выкладывать денежки. Официально все это производилось под лозунгом борьбы с вокзальными бомжами, у которых не могло быть ни билетов, ни денег, а также в целях профилактики: предполагалось, что вокзальные воры испугаются мальчишек из охраны либо пожадничают платить и будут задержаны той же охраной при попытке перепрыгнуть через турникет. Курочкин до сих пор не знал, убоялось ли вокзальное ворье нововведений, но вот живописные бомжи продолжали как-то просачиваться на охраняемую территорию, тихо спали днем по углам, а ночью выходили на сбор пустых бутылок. Про одного из таких бомжей, прозванного Филином, даже написал на днях «Московский листок»; сейчас этот Филин (дедок лет семидесяти) сочно похрапывал на лавке в тени искусственной пальмы. Рядом были сложены в кучку небогатые пожитки деда. Обычные посетители вокзала старались не занимать ближайšie к бомжу лавки, и Курочкин легко нашел свободное место. Оставалось лишь проверить, крепко ли спит старик.

— Кхэ-кхэ! — громко откашлялся Дмитрий Олегович. Филин не проснулся, только пробурчал что-то сквозь сон и натянул на себя серую рогожку, играющую роль одеяла. Журналист «Московского листка» дознался, что в былые годы Филин был инженером-путейцем и даже неплохим, но потом состав его по причине пьянства стремительно двинулся под откос, пока не очутился в грязном вокзальном тупичке рядом с пластмассовой пальмой в горшке.

Под прикрытием этой пальмы и спящего бомжа Дмитрий Олегович вновь обследовал содержимое дипломата; Теперь он уже интересовался не деньгами, а чем-то, могущим

навести его на след таинственных хозяев ценного груза. Теоретически на след его могли бы навести уже сами банковские упаковки, но — несмотря на популярные лекции Валентины — Курочкин продолжал быть полным профаном в денежных делах. Значки и цифры на бандеролях оставались для него китайской грамотой. С таким же успехом сама Валентина могла бы нарисовать простенькую формулу гидролиза целлюлозы и объяснить, при каких условиях в качестве конечного продукта образуется именно D-глюкоза... Дмитрий Олегович вздохнул и оставил попытки разобраться с упаковками банкнот. Ничего не прояснил и старый номер «Свободной газеты», брошенный поверх пачек. Курочкин не очень любил читать про политику, однако добросовестно исследовал газету с начала и до конца от латинских девизов «Mea culpa» и «O tempora, o mores!» — и до подписи «Главный редактор Виктор Морозов». Единственно, в чем уверился Дмитрий Олегович по прочтении номера, — так это в том, что газета попала в одну компанию с долларами совершенно случайно и решительно никакого отношения к владельцам денег ни сам главный редактор Виктор Морозов, ни вся его газета не имеет. Слишком размашисто обращался в своей передовице господин Морозов с миллиардами рублей, баррелями нефти и квадратными километрами территорий. На такую размашистость, как правило, способны люди, у которых всегда туговато с наличностью, а недвижимое имущество ограничивается старой моторной лодкой. Сам Курочкин был тоже из таких людей, даже без лодки. Только он, по крайней мере, предпочитал помалкивать в тряпочку, а не давать президенту США пространных советов, как тому лучше обустроить Америку...

Счастливым билетом для Дмитрия Олеговича неожиданно оказался смятый листок, на который он сперва не обратил внимания. Сперва Курочкин мельком углядел смешную рожицу на «Листке» и еще подумал, что это вряд ли автопортрет владельца четверти миллиона долларов. И лишь затем, отодвинув в сторону бабушкин будильник, обнаружил: листок — не обычная бумажка, а фирменный бланк. С грифом, адресом, двумя телефонами и факсом — все, как положено в солидном бизнесе.

Фирма называлась «Мементо».

Название было знакомое. Дмитрий Олегович, разумеется, не знал, что именно производит, продает или покупает означенная фирма, однако слово, призывающее граждан о чем-то помнить, периодически мелькало на телеэкранах — чаще всего во время каких-нибудь сериалов, которые так обожала Валентина. Супруга всегда была самого низкого мнения о телерекламе, какой бы то ни было. По ее словам выходило, что берутся оплачивать такую бестолковую белиберду только полные обалдуи, заставляя других обалдуев прерывать интересное и полезное зрелище идиотскими заставками, экономическая эффективность которых — уж поверьте слову опытного бухгалтера! — ниже не бывает. Соответственно и деньги, потраченные на рекламу, — выброшенные деньги. Проще их взять да и выбросить на улицу.

Вспомнив эти Валентинины изречения, Дмитрий Олегович с трудом удержался от нервного смеха: ему вдруг пришло в голову, что фирма «Мементо» точно последовала совету его супруги и в самом деле выкинула полный чемоданчик денег. А Курочкин этот чемоданчик подобрал...

— Хррр... — зарычал во сне вокзальный бомж Филин и перевернулся на другой бок. Должно быть, бывшему работнику путей сообщения приснилось, будто он — паровоз под парами и уже виден свет в конце туннеля.

Дмитрий Олегович осторожно поправил сползшую с Филина рогожку и поднялся с

места. В принципе неважно, для рекламы ли предназначались потерянные доллары или для чего другого. Курочкину все равно. Если дипломат с деньгами действительно принадлежит фирме «Мементо», он его вернет хозяевам — и дело с концом.

В зальчике, где одну стенку из четырех занимали телефоны-автоматы, Дмитрий Олегович обнаружил картинку, радующую сердце любого художника-сюрреалиста. Три небольшие очереди протянулись всего к трем автоматам из доброго десятка: к остальным, видимо, нечего было и подходить. Курочкину с детства везло на неработающие телефоны; из двушек и жетонов, опущенных в безответные прорезы Димой, Дмитрием и Дмитрием Олеговичем, можно было сложить пирамидку приличных размеров. В студенческие годы Курочкин мечтал изобрести такой химический индикатор, типа лакмусовой бумажки, который бы при соприкосновении с корпусом телефона-автомата, сразу давал явный ответ. Осталась бумажка нейтральной — можно звонить, покраснела — лучше и не соваться к трубке. Лишь к шестому курсу до студента Димы дошло, что невезение не подчиняется объективным законам естественных наук и что все зависит от конкретного человека. Предположим, Д. Курочкина.

— ...Работает? — на всякий случай осведомился Дмитрий Олегович у очкастой дамы впереди после того, как до него дошла очередь.

— Работает, — обнадежила дама, уходя, и Курочкин, поместив один из своих жетонов в прорезь, набрал первый номер с бланка фирмы «Мементо».

В трубке пискнуло, жетон провалился в щель, а затем наступила тишина.

— Алло! — крикнул Курочкин в пустоту. В ответ ему из трубки донесся писк, на сей раз длинный и протяжный. — Алло! — На самой высокой ноте писк внезапно оборвался, и пошли обычные короткие гудки.

«Гадина какая!» — мысленно заругался Курочкин на Фортуну, перешедшую от крупных неприятностей (в виде находки злополучного чемодана) к совсем уж мелким пакостям вроде поломки телефона-автомата перед самым курочкинским носом.

— Похоже, испортился... — сообщил Дмитрий Олегович очереди позади него. — Не соединяет почему-то...

Очередь, состоящая из молодой спортивной парочки с рюкзаками, угрюмой бабки с узлом и гоблиноватого вида парня со здоровенным баулом в руке, быстро рассредоточилась по двум оставшимся очередям. Через несколько секунд Курочкин остался в одиночестве, сжимая в руке бесполезную трубку. В трубке прерывистые гудки тем временем сменились длинным, нормальным.

Дмитрий Олегович еще раз поглядел на бумажку с телефонными номерами — и про себя обозвал себя последним идиотом. Автомат был исправен и притом невиновен в курочкинской глупости. Да и Фортуна вряд ли предполагала, что Дмитрий Олегович наберет по ошибке номер факса. Отсюда и писк вместо ответного «Алло».

Ошибка стоила Курочкину четверти всего наличного запаса жетонов; осталось еще три штуки. Дмитрий Олегович сунул в паз очередной пластмассовый кружочек, тщательно сверился с «Мементовским» бланком и лишь затем накрутил нужный номер.

Пошли длинные гудки. Первый, второй, третий...

После шестого «би-ип» Курочкин повесил трубку на место. В запасе оставались все те же три жетона и только один номер. Ну-с, госпожа Фортуна...

Дмитрий Олегович глубоко вздохнул и набрал последнюю комбинацию цифр, обозначенную на смятом бланке с рожицей.

Длинные гудки. Потом со щелчком в прорези исчез жетон, а из трубки донесся приглушенный женский голос:

— Фирма «Мементо» слушает.

Дмитрий Олегович откашлялся. Пока он дозванивался, заранее заготовленные умные и веские фразы куда-то делись.

— Девушка, — промямлил он. — Пожалуйста, позовите вашего главного. По важному делу... — Последние слова прозвучали на редкость неубедительно, даже плаксиво. Таким жалким тоном можно было выпрашивать три рубля взаймы, но никак не сообщать о найденном чемоданчике с долларами.

— У Михаила Викторовича совещание, — сухо ответила девушка в трубке, разом догадавшись о трехрублевой ценности курочкинского важного дела. — Звоните завтра после трех.

— Погодите минуточку... — Дмитрий Олегович попытался продолжить начатый разговор, но строгая девушка уже положила трубку.

Осталось всего два жетона.

Курочкин сурово насупил брови, выпучил глаза, надеясь, что эти манипуляции как-то отразятся и на его тоне, после чего набрал тот же номер.

— Девушка! — проговорил Дмитрий Олегович, едва заслышав слова «Фирма „Мементо“...» — Слушайте внимательно! — Курочкин изо всех сил старался говорить кратко и внушительно. — Я звоню по поводу двухсот сорока пяти тысяч долларов...

— Простите? — теперь в голосе телефонной барышни прозвучало удивление. — Я не вполне понимаю...

— Передайте вашему Михаилу Викторовичу, — перебил ее Курочкин, опасаясь, что его внушительности в голосе не хватит надолго, — что если фирма «Мементо» потеряла сегодня дипломат с четвертью миллиона зеленых... — Последнее слово Дмитрий Олегович употребил нарочно. Он знал от Валентины, что все новые русские фамильярно называют американские деньги зелеными или капустой. Слово «капуста» Курочкин приберет на крайний случай, но оно в этот раз не понадобилось.

— Соединяю, — поспешно сказала телефонная барышня уже на середине фразы. — Секунду...

Электрические молоточки отбили первые несколько тактов Калинки, а затем в трубке возник озабоченный начальственный бас.

— Седельников слушает, — произнес бас. — В чем дело?

— В долларах, — ответил Курочкин. Запас увесистости в голосе у него иссяк, и он теперь старался говорить хотя бы отрывисто. — Двести сорок пять тысяч. В дипломате. Ваши?

— А вы кто такой? — озабоченность в голосе сменилась растерянностью. Чувствовалось, что ТАКОГО начала разговора шеф фирмы «Мементо» не ожидал.

— Я — случайный прохожий, — правдиво ответил Дмитрий Олегович, не желая, однако, вдаваться в излишние подробности. — Шел мимо и подобрал... Так ваши или нет?

— Обождите минутку, — совсем не по-начальственному засуетился бас. В трубке раздалось шуршание; потом тихие, почти потусторонние голоса стали обмениваться неразборчивыми репликами. Курочкин прислушался, но разобрать сумел только словечко «кыш», как будто люди в кабинете господина Седельникова ожесточенно гоняли по комнате котенка. Под конец шуршания и шорохов кто-то довольно отчетливо проговорил: «Головой

отвечаешь, Седло...» — и в трубке вновь объявился бас Михаила Викторовича.

— Предположим, наша фирма имеет некоторое отношение к вашей... гм-гм... находке, — очень медленно, словно ступая по карнизу многоэтажки, проговорил господин Седельников. — Подчеркиваю, предположим... Итак, ваши условия?

Дмитрий Олегович перевел дыхание. Слава богу, хозяева денег были найдены им с первой попытки. Однако надо для порядка все-таки убедиться, не обманывает ли его начальственный бас. Курочкин не такой уж дурак, чтобы вот так запросто верить на слово.

— Сначала скажите мне, — Дмитрий Олегович вновь постарался вернуть своему голосу необходимую вескость, — а в каких купюрах хранится... гм-гм... содержимое? Я все-таки хотел бы удостовериться, что правильно набрал номер.

В трубке помолчали, затем возникло уже знакомое шуршание.

— Число пятьдесят вам подойдет? — наконец, осведомился господин Седельников. Курочкину почудилось, что карниз, по которому двигался в разговоре его собеседник, опасно сузился.

— Число пятьдесят мне подойдет, — ответил Дмитрий Олегович. Шеф фирмы «Мemento» правильно указал достоинство банкнот, и теперь всякие сомнения отпали. — Предположим, подойдет... — конспиративно поправился Курочкин.

— Прекрасно, — бас господина Седельникова чуть-чуть повеселел.

Словно бы во время прогулки по карнизу он впервые нащупал под ногой более-менее прочную опору. — Итак, что вы хотите?

— Вернуть вам дипломат, — чистосердечно ответил Дмитрий Олегович. — И по возможности скорее. У меня и так из-за него куча неприятностей...

— Я понимаю, — с долей нетерпения проговорил Михаил Викторович. — Нам тоже хотелось бы скорее... Я спрашиваю, НА КАКИХ УСЛОВИЯХ?...

— Ни на каких, — удивился Курочкин непонятливости собеседника. — Вернуть без всяких условий. Раз дипломат ваш, то и забирайте на здоровье.

Трубка опять наполнилась шорохом.

— Я что-то не улавливаю, — с явным напряжением в голосе произнес после паузы господин Седельников. Карниз, по которому он шел навстречу собеседнику, сузился еще больше. Дмитрию Олеговичу показалось, будто шеф «Мemento» в любую секунду может повесить трубку.

— Тут и улавливать нечего, — внятно сказал Курочкин и для убедительности еще раз повторил: — Нечего. — Дмитрий Олегович никак не мог разобраться, отчего его поступок вызывает такое недоверие. — Говорю же вам, я — случайный прохожий. Я не нарочно оказался в этой подворотне, так вышло... А телефон ваш я нашел на бланке, в самом дипломате...

Теперь шуршание в трубке продолжалось минуты две. Напрягая слух, Дмитрий Олегович мог слышать только интонацию потусторонних голосов в седельниковском кабинете. Кто-то убеждал кого-то в чем-то. «Не похоже на ментов, гадам буду...» — выплыло из всеобщей тихой сумятицы, и трубка снова очутилась в руках господина Седельникова.

— Значит, вы нам ПРОСТО возвращаете чемодан в целостности и сохранности? — на этот раз в баше Михаила Викторовича Курочкину почудился оттенок какой-то истеричной веселости. Очень легкий оттенок. — И не требуете ответных услуг, да?

— Да! — подтвердил Дмитрий Олегович.

— Прекрасно! — быстро сказал господин Седельников. — Тогда оставьте дипломат в боксе камеры хранения и сообщите код. Наш человек заберет... Годится?

— Не годится, — с сожалением в голосе ответил Курочкин. — Я могу только передать из рук в руки...

На самом деле идея с камерой хранения была превосходна. Но не мог ведь Дмитрий Олегович объяснять, что все его наличные деньги ограничиваются гривенником? Собеседник бы все равно не поверил, а только решил бы, что Курочкин таким способом вымогает у него деньги в качестве оплаты за любезность.

— О'кей, — немедленно согласился господин Седельников. Похоже, после очередного тура переговоров с потусторонними голосами шеф фирмы «Мементо» благополучно спустился с карниза на твердую почву. — Можно и из рук в руки... Как вы это себе представляете технически?

На несколько мгновений Курочкин задумался.

— Сделаем таким образом, — произнес он. — Минут через пятнадцать...

Что именно нужно сделать минут через пятнадцать, Курочкину объяснить так и не удалось.

Чьи-то узловатые пальцы опустились на рычаг. Чье-то крепкое плечо бесцеремонно отпихнуло Дмитрия Олеговича от телефона-автомата.

— Ах ты, жук навозный! — злобно сказал чей-то голос.

— 7 —

В школе Диму Курочкина учили, что старость надо уважать и что каждый человек имеет право на отдых. Позже Дмитрий Олегович догадался: пенсионная граница для женщин в его родной стране чересчур занижена. Между отметками 55 и 65 наступает никакой не спад, а, напротив, бурный подъем духовной — или, по крайней мере, физической — активности. Фигура тещи становится социально опасной, в первую очередь по этой самой причине. Вместо того чтобы отдавать свои силы и реализовывать себя у станка, в лаборатории или на кафедре, женщина в расцвете сил внезапно оказывается сосланной на кухню, к орущим детям и малахольному зятю (у которого расцвет — еще впереди). Здесь-то и кроются причины стрессов, скандалов и конфликтов, доходящих иногда до рукоприкладства...

Неизвестно, чьей тещей была угрюмая бабка с узлом, но зятю ее трудно было бы позавидовать. От резкого толчка Дмитрий Олегович отлетел метра на три в сторону и врезался в одну из оставшихся очередей к таксофонам, чуть не выронив при этом дипломат с долларами.

— Ах ты, хомяк с портфелем! Телефон, говорит, не рабо-о-о-тает! А сам присосался к нему, как пьявка, болтает и болтает...

Совершив акт справедливости, энергичная бабка пристроила свой узел поближе к ноге (чтобы не уперли) и завладела отвоеванной трубкой. Дмитрий Олегович затравленно огляделся вокруг. Люди из обеих очередей глядели на него с неодобрением, нечего было и пытаться как-нибудь попасть к автоматам раньше чем через полчаса. Курочкин попробовал было пристроиться сразу за бабкой, но та, кажется, оккупировала таксофон всерьез и надолго. Она высыпала на пластмассовую полочку под аппаратом чертову уйму жетонов, разложила множество бумажонок с номерами и, видимо, не собиралась уходить, пока не

реализует свою программу-максимум. Занимать за ней было глупо.

Частым посетителем Павелецкого вокзала Дмитрий Олегович не был, однако догадывался о наличии здесь, по меньшей мере, еще одной грибницы телефонов-автоматов. Крепко сжимая в кулаке единственный жетон, Дмитрий Олегович последовательно обежал весь первый этаж, потом второй и третий, однако все без толку. Видимо, госпожа Фортуна всерьез обиделась на слово гадина, мысленно произнесенное Курочкиным в сердцах, и решила не давать тому никакой поблажки. Жиденькие поросли таксофонов из одного-двух кустиков можно было встретить еще в трех-четыре местах, но всякий раз аппараты либо были уже захвачены деловитыми гражданами и гражданками, либо демонстративно молчали, как Валентина перед крупным скандалом. В одном месте на втором этаже, рядом с киоском «Транспортной книги», Дмитрий Олегович уже решил, что ему все-таки повезло: новенький с виду телефон был свободен и исправно гудел. Курочкин поспешно поставил злосчастный долларовой дипломат на пол, обтер об рукав пропотевший жетон и опустил его в прорезь. Точнее, вознамерился опустить, потому как щель для жетона в корпусе отсутствовала. Напрочь.

Дмитрий Олегович сморгнул, протер глаза — прорезь не появилась. Тут он, наконец, заметил табличку с надписью на двух языках. Месье Курочкину любезно сообщали, что из этого таксофона он может позвонить не только в Москву, но даже в Париж или Нью-Йорк. Если, конечно, воспользуется специальной магнитной карточкой. Дмитрий Олегович скрипнул зубами от такого утонченного издевательства со стороны богини неудачи и господина мэра, вместе взятых. Телефон-автомат оказался родным братом турникета из метро. Лишь сейчас Курочкин припомнил кадры телевизионной хроники, в которой московский градоначальник торжественно перерезал алую ленточку, благословляя открытие в Москве новой сети замечательных французских телефонов-автоматов. На несколько секунд Курочкин разом возненавидел страну Францию, ее инженеров, сотворивших чудо-технику, и саму эту бессмысленную идею с карточками, уже погубившую метрополитен. Однако быстро понял, что от ударов локтем по блестящему корпусу щель для жетона все равно не возникнет, и постарался взять себя в руки. Надо было спешить. Где-то в центре Москвы некий господин Седельников сейчас сидит у своего телефона и наверняка не может понять, отчего его собеседник так неожиданно прервал разговор. Не передумал ли он? — возможно, размышляет шеф фирмы «Мементо». — Не решил ли он все-таки присвоить чужой дипломат вместе с чужими деньгами?

Мысль о том, что его, Дмитрия Олеговича Курочкина, будут считать обычным загребушим ворюгой, была непереносима. На прощание пнув красивую французскую игрушку, Курочкин бросился к выходу. Покидать свое павелецкое убежище не очень хотелось, но свободный телефон мог отыскаться лишь за пределами этого заколдованного места.

У турникета внизу дежурил все тот же охранник и все так же он любезничал с девицей, хотя теперь и с другой.

— Я вернусь еще! — на бегу пробормотал Дмитрий Олегович охраннику и, размахивая дипломатом, вылетел из дверей.

Таксофон нашелся сразу, в каких-то пятнадцати метрах от вокзала. Подтянутый матросик как раз закончил разговор с неведомой Анютой, сказал в трубку «И тебе того же!», после чего уступил место Дмитрию Олеговичу.

Курочкин еще раз сверился с бумажкой и лишь затем опустил в щель драгоценный

жетон. Трубку сняли сразу же после первого гудка.

— Фирма «Мементо», — отозвался нетерпеливый бас господина Седельникова, который, по всей видимости, решил теперь обойтись без секретарши.

— Это я... — еще толком не отдышавшись, сообщил Дмитрий Олегович. — Насчет вашей... капусты...

— Да-да! — быстро сказал шеф «Мементо». — Вы так неожиданно пропали...

— Извините, — проговорил Курочкин, радуясь, что его пока не принимают за жулика. — Пришлось перейти к другому телефону.

В трубке вновь зашуршали бестелесные голоса. Потом опять возник господин Седельников.

— Ваши меры предосторожности излишни, — непонятым тоном сообщил он. — Мы ведь не собирались фиксировать ваш телефон-автомат...

«Что значит „фиксировать“, — с недоумением подумал Курочкин. — И как он, кстати, догадался, что я говорю из автомата?» Наверное, этот Седельников и его команда голосов все же не вполне доверяли искренности Дмитрия Олеговича. Очевидно, они опасались, будто Курочкин в последний момент может как-нибудь перерешить и не отдать доллары.

— Вы не сомневайтесь, — заверил Дмитрий Олегович. — Ваши деньги попали ко мне случайно, по ошибке, и я на них не посягаю...

— Что вы, что вы! — немедленно ответил господин Седельников. — Мы и не сомневаемся. Вы нам все превосходно объяснили... Шли по улице, увидели доллары, решили нам вернуть...

Голос шефа «Мементо» звучал вежливо, даже предупредительно. Слова он произносил правильные, аккуратные. Немного странной казалась лишь интонация: примерно в таком же тоне продавщицы из магазина «Буратино» общались со своим капризным маленьким покупателем. Тем самым, кому предназначался огромный электрический танк.

— Не совсем так, — на всякий случай уточнил Курочкин. — Деньги я нашел, естественно, не на улице, а в подворотне... И сначала я, честное слово, не знал, что в чемоданчике доллары...

— Конечно-конечно! — бас господина Седельникова растекся приторным сахарным сиропом. — Доллары в подворотне, а вы не знали... Значит, вы по-прежнему хотите их нам вернуть?

— О чем я и толкую! — обрадовался Дмитрий Олегович, решив не обращать внимания на странную интонацию в голосе собеседника. — У меня есть план...

Разномастные конторы и офисы расплозились по Москве, как тараканы. Они влезли в цоколи, заполнили первые этажи и начали потихоньку вытеснять даже магазины — те, что не могли сопротивляться. Тихая позиционная война вывесок особенно была заметна в центре столицы, на больших улицах, близ транспортных артерий. Конторы отвоевывали здесь места, наиболее удобные для подъезда автотранспорта, а магазины бились за площадь, где бы циркулировало побольше праздно публики. Иногда магазинам удавалось переходить в контрнаступление, и тогда вместо окон, забранных тяжелыми решетками, вновь появлялись витрины с продовольственно-промышленным импортным изобилием. Чаще,

однако, побеждали конторы с крепкими тылами и большим запасом прочности. Одна из них и победила старую булочную на углу Новокузнецкой и Зацепского вала, оттеснив ее куда-то в сторону Монетчиковских переулков. В прежние времена Курочкин любил заглядывать в эту булочную и даже специально делал ради нее крюк, возвращаясь домой из своего НИИ. Подольский хлеб и тминные рогалики были здесь, без сомнения, лучшими в Москве. Обычно Валентина терпеть не могла, когда Дмитрий Олегович проявлял самостоятельность и делал покупки без ее указаний, но зацепские рогалики были тем исключением, которое супруга снисходительно терпела и даже одно время закладывала их в свой тщательно выверенный семейный бюджет.

Теперь на месте угловой булочной располагался чей-то солидный офис. Изредка проходя мимо, Дмитрий Олегович с грустью наблюдал, как к боковому подъезду бывшего хлебного причаливают презрительные иномарки, как из них выходят хорошо одетые джентльмены и исчезают за дверьми. У входа в бывшую булочную всегда было довольно оживленно: деловитые граждане с портфелями сновали туда-сюда — входили, выходили, курили у входа, бросали окурки в беломраморную урну (раньше ее не было) и снова скрывались за дверью.

Здесь Курочкин и назначил свидание посланцам господина Седельникова, рассудив, что в этом месте человек с дипломатом ни у кого не вызовет вопросов. Встреча должна была состояться через четверть часа, а идти от телефона-автомата до здания бывшей булочной было всего минуты три — через Павелецкую площадь по подземному переходу. Или пять минут, если двигаться совсем уж черепашьям шагом, еле-еле волочить ноги.

Дмитрий Олегович позволил себе немного расслабиться. Очень скоро главная проблема будет разрешена, и Курочкину останется лишь придумать, как ему выкручиваться без денег и без яблок. Но это после, после... Мимо Дмитрия Олеговича шли озабоченные мужчины и женщины, нагруженные покупками. Каждого мужчину ждала дома своя Валентина, каждую женщину ждал свой Курочкин. Во всем этом — как в хорошей формуле органического синтеза — была здоровая симметрия, четкое расположение реагентов, правильность и определенность. Улыбнувшись про себя, Дмитрий Олегович подумал, что у него с Валентиной — типичная экзотермическая семья: любой их контакт не обходится без повышения температуры окружающей среды. Курочкин знал и спокойные, эндотермические, семейные пары, и их ласковая умиротворенность Дмитрию Олеговичу нравилась. Увы: когда человек вступает в брак, на нем не написан тип реакции — аналогов в справочнике не найдешь, в вытяжном шкафчике не проверишь... Дмитрий Олегович моментально испугался своего даже мысленного «увы» по отношению к Валентине и решил не продолжать своих сомнительных семейно-химических аналогий! Эдак можно дорассуждаться черт знает до какой ереси.

Курочкин поежился и шагнул в подземный переход — затхлый и почему-то очень тихий. Раньше здесь было множество прохожих в любое время дня, а теперь царило безлюдье. Кстати, с чего бы это? Дмитрий Олегович внезапно забеспокоился и, перепрыгивая через ступеньки, поскорее рванул вглубь.

Рванул — и был остановлен металлической решеткой с кое-как приляпанной свежей биркой «Входа нет». Закрыто. Заперто на висячий замок. Сегодня Фортуна решила-таки взяться за Курочкина по полной программе и доконать его вконец. Подземный переход был наглухо перекрыт, и это сразу поставило Дмитрия Олеговича перед трудноразрешимой проблемой. Некоторое время он стоял у решетки, тупо прикидывая, нельзя ли будет каким-

либо образом пролезть между прутьев, но потом словно очнулся. Выбежал наружу, глянул направо, налево и завертелся на месте.

Здание, возле которого он сам назначил встречу, видно было невооруженным глазом. Отделяли место встречи и место, где сейчас находился Курочкин, всего лишь площадь и два непрерывных потока машин. Кроме того, неподалеку прогуливался милиционер и, если бы даже Дмитрий Олегович захотел рискнуть жизнью и броситься форсировать магистраль поверху, его маневр почти наверняка был бы пресечен.

Что же делать? Через несколько минут к дверям бывшей булочной подъедут посланцы фирмы «Мементо», а Курочкин тем временем будет бестолково топтаться на другой стороне площади — не допрыгнуть и знака не подать. Обходить кругом — слишком долго. Может, как-нибудь попытаться все же перескочить здесь? Кажется, в бурной реке наметился слабый просвет. Дмитрий Олегович читал про какого-то мифологического деятеля, которому удалось уговорить море расступиться, чтобы он и его товарищи сумели пройти по дну. Сейчас этот деятель был бы очень кстати... Курочкин приблизился к краю тротуара и бросил опасливый взгляд на милиционера. Тот с интересом рассматривал будущего нарушителя, примериваясь к свистку. Нет, не выйдет! Был бы жетон, он смог бы хотя бы перезвонить в «Мементо», прокричать, что опаздывает: есть ведь в машинах какие-нибудь радиотелефоны или пейджеры. В отчаянии Дмитрий Олегович еще раз перебрал содержимое карманов, но ничего нового, понятно, не нашел. Коробочка, гривенник, карточка для метро... Для метро... Для метро!

Дмитрий Олегович издал радостный вопль и кинулся обратно в здание вокзала: в ту из дверей, где ближе всего было до станции «Павелецкая». Из-за этого дурацкого перехода он совсем забыл, что есть и другой путь. Можно перейти с радиальной на кольцевую и выйти наружу неподалеку от бывшей булочной. Немного дольше, но наверняка — метро-то Фортуне никак не закрыть; мелковат Курочкин, чтобы стать причиной таких катаклизмов!..

Как назло, народу на эскалаторах оказалось полным-полно, и все с чемоданами, мешками, тележками. Даже в выходной здесь было не протиснуться, а может быть, как раз в выходной здесь возникало особенное столпотворение. В толпе Дмитрий Олегович боялся приоткрыть дипломат и посмотреть на циферблат бабушкиного будильника, но он и так чувствовал, как стремительно утекают его минуты. В длинной галерее перехода Курочкин уже почти бежал, стараясь никого не задеть плечом или углом чемоданчика... Еще одна галерея, запруженная продавцами газет... Нет, мне не нужен «Московский листок»! И «Комсомолка» не нужна! Извините, девушка... Поворот, переход, эскалатор с сумками-баулами-тележками, целая армия этих тележек... Выход на улицу Новокузнецкая, это сюда, слава богу!

Запыхавшийся и помятый, Дмитрий Олегович выскочил из дверей метро, сориентировался в пространстве и бросился направо, лавируя в негустой толпе. Вход в контору — бывшую булочную — был уже совсем рядом, в сотне метров. Контора, похоже, работала без выходных: поблизости было припарковано множество дорогих автомобилей, какой-то господинчик с портфелем, как обычно, вежливо покурировал у входа. Курочкин еще успел подумать на ходу, что дипломат у господинчика такой же, как и у Дмитрия Олеговича; интересно, вдруг и там доллары? Мысль была донельзя идиотская. Должно быть, из-за этой истории Курочкин попутно обзавелся новым бзиком: теперь, глядя на любой похожий портфель системы «дипломат», он будет еще долго подозревать в нем хранилище валюты...

Та-тах! Та-та-та-тах!

Курочкин даже не понял сначала, что произошло. Господинчик с дипломатом, мирно покуривавший у дверей конторы, внезапно закачался, схватился за грудь и, так и не выпустив изо рта сигареты, повалился навзничь. Дипломат, вырвавшись из его рук, не улетел далеко, а, как послушная собачка, с шумом грохнулся на асфальт рядом с хозяином. В уличной толпе завизжали.

Та-та-тах!

Из кабины большой серой автомашины, которая только что мирно заворачивала откуда-то со стороны Валовой, выскочили двое в масках и с короткими автоматами в руках. Один принялся поливать дверь бывшей булочной, а другой поспешно склонился над упавшим господинчиком.

«Боже мой!» — с ужасом подумал Курочкин, инстинктивно ныряя за ближайшую из припаркованных иномарок. Место, столь опрометчиво выбранное им для встречи с посланцами фирмы «Мементо», вдруг оказалось эпицентром одной из бандитских разборок. О таких случаях Дмитрий Олегович много слышал, но своими глазами никогда раньше не видел. Сегодня, наконец, мадам Фортуна доставила ему это сомнительное удовольствие.

Та-та-та-та!

Ду-ду! Ду-ду-ду!

К автоматной скороговорке неожиданно присоединились новые звуки. Дверь конторы чуть приотворилась, и оттуда высунулась здоровенная черная труба, сразу полыхнувшая огнем. В голове Курочкина, человека сугубо гражданского, всплыло мрачное словосочетание «крупнокалиберный пулемет», хотя Дмитрий Олегович мог поклясться, что раньше никогда такого орудия не видел.

Нападавшие замешкались. Тот, кто наклонился над господинчиком, так и не смог пока завладеть его дипломатом: в отличие от портфеля, имевшегося у Курочкина, этот, оказывается, был прикован к руке. Очевидно, в конторе, победившей булочную, тоже не веники вязали. Курочкин, прячась за машиной, вновь мысленно обозвал себя обалдуюем — нашел, называется, подходящее место для свидания! Теперь уж наверняка посланцы «Мементо» предпочтут объехать опасную улицу стороной. А может быть, они даже решат, будто стрельбу спровоцировал сам Курочкин?

Ду-ду-ду-ду!

Оправившись от неожиданности, контора нанесла ответный удар. В ту секунду, когда примолк автомат нападавших, из дверей стремительно выкатился квадратный детина с тем самым крупнокалиберным пулеметом. Пользуясь тем, что все случайные свидетели перестрелки уже разбежались или залегли, детина стал веером расстреливать парочку в масках и серый автомобиль.

Автоматчик, стоявший во весь рост, с ходу был выведен из игры. Второй получил пару секунд форы и, забыв о дипломате убитого господинчика, бросился к открытой дверце автомобиля. Но шофер, однако, предпочел спасти себя, а не соратника, и резко тронул с места.

— Сто-о-о-ой! — крикнул соратник в маске вслед убегающей машине. — Куда, сука?!!

— Ду-ду! — ответил крупнокалиберный пулемет, и второй из нападавших грохнулся на проезжую часть.

— Ти-а! Ти-а! — присоединилась к разговору милицейская сирена. Инстинкт самосохранения вновь напомнил Курочкину о себе. Волоча за собой проклятый портфель, набитый долларами, Дмитрий Олегович стал отползать в направлении улицы

Новокузнецкая, в сторону метро, откуда выбежал всего пять минут назад. Попадать в поле зрения милиции Курочкину почему-то сейчас совершенно не хотелось.

Хотелось домой.

— 9 —

— Фирма «Мементо» слушает, — откликнулся все тот же голос телефонной барышни.

— Девушка, милая, не кладите трубку! — взмолился Дмитрий Олегович. У проходящего мимо унылого дядьки с корзиной он только что с неловкими извинениями выменял свою неиспользованную карточку для метро на заветный коричневый кружочек с надписью «Таксофон МГТС». — Произошло ужасное недоразумение, я тут ни при чем... Пожалуйста позовите Седельникова!

— Михаила Викторовича сейчас нет на месте, — ответила барышня заученно-вежливым тоном. — Что-нибудь ему передать?

Курочкин с досадой закусил губу. Ну, куда этого типа еще понесло? Неужели погулять пошел? В Курочкине стала закипать неприязнь к обладателю вальяжного баса. Как будто это он, господин Седельников, должен отдать Дмитрию Олеговичу огромную сумму денег, а не наоборот...

— Девушка, пожалуйста... — Курочкин обнаружил в своем голосе слезливые нотки. Несмотря на раздражение, он все никак не мог настроиться на деловитый тон, сколько ни гримасничал у телефонной трубки. Когда твой багаж свежих впечатлений только что пополнился еще тремя убийствами, уже не хватает сил проявлять характер. — А может, есть кто-нибудь из замов вашего Михаила Викторовича?

— Что-что? — переспросила барышня в трубке, словно не поняв вопроса.

— Ну, из заместителей, — повторил Дмитрий Олегович. Как ему самому показалось, немного тверже. — По маркетингу или как там у вас это называется... — Насколько Курочкин помнил, во время предыдущих разговоров с «Мементо» в трубке то и дело реяли замогильные голоса. Ведь не сам с собой общался господин Седельников. Не с призраками же он, в конце концов, проводил свое совещание.

— По маркетингу-у? — с неожиданным интересом прогянула барышня на том конце провода, и, как вдруг почудилось Дмитрию Олеговичу, в голосе ее возникли уже знакомые непонятные интонации продавщицы игрушечного магазина. Курочкин представил себе, что вот сейчас девушка из фирмы «Мементо» предложит ему купить куклу или заводной автомобильчик. Но вместо этого девушка произнесла коротко: — Никого нет. Все на обеде...

Вполне возможно, сказано было не на обеде, а на объекте, — Курочкин плохо расслышал последнее слово. Но хрен редьки не слаще. Что в лоб, что по лбу. От невезенья нет леченья...

— Простите, это не вы нам звонили полчаса назад? — внезапно спросила телефонная барышня, вклиниваясь в горестные раздумья Курочкина. — Вы еще сказали, будто бы нашли...

— Да! Да! — воскликнул Дмитрий Олегович, у которого вновь проснулась надежда. — Я тот самый, что нашел дипломат с капус...

— Тише, ни слова больше, молчите, — скороговоркой произнесла девушка на том конце

провода. — Или нет, отвечайте, но коротко... Что вы хотите сделать с... находкой?

— Вернуть вам! — выдохнул Курочкин. — Заберите!

— Тише, не так громко... — телефонная барышня замолчала, словно раздумывая. На сей раз ни шороха, ни потусторонних голосов Дмитрий Олегович не услышал.

По вестибюлю метро мимо таксофонов быстро прошагали двое милиционеров в камуфляже и с автоматами, оба похожие на патрульного Мымрецова. Дмитрий Олегович вжал голову в плечи, повернулся к ним спиной и изобразил необычайную увлеченность телефонным разговором. Идиотское положение! Он, не совершивший никакого преступления, ощущал себя теперь закоренелым преступником, уже почти что виновным в краже и сразу нескольких убийствах... Бедная Валентина! Она вышла замуж за Джека-Потрошителя!

— Вы слушаете? — ожила в руке трубка.

— Слушаю! — жарким шепотом произнес Курочкин, провожая глазами патрульных. Джек-Потрошитель пока оставался непойманным, и то хорошо. Или, быть может, Фортуна еще просто не наигралась сегодня с Дмитрием Олеговичем.

— Идите к главному входу Павелецкого и стойте там, — деловито проговорила телефонная барышня, тоже понижая голос до шепота. — Никуда не уходите, дождитесь синие «Жигули». Как только машина остановится, садитесь в нее и не задавайте лишних вопросов...

— Зачем мне садиться? — тут же задал лишний вопрос Курочкин. — Я просто передам дипломат и... — Ответом ему были прерывистые гудки: дав инструкцию, барышня немедленно отключилась.

«Скажи спасибо, что тебе назначают свидание здесь же, у Павелецкого, — стал мысленно успокаивать себя Курочкин. — А не у Казанского или где-нибудь на ВДНХ...» Телефонной барышне ему в особенности не хотелось сообщать о своем безденежье и безжетоны. Если не считать четверти миллиона долларов в дипломате, у Дмитрия Олеговича по-прежнему оставался сиротский гривенник.

Обратно, к Павелецкому вокзалу, имелось два пути: длинный и короткий. Можно было вновь подняться на поверхность, выйти на Валовую и через Зацепу обогнуть вокзальную площадь и пройти с тыла. Едва ли все подземные переходы в районе двух ближайших кварталов окажутся перекрытыми. Медленным шагом, робким зигзагом, но дойти можно.

Короткий путь через метро — обратно к радиальной станции — требовал карточки или проездного. Ни того ни другого у Дмитрия Олеговича не было и не предвиделось. Мрачно созерцая толпу счастливых, проходящих сквозь турникет, Курочкин неожиданно для себя отметил одну особенность, которая раньше как-то не бросалась ему в глаза.

Большинство пассажиров предпочитали проходить мимо живой бабушки-контролерши в темно-синей униформе метрополитена, а вовсе не через лязгающую автоматику с фотоэлементами.

Дмитрий Олегович и не знал, что в столице так много разнообразных льготников, старых и молодых, с удостоверениями всевозможной расцветки, но непременно с золотыми буквами. Курочкину издали не было видно, в какие слова складываются эти буквы, но, поскольку контролерша никого не задерживала, все имели право. Все, кроме Курочкина, который, между прочим, тоже был почетным донором, и где-то в шкафу у него пылился солидный по виду документ на сей счет. Знал бы — захватил бы. Впрочем, нет: знал бы — ни за что на свете вообще не вышел бы сегодня из дому ни за какими яблоками. Лег бы

поперек коридора, но не сдвинулся бы с места, даже под угрозой страшной ссоры с Валентиной. Ну почему он, Дмитрий Олегович Курочкин, лишен дара предвидения?...

Задумавшись, Курочкин просмотрел, когда в вестибюле возникла пестрая и шумная группа людей числом около тридцати. Судя по доносящимся обрывкам разговора, все они не только были свидетелями ужасного кровопролития возле бывшей булочной, но и потом задержались еще поглазеть на примчавшийся спецназ — как будто никогда в жизни не видели милиции. Перестрелка, и без того жуткая, прямо на глазах обрастала совсем уж фантастическими подробностями. «...И тогда тот мужик вытаскивает шестиствольный гранатомет!.. — азартно жестикулируя, надрывался долговязый парень в футболке. — И кэ-эк жажнет по серой „Тойоте“! Заметил, да?...» «Глупости, — строго ответствовал плотный дядька в адидасовских трениках и с авоськой. — Это не гранатомет, а типичный ранцевый огнемет „Шмель“, я такие в армии видел...» «...И ничего ему не будет! — слышалось уже с другой стороны. — Необходимая оборона, и на ПТУРС этот наверняка у него разрешение...» «...А парня того с портфелем прямо наповал, полголовы как бритвой снесло, — объяснял некто веским голосом, — а в портфеле-то продукты, колбаса да кефир... и чего он его к руке пристегнул? Баловался — ну и добаловался...» «...Вот-вот, — соглашался с ним другой некто, — и майор милицейский о том же распинался. Первый раз, говорит, вижу, что такая драчка из-за килограмма колбасы, озверел народ совсем...» «...Никакая это вам не колбаса, — чей-то хриплый голос пробивался сквозь общий гам, — вам, совкам, пудрят мозги, а вы и рады! Плутоний там был у него в кульке, оружейный плутоний, зуб даю... Я в Арзамасе-17 три года лямку тянул, чуть импотентом не стал, у меня нюх на такие вещи...» «...Лучше бы стал, — тут же насмешливо отзывался первый некто, — не плодил бы дураков... Сравнил, понимаешь, колбасу и плутоний!...»

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Продолжая оживленно переговариваться, свидетели и очевидцы направились всей гурьбой к турникету. И лишь человек пять из них решились доверить свои тела автоматике: остальные оказались сплошь льготниками и обладателями проездных, отчего в толпе перед узкой горловиной прохода мимо бабушки-контролерши образовалось сильное течение — оно и подхватило, и пронесло само зазевавшегося безжетонного Курочкина по проходу, утрамбовало в очередь на эскалаторе (баулы, чемоданы рюкзаки, свежие газеты) и чуть было не впихнул с Дмитрия Олеговича в абсолютно не нужный ему поезд. Обычно Курочкин боялся людских течений, поскольку ему почему-то всегда необходимо было в другую сторону. Однако в этот раз он самозабвение влился в поток, движущийся в сторону перехода на радиальную, и был доставлен прямо на поверхность как бы даже независимо от собственной воли.

Синих «Жигулей» пока не было видно. Возле закрытого подземного перехода, как и прежде, прогуливался внимательный милиционер, зорко высматривая потенциальных нарушителей. Увидев Курочкина, он профилактически погрозил тому жезлом. Дмитрий Олегович уже машинально пожал плечами: мол, все нормально, гражданин начальник, мы законы знаем. Видимо, покойный урка был все-таки не так уж неправ, заподозрив в Курочкине преступника-любителя... Видела бы его сейчас Валентина! Вернее, лучше бы она, разумеется, его сейчас не видела.

В марках машин Дмитрий Олегович разбирался примерно так же, как и в типах оружия, и поэтому в основном стал обозревать горизонт в поисках синего пятна. Проехал синий микроавтобус с зарубежной надписью «Pepsi-Cola». Не то. Продребезжал ремонтный

козлик, который и синим-то назвать было неловко, — так обшарпан. Тем более не то. Мягко шурша скатами, неторопливо проплыл мимо длиннющий синий красавец с затемненными стеклами: если это — «Жигули», то Курочкин — арабский шейх. В такой машине Дмитрию Олеговичу никогда не доводилось ехать и едва ли доведется. Для такой роскоши надо быть не просто новым, а сверхновым русским, миллионером... Правда, если перевести в рубли ту сумму, которая сейчас имеется в руках у Курочкина, то выйдет даже несколько миллионов. Непонятно, почему Дмитрий Олегович от этой мысли слегка возгордился и проводил глазами удаляющееся чудо почти с равновеликим достоинством...

— Эй! Как вас там? — раздался за спиной приглушенный женский голос, и Дмитрий Олегович обернулся. Пока он примеривал на себя лимузин с чужого плеча и мысленно записывался в клуб молодых миллиардеров, синий автомобиль подъехал не с Зацепы, а со стороны Кожевнической. Лицо блондинки за рулем Курочкину было не знакомо, но вот голос...

— Вы, вы, с дипломатом! — уже с раздражением повторила телефонная барышня (конечно, это была она). — Вы нам звонили? Давайте сюда...

Таким красивых девушек Дмитрию Олеговичу в жизни видеть никогда не доводилось — только по телевизору, когда показывали манекенщиц или зарубежные фильмы. Валентина в молодости, конечно, тоже была ничего, — торопливо одернул себя Курочкин, словно убоявшись, что супруга подслушает его крамольные мысли на расстоянии. — Но это — совсем другое... С такой секретаршей директору фирмы «Мементо» надо было вместо обычного телефона непременно заводить видеотелефон — отбоя бы от клиентов не было...

— Да не стойте столбом! — повысила голос красавица в синих «Жигулях», оглядываясь по сторонам. — Вы нам звонили или не вы?

— Я, — грустно признался Дмитрий Олегович, открыл заднюю дверцу и поставил дипломат за заднее сиденье. Напоследок богиня невезения подсуропила ему весьма своеобразную подянку. Первый раз в жизни он повстречался с таким совершенством — и только на полминуты, чтобы отдать не принадлежащий ему дипломат.

Ну, вот и все. Дмитрий Олегович убедился, что портфель стоит на сиденье устойчиво, после чего вознамерился закрыть дверцу.

— Приятно было познакомиться, — сказал он. — Привет господину Седельникову и наилучшие...

— Какого черта! — не слишком вежливо перебила его телефонная красавица. — Залезайте, вам говорят! Вам что, жить надоело?... — Тонким красивым пальчиком девушка раздраженно ткнула куда-то в сторону.

Дмитрий Олегович зачарованно проследил за ее прекрасной рукой и лишь тогда заметил стального цвета автомобиль, который угрожающе быстро приближался к ним.

В отличие от девушки, этот автомобиль Курочкину сразу же понравился. Такая вот нелюбовь с первого взгляда. Чего-чего, а жить Курочкину пока еще не надоело.

Дмитрий Олегович вычитал в одной книжке, будто аттракцион «Американские горки» в самой Америке называют «Русскими горками» — якобы с намеком на российское национальное пристрастие к высоким скоростям езды по раздолбанным автострадам,

благодаря которым машины перемещаются не только по горизонтали, но и по вертикали, от выбоины к выбоине. Сами же благоразумные янки всегда предпочитали разгоняться лишь на идеально ровных своих дорогах, удобных и гладких, как сковородки. В роду у Дмитрия Олеговича не было ни одного осторожного американца: отец был натуральный здешний Курочкин, дед — Курочкин, прадед вообще, по семейному преданию, находился в родстве с легендарным Василием Курочкиным, поэтом и переводчиком Беранже. Тем не менее на вопрос классика «Какой же русский не любит быстрой езды?» Дмитрий Олегович честно мог бы ответить: «Я!» На опасных скоростях сердце Курочкина пряталось в области желудка и напоминало о себе неприятным сосущим чувством, близким к тошноте.

— А нельзя ли... чуть помедленнее? — задумчиво проговорил он, прижимая к себе дипломат. За окнами «Жигулей» внешний мир то и дело сливался в какую-то серо-зелено-белую густую окрошку из мелко нарезанных деталей городского ландшафта.

— Можно помедленнее, — сообщила, не поворачиваясь, телефонная красавица. — И тогда они нас укокошат. Хотите? Я — нет.

Быть укокошенным неизвестно за что Курочкину тоже, в общем-то, не хотелось, даже в компании очаровательного белокурого существа. А вернее, в такой компании — особенно. Поэтому он предпочел не спорить и только покрепче вцепился в дипломат, словно бы тот мог спасти от тряски, мельтешения в глазах и подступающей тошноты.

Несмотря на знание географии центральной части Москвы, Дмитрий Олегович еле-еле ориентировался в пространстве: кусочек Нового Арбата вдруг наезжал на Ивановскую площадь, которая неожиданно оказывалась Остоженкой. Это было, как в детском калейдоскопе, когда от любого, самого незначительного, сотрясения орнамент в зрительной трубке моментально преображался. Во взрослом калейдоскопе, правда, требовались нешуточные толчки под днищем автомобиля, да и узор за окнами, постоянно меняясь, оставался довольно однообразным: все те же фасады, газоны, столбы и яркие киоски.

Курочкину почудилось, что слева на мгновение возникла розовая арка станции «Кропоткинская», похожая на гигантский брелок для ключей. «С какой же мы скоростью едем?» — мысленно содрогнулся Дмитрий Олегович, но побоялся спросить или взглянуть на спидометр. Один только вид сумасшедшей цифры мог вызвать у него дурноту. До сегодняшнего дня Курочкин полагал, что везде по городу развешаны ограничители скорости и большие гонки с препятствиями по центру вообще немыслимы. Выходит, он уже многого не знает о своем родном городе, хотя сегодня уследить за всем и впрямь мудрено. Чуть зазеваешься — и обнаруживаешь вдруг на Поклонной спицу с нанизанным ангелом, каменного истукана Николая у самых стен гостиницы «Москва» или новенький, с иголки, памятник Российско-Белорусской Дружбе на месте снесенного Добролюбова. Да и какую, помилуйте, дружбу символизируют две одинокие гранитные руки, сжавшие ладони друг друга в последнем смертельном рукопожатии?

— Как приклеились, собаки! — озабоченно проговорила телефонная красавица, глядя в зеркало. Курочкин преодолел силу тяготения, прижимающую его к спинке заднего сиденья, и, обернувшись, посмотрел назад. Серо-стальная машина, чуть поотстав, продолжала преследовать их «Жигули» с явно враждебными намерениями. Не желая отвлекать прекрасную водительницу, Дмитрий Олегович пока не решался спрашивать, кто и почему за ними гонится. Хорошо еще, погоня была не настолько близко, чтобы догонявшие решились применить оружие. После увиденного полчаса назад Курочкин ничуть бы не удивился, обнаружив, как из кабины выглядывает автоматный ствол... Говорят, люди быстро

привыкают к хорошему. За сегодняшний день Дмитрий Олегович быстро приучился к плохому и настроился на худшее.

— Если надо, я готов и побыстрее, — мужественно простонал он, борясь с подступающей тошнотой. Перечить прекрасной блондинке он считал бы кощунством. — Я давно уже готова, — через плечо заметила прекрасная блондинка за рулем. — Осталось уговорить нашу тачку. «Жигули» — это, к вашему сведению, не «Мерседес»...

Так Дмитрий Олегович безо всяких наводящих вопросов узнал марку преследующего их автомобиля. «Век живи, век учись», — автоматически подумал он. Ему-то представлялось, что под словом «Мерседес» скрывается что-нибудь чрезвычайно длинное и роскошное, вроде того самого лимузина для миллионеров. Одним заблуждением стало меньше. С другой стороны, особой пользы в новых знаниях тоже не было. Быть застреленным из кабины «Мерседеса» или какого-нибудь «Запорожца» — невелика разница. Как, впрочем, нет разницы и в том, из-за чего суждено погибнуть: из-за плутония или куска колбасы, из-за пачки своих денег или чемодана чужих. Се ля ви. Глубокая философия на мелких местах, случалось, оберегала Курочкина от стрессов: во время плановых распеканий Валентины он, например, иногда спасался мысленными рассуждениями о фармацевтических свойствах углеводов — одной из тем несостоявшейся пока докторской.

Машину тряхнуло, калейдоскоп за боковыми окнами вновь незначительно поменял свой узор. Блеснуло стекло какой-то многоэтажной башни. Дмитрий Олегович не удержался и опять посмотрел назад. Возможно, ему почудилось, но серебристо-серый «Мерседес» приблизился. И, кажется, из кабины уже выглядывала темная неразборчивого вида шгуковина.

«Углеводы делятся на две группы, — мысленно проговорил Курочкин, зажмурив глаза. — Простые и сложные. К простым относятся моносахариды, которые не способны гидролизироваться...»

— Кстати, как вас зовут? — внезапно услышал он голос телефонной красавицы.

Вопрос застал Курочкина врасплох, где-то на середине построения в уме формулы альдопентозы, внешне напоминающей безголовый рыбий скелет.

— А? Что? — глупо переспросил он, открыв глаза. Слева мелькнул уголок еще одной башни: очевидно, их машина двигалась по Зубовской.

— Я говорю, как вас зовут? — переспросила блондинка. Дмитрию Олеговичу по-прежнему видна была ее прическа цвета свежей соломы, возвышающаяся над спинкой переднего сиденья. — Если это военная тайна, скажите хоть, как вас прикажете называть. Джеймс Бонд, Зорро, Фредди Крюгер?

Курочкин мигом забыл и про формулу альдопентозы и даже про догоняющий «Мерседес».

— Дмитрий... Олегович, — пробормотал он. — Но можно — просто Дмитрий... — Последние слова слетели с его языка как-то совершенно независимо от его воли. Телефонная барышня выглядела младше его раза в полтора-два и годилась ему в дочери. Правда, по законам генетики такой красивой дочери у него не было бы никогда. Даже если бы лет двадцать назад Валентина согласилась завести ребенка (а она как раз не согласилась).

— Сойдет, — обронила великодушно блондинка, не отрывая взгляда от дороги. — Меня можете называть Надеждой...

«Красивое имя. А главное — редкое», — вспомнилась Курочкину фраза из какого-то фильма. Ему и в самом деле очень понравилось это имя. Ему даже потихоньку начинала

нравиться быстрая езда: по крайней мере, тошноту уже поменьше, вполне терпимо.

— Скажите-ка мне, Дима, — тем временем осведомилась блондинка Надежда, — как вы переносите авиаполеты?

Дмитрий Олегович невольно глянул в боковое стекло: не выросли ли часом у их автомобиля крылья, как у фантомасовской амфибии? «Жигули», однако, остались «Жигулями».

— Вестибулярный аппарат у вас в порядке? — продолжала допытываться красивая водительница, закладывая крутой вираж.

— В по... в порядке, — сглотнув слюну, героически соврал Дмитрий Олегович, он же — «Просто Дима». Его вместе с неразлучным дипломатом вновь прижало к сиденью. Увы, он раньше времени порадовался, что тошнота отступила. Кажется, она собиралась переходить в контрнаступление.

— Чудненько, — промурлыкала очаровательная Надежда, что-то напряженно высматривая впереди.

— А куда мы собираемся лететь? — рискнул задать Курочкин мучивший его вопрос.

— Не КУДА, а ОТКУДА, — загадочно сообщила блондинка. — Будем отрываться. На счет «десять» постарайтесь не прикусить себе язык. Не люблю шепелявых.

«Постараюсь», — пообещал про себя Дмитрий Олегович, пытаясь успокоить нервы видением элегантной формулы одного из углеводов. Но вместо закорючки $H-C=O$ у молекулы альдопентозы внезапно появилась хорошенькая головка, обрамленная золотистым венчиком волос. Совсем абстрагироваться никак не получалось.

— Внимание! — раздался голос Надежды. — Начинаю отсчет. Ра-аз...

Мимо промчался зеленый продуктовый ларек с пестрой рекламой пирожных «Сатурн». Вся Солнечная система была уже поделена между кондитерскими фирмами; лишь планету Уран пока еще не тронули, — видимо, опасаясь нежелательных ассоциаций. Урановые шоколадки трудно было бы всучить жертвам Чернобыля...

— Два-а! — протянула Надежда, сделав новый вираж. Высокий особняк с колоннами испуганно метнулся из-под колес.

— Три-и! — случайное дерево просвистело до того близко от «Жигулей», что Курочкину померещилось скрежетанье веток о корпус машины. Кто бы мог заподозрить в обладательнице деловитого секретарского голоска опытного и рискованного водителя! Кто угодно, только не Курочкин. Он-то вообще полагал, что у телефона в фирме «Мemento» сидит какая-нибудь мымра. Сержант Мымрецов в юбке.

— Четы-ы-ре!..

Дмитрий Олегович завертел головой и с испугом заметил, что зловещая штуковина, выглядывающая из кабины преследователей, все больше смахивает на дуло. Очень некстати Курочкину припомнились слышанные в метро умные разговоры про ранцевые гранатометы или что-то вроде. С такого расстояния до их «Жигулей» можно было бы и дострелить при желании. Не при желании Курочкина, само собой.

— Пя-а-ать!..

Бежевый троллейбус, поникнув усами, всего на долю секунды задержался в орнаменте калейдоскопа для взрослых и исчез. Дмитрий Олегович на ту же долю секунды успел позавидовать тем, кто, не зная горя, катается в обычных городских троллейбусах. Здесь тебя никто не станет преследовать, кроме контролера. Но контролерам пока гранатометы не выдают.

— Ше-е-есть! — в голосе очаровательной автогонщицы появилось напряжение. Видимо, будущий полет обещал быть опасным предприятием, после которого мог пострадать не только один вестибулярный аппарат, но и другие, более важные. Мысль эта крайне огорчила Курочкина. Стоит ему сейчас погибнуть — и новость эта непременно попадет на первые страницы уголовной хроники «Московского листка». Коллеги по НИИ будут изумлены сообщением о найденных рядом с телом Дмитрия Олеговича сотнях тысяч долларов, а Валентина никогда не простит ему общество белокурой красавицы. И будет ежегодно приходить плевать на его жалкую могилу... Тьфу, что за дурацкие мысли лезут в голову!..

— Се-е-емь!..

Впереди показалась гордость московского градоначальника — двухъярусное шоссе. Это новшество было получше, нежели магнитные французские телефоны в метро. Во всяком случае, от такого шоссе была явная польза: можно мчаться в двух противоположных направлениях, зная, что ни один лихач не выедет вдруг на встречную полосу. Сейчас «Жигули» как раз ехали по второму этажу магистрали.

— Во-о-о-семь!..

Даже на такой дороге от Курочкина не желали отставать рекламные щиты, назойливо обступающие серпантин. Рекламирвалось ужасное мороженое «Кактус», будто бы целебное. На самом деле наполнитель Крафта, хоть и содержал витамин В, из-за микродобавок амигдалина превращался в сильный аллерген. Дмитрий Олегович очень жалел, что это сиреневое мороженое проходит не по его ведомству, и был весьма удивлен, что повторная экспертиза НИИ пищеπροма растягивается на долгие месяцы...

— Де-е-евять! Приготовьтесь, Дима! Крепко держитесь за ручку... да не за ручку вашего портфеля!..

Дмитрий Олегович мертвой хваткой вцепился в металлическую страховочную скобу, одновременно не выпуская и рукоятки дипломата.

— Десять!!

Дмитрий Олегович зажмурился, почувствовал, как его прижимает к сиденью. Потом он испытал мгновенное удовольствие парения в невесомости, когда сердце, застигнутое врасплох, даже не успело отшатнуться к желудку, после чего последовал сильный удар. Зубы Курочкина лязгнули. Не предупреди его Надежда своевременно, он обязательно отхватил бы себе кусочек собственного языка. А кто действительно любит шепелявых?...

— Поздравляю с мягкой посадкой! — голос блондинки прозвучал удовлетворенно, и Курочкин рискнул открыть глаза: сначала один, потом другой. Сперва он не заметил ничего особенного. Как они ехали по шоссе, так и продолжали ехать. Лишь спустя примерно полминуты Дмитрий Олегович неожиданно осознал: они теперь едут в ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ! И притом по ПЕРВОМУ этажу серпантина! На одной из развилок «Жигулям» удалось ПЕРЕПРЫГНУТЬ с одного уровня на другой и таким образом оставит преследователей с носом. Повторить такой прыжок мог бы лишь опытный мастер автородео, а, двигаясь обычным путем, серо-стальной «Мерседес» проигрывал минут пятнадцать. То есть проигрывал погоню.

— Вы — профессиональный каскадер, Надежда? — с возрастающим уважением полюбопытствовал Курочкин. «Мерседес», оставшийся где-то наверху, разом пропал из виду.

— Я — профессиональный секретарь в фирме «Мemento», — насмешливо ответила блондинка. — Автомобилистка я только в свободное время. У всех ведь, товарищ Дима,

имеются свои увлечения, правильно? У одних хобби — скачки на «Жигулях», у других — благородные поступки типа возвращения владельцам найденных предметов...

В последних словах Надежды прозвучала непонятная издевка.

— Вы что, мне не верите? — удивленно сказал Курочкин. — Я же сто раз объяснял вашему Седельникову. Шел по улице...

— ...Поскользнулся, упал, потерял сознание, — немедленно подхватила блондинка Надежда. — Очнулся — рядом дипломат с долларами.

Дмитрий Олегович расстроился: он-то рассчитывал, что красавица из фирмы «Мементо» не сомневается в его честности.

— Я говорю правду, — с обидой проговорил он.

— Молодец, Дима! — блондинка повернула к Курочкину свое неправдоподобно красивое лицо и заговорщически ему подмигнула. — Классно сыграно. Уж на что Майкл недоверчив — и тот купился в конце концов. В байку про случайную находку он, понятно, не поверил, но решил, будто вас самого кто-то водит втемную, как лоха. Шлепнуть лоха, забрать обратно кэш — левое дело... Ну, теперь-то, после засады на Новокузнецкой, у него вырос на вас такой зубище...

— Пойдите, — холодея, пролепетал Дмитрий Олегович. — Уж не хотите ли вы сказать, что молодчиков в масках направил этот ваш...

— Да будет вам, Дима! — укоризненно сказала блондинка. — Отдохните, концерт окончен. А то вы не поняли, что это Майкл послал «Тойоту»! Вы его умыли, поздравляю. Люблю иметь дело с победителями.

Странно, но похвала красавицы Надежды Курочкина несколько не обрадовала.

Потолок комнаты был высоким — метра три, не меньше. Углы потолка украшала лепнина, — где надо, побеленная, где надо, позолоченная. Дом строили давно, однако до сих пор, похоже, ухитрились поддерживать внутреннюю отделку в хорошем состоянии. В столице, увлеченной безликим функциональным евроремонтом, такой консерватизм вызывал невольное уважение.

— Куда это мы приехали? — вполголоса поинтересовался Курочкин, оглядывая комнату, в некотором беспорядке заставленную ажурной старинной мебелью. Помещение походило скорее не на квартиру, а на запасник музея: всего было в избытке, в том числе и светильников. Под потолком висело аж две люстры, да и по стенам развешана была чертова уйма плафонов и бра. Стоило зажечь хотя бы треть из них, и в комнате стало бы раза в три светлее, чем в любой операционной.

— Какая вам разница, куда мы приехали? — рассеянно проговорила блондинка Надежда, выгружая из здешнего холодильника консервные банки с заманчивыми этикетками. Холодильник был единственной приметой современного стиля в музейном царстве барокко. Видимо, никто просто не додумался сконструировать фризера в корпусе красного дерева и на рахитичных гнутых ножках. Во времена господства барокко продукты еще по глупости предпочитали хранить в погребах. Впрочем, в таком-то здании обязан быть погреб. И просторный чердак, и черный ход. Или даже подземный ход, ведущий из погреба куда-нибудь на берег Москвы-реки, в старую ротонду, увитую плющом...

— Разницы никакой, — согласился с блондинкой Дмитрий Олегович и провел пальцем по лакированной поверхности ближайшего шкафчика с финтифлюшками. — Но просто интересно...

— Ничего интересного, — все так же рассеянно сказала Надежда. Она разложила десятка два банок на черно-белой поверхности приземистого шахматного столика, не то намереваясь выбрать одну из них, не то собираясь расставить их по клеткам и сыграть ими партийку-другую в шахматы. — Временное убежище, только и всего... Если вы опасаетесь, мы могли бы воспользоваться ВАШИМ убежищем. Я ведь предлагала вам с самого начала...

— Нет-нет, вполне подойдет и это, — поспешно проговорил Курочкин. Его единственным убежищем в этом городе был все тот же рабочий чуланчик два на три метра. Чтобы пригласить туда Надежду, пришлось бы сначала вынести лабораторный стол, стеллажи и микроскоп с термостатом. А главное — поговорить с Валентиной... Страшно и подумать, чем мог закончиться для Дмитрия Олеговича даже намек на возможность такого разговора.

— Вам что, здесь не нравится, Дима? — прекрасная блондинка, наконец, перестала созерцать этикетки и посмотрела на Дмитрия Олеговича.

Заглянув в эти глаза, Курочкин немедленно растерял все важные вопросы к Надежде, над списком которых он мысленно трудился по дороге сюда.

— Нравится, очень даже нравится, — истово произнес Курочкин. — Это ваша квартира, да?

Блондинка окинула Дмитрия Олеговича внимательным взглядом.

— Та-ак, — протянула она со вздохом. — Еще одна проверочка, Дима? По-моему, вы перемудрили с конспирацией. Ей-богу, скоро я вас начну называть господином «Нет»...

Курочкин не понял, отчего после такого простого вопроса он из Димы рискует превратиться в какого-то господина со странной фамилией.

— Да я... — он лишь покаянно развел руками.

— Ладно, — объявила блондинка, пождав губы, отчего лицо ее стало строгим и еще более прекрасным. — Вопрос задан, отвечаю. Будь это моя квартира, Седло со своими гоблинами давно бы примчался сюда. Наш Майкл, когда разозлится, шутить не любит, а вы его именно разозлили... Точнее, МЫ его разозлили. Ответственность теперь пополам.

Произнеся последнюю фразу, телефонная барышня из фирмы «Мементо» почему-то кивнула на дипломат, стоящий на полу возле темно-вишневого пузатого секретера.

— Ничего не понимаю, — жалобным голосом признался Дмитрий Олегович. — Я совсем запутался. Вы работаете в фирме господина Седельникова. Гнался за нами сейчас «Мерседес», принадлежащий тому же господину Седельникову. Или у вас их двое?

— Седло у нас в единственном числе, — усмехнулась блондинка. — Майкл Викторович, с которым вы сегодня много беседовали. Мой начальник. Теперь — бывший, естественно. Моего нового начальника отныне зовут Дима.

Это было посильнее самого невероятного прыжка на «Жигулях».

Сердце Курочкина скатилось под уклон «Русских горок» и бешено забило где-то в районе солнечного сплетения. Из всех сегодняшних впечатлений это последнее оказалось самым неожиданным.

Дмитрий Олегович крепко зажмурил глаза. Вздохнул. Открыл глаза.

— Видите ли, Надежда... — растерянно начал он.

— Только не надо лапши, Дима, — перебила его бывшая телефонная барышня фирмы

«Мemento». — Не говорите, что вы работаете один и у вас нет подчиненных... Сколько человек у вас в команде? Можете хоть раз ответить честно?

У кандидата наук Дмитрия Курочкина в НИИЭФ было три подчиненных лаборанта: Ягудин, Федотов и пенсионер-полуставочник Назаров. Еще к категории условно подчиненных относился мастер на все руки Макаренко. Условно — то есть в те дни, когда выходил на работу и способен был откликаться на зов. Дмитрий Олегович произвел мысленный подсчет, сложив Ягудина с Федотовым и приплюсовав половинку Назарова к трети Макаренко.

— У меня в команде примерно трое, — честно ответил Курочкин. — Трое подчиненных. Но они — совсем не то, о чем вы подумали...

— Женщины среди них есть? — немедленно осведомилась блондинка.

— Ни в коем случае, — затряс головой Дмитрий Олегович. — Только мужчины! — Он уже собирался объяснить, что его лаборатория по КЗоТу приравнена к вредным производствам, однако по выражению лица прекрасной Надежды догадался, что слова его истолкованы совершенно превратно.

— Вы часом не голубой? — тревожно спросила блондинка, вглядываясь в собеседника.

— Нет, что вы! — вытаращил глаза Курочкин. — Вы меня опять не так поняли...

— Тогда все тип-топ, — успокоилась Надежда, не пожелав вникнуть в последние слова Дмитрия Олеговича. — Как сказал бы великий француз, вы теперь в ответе за того, кого приручили.

«Какой еще великий француз?» — удивленно подумал Курочкин. Сам он числил в этой категории одного лишь знаменитого Луи Пастера, изобретателя вакцины против бешенства, и тот ничего подобного не говорил. А самое главное: Дмитрий Олегович даже помыслить не смел о приручении такого чудо-создания, как водительница «Жигулей».

— Поймите меня правильно, Надежда... — Курочкин совершил еще одну безнадежную попытку рассеять странные заблуждения блондинки по его поводу. Важно было только не смотреть ей в глаза, иначе Дмитрий Олегович начисто забывал все, что собирался сказать. — Тут какое-то недоразумение...

Надежда с упреком поглядела прямо на Курочкина, и тот моментально замолчал. Противиться гипнозу блондинки было невозможно, как ни старайся.

— Начнем с самого начала, дорогой ШЕФ, — с расстановкой проговорила она. — Напомните-ка мне, кто кому первый звонил, вы мне или я вам?

— Я — вам, — покорно признал Дмитрий Олегович. — Но...

— Скажите-ка мне, — с напором продолжила прекрасная Надежда. — Кто умолял о встрече и тем самым склонил меня к предательству интересов фирмы?

Курочкин заметил про себя, что прекрасная блондинка сильно сгущает краски. Сам он не находил в себе ни малейших способностей склонять кого-нибудь к чему бы то ни было.

— Но ведь вы могли и отказаться, — неуверенно пробурчал он, искоса глядя на Надежду. Он чувствовал, что краснеет.

— Не могла! — объявила блондинка. — Вы мне сразу же понравились. Умное интеллигентное лицо и глаза, глубокие, как омуты...

При этом красавица Надежда опять кивнула почему-то в сторону дипломата с ценным денежным грузом.

На всякий случай Дмитрий Олегович сделал шагок вправо и посмотрелся в зеркало в витой барочной раме: не произошло за последний час с его лицом каких-нибудь чудес? Увы,

все было по-старому. Залысины. Вислые щеки. Нос сливой. Глаза-пуговики, похожие именно на пуговики, а не на омуты. Безвольный рот. Где тут хранятся ум и интеллигентность?...

— Пойдите! — внезапно сообразил он. — Надежда, при чем здесь лицо? Мы ведь с вами раньше никогда не виделись!

— Ах да, — беззаботно проговорила Надежда. — Я и забыла. Ну, значит, голос ваш мне безумно понравился. Ужасно сексапильный, заводит с первой же секунды... Сойдет такой ответ?

Должно быть, существовали какие-то особые правила общения с невероятно красивыми женщинами, к которым (к правилам, а впрочем, и к женщинам) Дмитрий Олегович никак не мог приспособиться. Его опыт в этом смысле был равен нулю.

— Вы издеваетесь, — грустно проговорил Курочкин.

— Вовсе нет, — уже серьезно ответила блондинка. — Вы забавный, Дима. Только невероятно скрытный. Вы уже добрый час без перерыва самозабвенно валяете ваньку, но уже сильно переигрываете... И черт с вами, валяйте. Только не вздумайте мне и сейчас говорить, что вы по-прежнему горите желанием отдать дипломат с деньгами Майклу.

— Пожалуй, не горю, — подумав, произнес Дмитрий Олегович. Он очень хорошо помнил, как падал на асфальт несчастный дядька рядом с бывшей булочной и как болтался на привязи его служебный черный портфель, набитый колбасой и кефиром. Если бы подземный переход через Павелецкую площадь был открыт, эти пули получил бы тот, для кого они и предназначались, — Дмитрий Олегович Курочкин.

— Наконец-то! — обрадовалась прекрасная блондинка. — Уже другой разговор. За это надо выпить... и закусить... — Она наклонилась к стоящему дипломату, ласково погладила его бок, как гладят кошку, а затем поманила Курочкина к шахматному столику с жестянками. В руке у нее возникла консервная открывалка.

Курочкин без раздумий последовал приглашению. Этикетки на некоторых банках выглядели очень аппетитно. Приближалось время обеда, а Дмитрий Олегович почти и не завтракал: утром Валентина сварила ему каши и нацедила чаю. Ввиду предстоящего застолья на серебряной свадьбе Терехиных с кормлением супруга можно было бы и не возиться... «Боже мой! — вдруг пронзило Дмитрия Олеговича. — Валентина там одна, дома ставит тесто для пирога, а я — здесь, в каком-то мебельном музее с дипломатом долларов...» Он встал как вкопанный, шага не дойдя до столика с угощением.

— Ди-и-ма! — капризно протянула блондинка Надежда. — Дорогой начальник, пожалуйста к столу... Ну же, господин «Нет»!

Если у кого-то в их маленькой компании и был голос, заводящий с пол-оборота, то отнюдь не у Курочкина.

— А почему не оранжад? — любопытствовала Надежда.

Только что они с Курочкиным выяснили, что, кроме слабенькой смеси джина с тоником, ничего алкогольного на столе нет, и по этому случаю решено было лучше продегустировать безалкогольные прохладительные напитки, благо выбор их на столе был велик.

— Лучше пейте колу, — ответил Дмитрий Олегович. Утолив первый голод китайской консервированной ветчиной, он был рад с пользой продемонстрировать блондинке свои познания. — Бесполезно, зато и безопасно. В соки они обычно добавляют различные консерванты, чтобы продлить срок хранения. Хорошо еще, когда это — сорбиновая кислота. Многие, однако, предпочитают использовать диоксид серы. Иначе говоря, сернистый газ.

Надежда быстро поставила уже открытую жестянку с апельсиновым соком на край стола и отдернула руку. Словно бы в банке оказалась отравка.

— Гадость какая, — поморщилась она. — Сернистый газ, никогда бы не подумала. Теперь в жизни не стану ЭТО пить, хорошо, что предупредили...

Курочкин улыбнулся:

— Да нет, в принципе он не опасен. Все дело в пропорциях. И фирме-производителю, и фирме-посреднику выгодно, чтобы диоксида серы было побольше. А потребитель бы хотел наоборот, чтобы консерванта было поменьше... Столкновение интересов.

— Это точно, — задумчиво подтвердила блондинка, открыв шипучую жестянку с колой. — Никакая фирма своего интереса не упустит. А если кто встанет на дороге, она сделает... — Надежда изобразила с помощью двух пальцев фигуру ножницы, и Дмитрий Олегович сразу почему-то догадался, что его собеседница имеет в виду совсем даже не производителей апельсинового сока.

— Я, кстати, не понимаю, — сказал Курочкин и тоже откупорил банку с колой, — для чего вашему Седельникову понадобилось устраивать стрельбу? Я ведь ДОБРОВОЛЬНО возвращал ему его доллары!

Прекрасная блондинка со стуком опустила свою жестянку на одну из шахматных клеток в углу доски.

— Ваша игра, Дима, для меня по-прежнему — туман, — проговорила она и жестом гроссмейстера передвинула банку на Е-4. — Но фокус с ДОБРОВОЛЬНЫМ возвращение долларов без условий и без гарантий все равно был у вас самым рисковым. Играй вы менее убедительно, фокус бы не сработал. Ваше счастье, наш Седло азартен, во всем желает докопаться до сути... А что это вы не едите, Дима? — Надежда пододвинула поближе к Курочкину еще одну банку с ветчиной. — Пост давно прошел, так что налегайте... Зря я, что ли, открывала, чуть палец не порезала?

Из вежливости Дмитрий Олегович подцепил ножом последний в банке розовый кусок мяса, хотя уже наелся. Пожевал, проглотил. Не желая расстраивать блондинку, он умолчал о том, что и консервная компания «Китайская стена» кое-что добавляет в свою продукцию. Немножко-немножко нитрата калия, чтобы мясо сохраняло розовый цвет. Маленькая азиатская хитрость.

— Все-таки объясните мне насчет стрельбы, — попросил Курочкин. — Просто любопытно, честное слово...

— Любопытство — не порок, — меланхолично обронила Надежда и переставила свою банку с белой клетки на черную. — Вы ведь, Дима, не хуже меня знаете, чем занимается «Мементо».

Дмитрий Олегович напряг память, стараясь извлечь из нее текст хоть одной «Мементовской» телерекламы, но, кроме сурового указательного пальца и латинского пожелания помнить, так ничего и не вспомнил.

— Ну, в общих чертах... — сказал он. — В основном скорее не знаю. Экспортом и импортом каким-нибудь...

— Ах, Ди-и-ма, — с упреком протянула Надежда, взяла опустошенную Курочкиным жестянку из-под ветчины и поставила ее на восьмую горизонталь. — Не надо так шутить. Импортом занимается не Седло, а как раз ваш друг Фетисов... Он же ваш друг, да? — Блондинка неожиданно цепко взглянула в глаза Курочкину. — Это он ведь навел вас на капусту?

Под пронзительным взглядом прекрасной Надежды Дмитрий Олегович готов был бы на ее любой вопрос отвечать только «да!» — и даже следовать за ней сейчас же на край земли. Понимая при этом, что выражение «край земли» есть не более чем поэтическая вольность. Как, впрочем, и популярные среди поэтов слова насчет руки и сердечной мышцы. Однако слово «капуста» взято было из другого словаря, и это уберегло Курочкина от машинального поддакивания белокурой красавице.

— Не знаю я никакого Фетисова, — грустно признался Дмитрий Олегович. — Клянусь вам, Надежда! — Хотя постойте-ка... Фамилия эта мне чуть-чуть знакома...

Блондинка радостно захлопала в ладоши.

— Говорите-говорите! — подбодрила она Курочкина. — Мы же с вами теперь — одна команда, правильно?

От этих слов у Курочкина сладко заныло в груди. И именно слева, где сердечная мышца.

— По-моему, — осторожно выговорил он, — если я не ошибаюсь...

Блондинка изящным жестом передвинула свою жестянку на столике-доске сразу клетки на три вперед, под бочок к пустой курочкинской банке из-под ветчины.

— Ну же, милый Дима, — томно прошептала она.

— Если я не ошибаюсь, Фетисов — это... — Дмитрий Олегович собрался с мыслями и сумел правильно закончить фразу. — Это — такой известный хоккеист! Только я и понятия не имел, что он еще занимается импор...

С жалобным дребезжанием две пустые жестянки слетели с черно-белой доски и раскатились по полу. Одна из них замерла рядом с долларовым дипломатом.

— Ну, так не честно! — сердито воскликнула Надежда. — Вы — даже не господин «Нет», вы — какой-то стальной сейф! Вы продолжаете мне врать, а ведь я столько для вас сделала! И еще сделаю...

Последнее прозвучало многообещающе. Перед мысленным взором Курочкина сразу возникло видение родной Валентины, склонившейся над тестом. «Мemento!» — напомнил призрак и погрозил Дмитрию Олеговичу выпачканной в муке скалкой. «Помню-помню!» — мысленно ответил призраку Курочкин и резко помотал головой, отгоняя видение.

— Вы что, отказываетесь? — с искренним недоумением проговорила блондинка Надежда, приняв его жест головой за знак несогласия. — Может, Дима, вы все-таки немножко того... в плане сексуальной ориентации? Не стесняйтесь, это сейчас даже престижно... Романюк или там Фердинанд Изюмов...

— Я не отказываюсь, — едва не застонал Курочкин, пытаясь выпутаться из двусмысленного положения. — Но другого Фетисова, не хоккеиста, я вообще не знаю!

Блондинка вскочила со стула, на котором только что сидела. Старинная мебель обиженно скрипнула.

— Очень хорошо! — сжав губы, блондинка сосредоточенно отфутболила одну из жестянок в угол комнаты, к резному трюмо рядом с неизвестно куда ведущей дверью. — Превосходно! Значит, с Мартином вы не знакомы. Допустим...

Ни про какого Мартина у Дмитрия Олеговича тем более никто до сих пор не спрашивал. Впрочем, Курочкин, разумеется, не знал Мартина. У Курочкина вообще было не так уж много друзей и приятелей. Несколько бывших однокурсников, коллеги по НИИ, краевед Терехин со своей супругой... Нет, это уже начинались знакомые Валентины.

— ...Но если не Фетисов, — мрачно продолжала прекрасная блондинка, — то на кого мы с вами сегодня работаем?

Словосочетание «мы с вами» вновь ввергло Дмитрия Олеговича в сладкую истому. Никогда в жизни такая красавица, как Надежда, не работала под его началом. Даже во время учебы в мединституте, где первокурсник Дима Курочкин целые две недели был комсоргом своей группы. Правда, по истечении этих руководящих недель он куда-то задевал синий штампик «уплачено ВЛКСМ» и был с позором разжалован в рядовые комсомольцы. Штампик нашелся только лет через двадцать пять, в корешке «Основ фармакологии», когда возвращать находку было просто некуда. А то Курочкин бы вернул. Ему чужого не надо...

— На кого? — повторила блондинка, и Дмитрий Олегович залюбовался неправдоподобно красивым (хотя и сердитым) лицом.

— Ни на кого, — застенчиво прошептал он.

— Ерунда! — сейчас же объявила Надежда. — Такого быть не может! Застрелите меня, не поверю... — Блондинка ловко подхватила с пола дипломат, потрясла его, а затем лицо ее омрачилось еще и гримасой ужасного подозрения. — Вы же не намекаете на то, что там внутри — кукла?... — Девушка мгновенно опустилась на колени и стала быстро-быстро колдовать над блестящими замками чемоданчика. Дмитрий Олегович заметил, что Надежда уверенно ориентируется в многочисленных защелках и шпенечках. Один из них, наверное, и обезвреживал смертоносное сторожевое устройство. Уже и так безвредное — благодаря самопожертвованию урки, бросившегося на амбразуру.

— Там нет никакой куклы, — проговорил Курочкин, немного удивленный таким подозрением. — Я не играю в куклы. Там только доллары. Я ни одного не истратил, можете пересчитать...

Дипломат клацнул и открылся. Блондинка поскорее запустила руку внутрь, вытащила наугад пачку, надорвала бандероль.

— Действительно, баксы, — с облегчением сказала она. — Вы меня не накальваете, Дима. Те самые... Но для чего же пургу гнать?

— Простите? — не понял Дмитрий Олегович. Он догадался, что слова про куклу и пургу — современный сленг и внезапно почувствовал свой возраст.

— Я-то прощу, — непонятно усмехнулась Надежда, — но вот другие... — Она бросила обратно в полуоткрытый дипломат пачку, стала не глядя выравнивать рукой сбившиеся в горку банковские упаковки долларов и неожиданно вскрикнула: — Ой!

Курочкин решил, что в плотно закрытый дипломат каким-то невероятным образом пробралась мышь, однако ошибся.

— Это ЧТО такое?!

Двумя пальцами блондинка держала на весу бабушкин будильник. Бережно, словно склянку с серной кислотой.

— Ах, это... — Дмитрий Олегович принял из пальцев Надежды бабушкину тикалку, поискал, куда бы положить, и, не найдя, вернул снова в дипломат, к долларам.

Надежда смотрела на все манипуляции Курочкина, широко раскрыв глаза. «Потрясающе красивые глаза», — в который уже раз отметил для себя Дмитрий Олегович.

— Это будильник, — смущенно произнес он и, увидев на лице прекрасной блондинки прежнюю гримасу непонимания, стал зачем-то подробно объяснять: — Такой, знаете ли, часовой механизм, показывающий время... Мне его утром повесили на шею, а лента оборвалась, вот я его здесь временно и держу...

Растолковывать взрослой девушке, что такое будильник, было полным идиотизмом. С таким же успехом Дмитрий Олегович смог бы пуститься в рассуждения об устройстве

серных спичек. Тем не менее блондинка не сводила с него пытливого взгляда, словно бы он сообщал ей невероятно значительную новость.

— Часовой механизм... на шее... — в каком-то трансе пробормотала она. — На Мартина это не похоже. Тогда кто?...

«Валентина», — вознамерился было ответить Курочкин, но промолчал. Лишний раз поминать всуе имя родной жены ему не хотелось.

— Слушайте, Дима, вы случайно не палестинец? — с неподдельным интересом вдруг осведомилась блондинка, очень осторожно поставив дипломат на пол.

Знания о палестинцах у Дмитрия Олеговича были весьма скромными — в пределах программы «Время». Телевизионные палестинцы носили платки в горошек и враждовали с израильтянами из-за каких-то территорий. Дмитрий Олегович предпочитал носить шляпу, а весной — берет, и претензий к израильтянам у него определенно не было.

— Нет, я не палестинец, — честно ответил он. — А разве похож?

— То-то и оно, что не похож, — задумчиво проговорила блондинка. — И потом, Седло давно не торгует с арабами, завязал... Там рынок и без Майкла переполнен тем же самым, на одной таможне разоришься...

Курочкин послушно ждал, пока прекрасная Надежда выйдет из своего транса, а пока рассматривал ее лицо. Даже смотреть на него было удовольствием. В приемной директора фирмы «Мементо» должны были вечно толпиться посетители, как в музее изящных искусств. Все-таки он, Курочкин, был несправедлив к Фортуне: на старушку, как видно, напал приступ снисходительности к Дмитрию Олеговичу.

— А может, вы, Дима... — блондинка вдруг протараторила некое длинное непонятное слово, вроде ротеармеефрактьон. — Вы часом не оттуда?

— Нет, — с печалью возразил Курочкин. — Говорю же вам, я сам по себе. — Возможно, ему следовало бы хоть что-то придумать для Надежды, дабы не мучить замечательную девушку. Наговорить на себя, если ей так хочется. Однако врать в глаза этакой красавице Дмитрий Олегович просто физически не мог себе позволить. Это все равно как плюнуть в Венеру Милосскую, — пользуясь тем, что она без рук, сдачи не даст.

— Ладно, будь по-вашему, — устало сказала блондинка. — Ваш сейф ничем не открыть. Сдаюсь. Вы все-таки — типичный господин «Нет». Ладно. Молчите, скрываетесь и таите. Но хоть план действий-то у вас есть?

Прекрасная Надежда задала самый трудный из вопросов. Еще сравнительно недавно он предполагал вернуть дипломат фирме «Мементо» — и избавиться от головной боли. После перестрелки у дверей бывшей булочной, после головокружительного бегства от «Мерседеса» господина Седельникова и мрачных намеков на явно преступную деятельность фирмы предстояло принимать решение. Интересно только, какое? Первая попытка сдать доллары государству уже обернулась знакомством с румяным капитаном и бдительным сержантом Мымрецовым. Вдобавок на Курочкине была теперь пусть и косвенная, но вина за гибель ни в чем не повинного курильщика с похожим дипломатом. Тем самым, где оказались кефир и колбаса. Ужасно. Он все-таки немножко Потрошитель, как и предполагалось ранее.

— Скажете вы хоть что-нибудь, а, господин «Нет»? — между тем не отставала красавица-блондинка. — Мы не можем здесь оставаться слишком долго. Рано или поздно Седло обязательно вычислит этот адрес...

«Лучше бы попозже», — сказал про себя Курочкин, и в ту же секунду где-то за кремовыми шторами взвизгнули тормоза. Сразу вслед за этим хлопнули дверцы и

послышался шум бегущих ног.

— Майкл... — упавшим голосом проговорила Надежда. — Уже вычислил, змей! Ах, зараза! — После секундной паузы девушка кинулась к пузатому секретеру и выдвинула боковой ящичек. На свет явился длинный пистолет непривычного вида.

Дмитрий Олегович сразу ощутил свою полную бесполезность в преддверии потасовки со стрельбой. Максимум, на что он был способен, — это обрушить на голову первому же бандиту любую мебель, которую он мог бы поднять.

Курочкин лихорадочно осмотрелся: в качестве метательного снаряда более-менее годились шахматный столик, за которым они с Надеждой только что мирно закусывали, да еще пара стульев с хилыми витыми ножками. Правда, большого урона противнику этими музейными экспонатами не нанесешь...

— Что стоите? Бежим! — громко зашептала блондинка, наводя свое оружие на входную дверь. — Ну, давайте, черт вас возьми! Вон там, возле трюмо, черный ход, про него они наверняка еще не знают... Господи, да ползите скорее, они же сейчас явятся!.. Стойте, чемодан забыли!.. — Быстро, но бережно прекрасная Надежда подхватила свободной рукой дипломат и вручила его Дмитрию Олеговичу. А затем той же рукой направила Курочкина в сторону трюмо.

— Только после вас, — заупрямился Дмитрий Олегович, не трогаясь с места. Сегодня его называли ШЕФОМ, а он знал, что капитан покидает тонущий корабль последним. Или гибнет в пучине, стоя на мостике при всем параде.

— Вперед, вперед, я за вами! — Очень решительно белокурая красавица подтолкнула своего капитана Курочкина к черному ходу. — Давайте, я прикрою...

— Эй, вы там! — послышался из-за входной двери знакомый бас господина Седельникова. — Пусть выйдет паршивка с деньгами, и разойдемся по-хорошему.

«Как бы не так!» — ответил про себя Курочкин, пробираясь между мебельными островками. Он слышал, как вслед за ним быстро следует девушка. В дверь застучали что есть мочи, и, судя по треску, она стала заметно прогибаться...

Тью-тью!

Зазвенело оконное стекло, и сразу осыпалась разбитая люстра, обдав Курочкина веером мелких осколков: пока Седло отвлекал их внимание у дверей, кто-то из его гоблинов обстрелял их через окно.

— Сукин ты сынок! — почти весело пробормотала позади блондинка и, должно быть, пальнула в ответ: комната наполнилась звуками выстрелов, уже другими по тону, выше. Звонко взорвалось еще одно окно, над головами вновь пробушевал стеклянный буранчик, почему-то легкий, как пыль.

Тью-тью-тью!

Звуки ответной пальбы неожиданно оборвались.

— Дима... — прошелестел очень тихо голос блондинки. — Беги... те...

Курочкин испуганно обернулся — и словно бы попал в безвоздушную яму, не вдохнуть и не выдохнуть.

Случилось непоправимое.

Прекрасная Надежда, девушка с картинки, сказавшая сегодня Курочкину «мы с вами», лежала на полу неподвижно. Крови было так много, что, казалось, она вытекла вся, до капли, и в артериях и венах ее не осталось. Но прекрасные глаза еще жили, губы еще шевелились.

— Бе-ги-те... — отчетливо повторила белокурая красавица. — Ко-му... го-во-рю...

начальник...

Глаза ее закрылись, пальцы разжались, и бесполезный пистолет со звоном упал на пол. «Застрелите меня, не поверю...» — внезапно вспомнил Дмитрий Олегович ее фразу из разговора. Легкомысленно брошенная приговорка стала судьбой. Она не поверила. Ее застрелили.

А он, Курочкин, — снова жив. Вечный свидетель чужих несчастий, игрушка Фортуны, путаник, верный муж, невезучий дурак...

Что было дальше, он так и не смог потом в точности припомнить. Кажется, он бежал по каким-то шатким и затхлым лестницам, по гулким пустым коридорам, по переходам, обшитым гнилыми трухлявыми досками. Кажется, он плакал на бегу, но, возможно, ему это чудилось.

Потому что, когда он пришел в себя, глаза его были сухими.

Он стоял прямо посреди дороги и бессмысленно водил пальцами по рифленому радиатору маленького, похожего на желтого майского жука, автобусика. Вверх — вниз. Вжжик — вжжик. Трень — брень.

Шофер автобусика, мощный детина, бегал вокруг него, размахивая монтировкой, и что-то злобно орал. Сперва Дмитрий Олегович увидел только гневно распахнутый рот, а потом явились звуки.

Шофер костерил Курочкина самыми последними словами. Если бы не отличные тормоза у этой автобусной развалюхи (кто бы мог подумать?), Дмитрий Олегович, интеллигент гнилой, хрен моржовый, паскуда, был бы уже на том свете. «Чуть-чуть не считается, — тупо подумал Курочкин. — Пока я — на этом свете. А Надежда умерла».

— Она умерла... — зачем-то сказал он вслух.

Шофер, вероятно, не был сволочью. Присмотревшись к Курочкину, он оборвал на полуслове цепочку заковыристых шоферских ругательств и перестал махать своей монтировкой.

— Хрен с тобой, — пробурчал он. — Чего с тобой, лунатиком, говорить! Давай-ка я тебя подвезу, а то кто другой тебя угробит и сам сядет... Ну, куда тебя подбросить? Так и быть, подкину задаром... Куда?

— Все равно, — безразлично сказал Курочкин. — Она умерла.

— Псих... — буркнул водитель и легонько подтолкнул Дмитрия Олеговича к гармошке передней двери. — Я еду до Павелецкого, подойдет?

— Подойдет, — эхом отозвался Дмитрий Олегович и послушно полез в салон автобусика. «Все возвращается на круги своя, — мысленно проговорил он. — Опять Павелецкий, опять. Значит, кому-то так надо...»

— Эй, лунатик, — шофер забрался в салон вслед за Курочкиным. — Ты вещички только свои не разбрасывай на дороге. А то очухаешься потом, скажешь: водитель упер...

С этими словами шофер сунул в руки Курочкину чуть было не позабытую на дороге вещь.

Проклятый дипломат с четвертью миллиона долларов.

и повернулся на другой бок. Серая рогожка съехала набок. Филин вяло зашарил рукой, не просыпаясь, нащупал край своего одеяла, натянул его повыше. Курочкин, сидящий рядом, испытал вдруг чуть ли не зависть к этому оборванному деду. У Филина все просто: днем — здоровый сон, ночью — поиски пустых бутылок, в дни праздников — приемник-распределитель. Размеренная жизнь без особых приключений. Простая, как амеба. Ясная, словно лунная ночь в горах. Всего лишь несколько часов назад жизнь Дмитрия Олеговича казалась почти такой же размеренной и уж ясной наверняка. Сон, работа, Валентина, домашняя лаборатория. Круговорот вещества в природе. Пока Курочкин с горем пополам вписывался в этот идеальный круговорот, он мало чем отличался от обычных людей, может быть, только бутерброд Курочкина чаще, чем надо, падал маслом вниз. В самом худшем случае Дмитрий Олегович мог потерять мизерную сумму, выданную для похода в магазин, и получить за это серьезную выволочку — но опять-таки в пределах заранее заданного круговорота. Стоило же ему хоть на минуту соскочить с витка, пусть ненадолго зависнуть в неопределенности — как вместо проблем неприятных, но привычных, возникали громадные черные дыры, куда со свистом засасывало всех, соприкоснувшихся с Курочкиным. Допустим, к американской дуэли в подворотне у магазина «Буратино» он отношения не имеет. Но — остальные сегодняшние смерти, и в особенности последняя? Думать об этом было так больно, что впору было биться головой о пластмассовую вокзальную пальму, чтобы отогнать проклятые мысли... Господи, ну почему у всех нормальных людей — нормальная проблема «где достать деньги?», и лишь у Курочкина вопрос жизни и смерти: как от денег избавиться? Ну почему он не может просто бросить эту кровавую обузу? Это ведь так просто: встать, отряхнуться и уйти! Ну, попробуй!..

Курочкин решительно встал, отряхнулся и снова сел на вокзальную скамейку рядом со спящим Филином. Допустим, — признал он мысленно, — это не так уж просто. Есть еще господин Седло, который его сейчас усиленно ищет. Раз он смог вычислить их с Надеждой убежище, он может нагрянуть и сюда... Правда, ему придется хорошенько попотеть, разыскивая здесь свое сокровище. Где лучше спрятать ветку? В лесу. А чемоданчик? Естественно, на вокзале. Даже Курочкин знал эту очевидную вещь.

— Хрр! — утвердительно зарычал во сне бомж Филин и задрыгал ногой, едва не опрокинув пальму. Возможно, деду снились его бурная железнодорожная молодость, паровозы, летящие по пути к коммунизму, и лично железный нарком товарищ Каганович. Дмитрий Олегович подтянул сползающее с Филина рогожное одеяло, поправил то, что заменило деду подушку, а затем осторожно отодвинул подальше кадку с искусственным растением. Возможно, эта деталь интерьера появилась на Павелецком еще во времена железного наркома; недаром ведь бомж облюбовал именно это место, а не поближе к буфету, где сытнее и бутылок больше.

Сам же Курочкин выбрал сейчас место у пальмы по другой причине. Точнее, по двум: здесь даже днем было темновато, а спящий бомж был нелюбопытен. По крайней мере, в светлое время суток. Да и любопытство Филина дальше пустой посуды не простирается. Это ведь не Седельников, которому нужны доллары и не нужны свидетели.

Дмитрий Олегович попробовал мысленно представить себе, как гоблины господина Седло прочесывают этажи вокзала, но картинка никак не складывалась. У подчиненных Майкла Викторовича не было лиц, и сам шеф фирмы «Мементо» являлся в воображении Курочкина в виде элегантного костюма тоже с облачком вместо лица. Неизвестно, успели ли преследователи на серо-стальном «Мерседесе» разглядеть, как выглядит Дмитрий

Олегович? Во всяком случае, сам Курочкин уж точно не узнает своих преследователей. А это значит...

Курочкин тревожно выглянул из-за пальмы и стал всматриваться в проходящих мимо людей. Вот тот толстый неповоротливый тип, навьюченный баулами, — разумеется, не соглядатай Майкла Седельникова. И вон та старушенция с дребезжащей сумкой на колесах — тоже наверняка не из числа седельниковских гоблинов. И зыркающий во все стороны малыш с полурастаявшим мороженым, — если, конечно, это действительно мороженое, а не подкрашенный белой замазкой радиопередатчик... Несмотря на отчаянность своего положения, Курочкин машинально усмехнулся: он, оказывается, еще способен мысленно поиздеваться над собой, — значит, не все еще потеряно. Лучшее лекарство от мании преследования — ненадолго вообразить себя параноиком, это быстро приводит в чувство.

«Правда, — мысленно одернул себя Дмитрий Олегович, — меня и впрямь преследуют, вне зависимости от мании. Стоило же мне разыскивать господина Седло, чтобы потом от него и бегать!..»

Курочкин уже собрался было снова укрыться среди развесистой пластмассы в кадке, как внезапно внимание его привлек один человек. Высокий сутуловатый очкарик лет тридцати пяти, одетый в затрапезные серые брюки и вытертую коричневую куртку. Человек этот не производил впечатления кулачного бойца, даже напротив, однако Дмитрий Олегович подозревал, что мастера каких-нибудь карате или кунг-фу тоже могут и не выглядеть горой узловатых мускулов. А киллеры и вовсе могут быть людьми слабосильными и тщедушными: у них в союзниках Товарищ Маузер.

Но, конечно, не сутулость тридцатипятилетнего очкарика в куртке стала причиной безотчетных подозрений Дмитрия Олеговича.

Человек тот не был похож на обычных посетителей вокзала. Во-первых, он быстро и внимательно осматривал все вокруг, не пропуская ни одного квадратного сантиметра и поводя головой, как живая автоматическая телекамера, направо-налево, вверх и вниз.

Во-вторых, подозрительный человек был БЕЗ ВЕЩЕЙ! У него в руках не было даже пустой авоськи. Даже когда человек приходит на вокзал, чтобы проводить или встретить поезд, он запасается хотя бы газеткой, — чтобы не было так грустно слушать объявления о том, что прибытие или отправление нужного поезда задерживается на час или на сутки.

У человека с головой-телекамерой не было и газеты. Курочкину сразу показалось, будто с одной стороны куртка немного оттопыривается: в том месте, где человек — будь он и вправду киллером из числа седельниковских подручных! — мог бы хранить оружие.

Под прикрытием пальмы Дмитрий Олегович стал медленно отступать назад, к неработающему коммерческому киоску, на котором кто-то уже успел нарисовать незамысловатую рекламу пирожных «Сатурн» (кремовый шарик в окружении вафельного пояса астероидов). Курочкин надеялся, что его скрытные перемещения останутся незамеченными, но просчитался. Очкарик-соглядатай, как автопилот, повторял курочкинский маршрут и определенно двигался за ним. При этом седельниковский стукач продолжал озираться, исправно делая вид, что, мол, его интересует кто угодно, только не Дмитрий Олегович. «Так я тебе и поверил», — ожесточенно подумал Курочкин, стараясь держаться в гуще толпы. Он надеялся если не потеряться, то, по крайней мере, основательно запутать шпиона. Впрочем, место на вокзале, где Курочкин успел бы припрятать дипломат, отыскать было много труднее, чем самого Дмитрия Олеговича. «Где проще всего... спрятать... песчинку? — шептал на ходу, как заклинание, Курочкин. — В куче... песка...»

Курочкин верил, что его уловка сработает. Главное — скрыться от соглядатая самому.

Дмитрий Олегович свернул к лестнице на третий этаж, но, как видно, сделал это недостаточно быстро.

Очкарик с головой-телекамерой, похоже, припустился бегом и нагнал Дмитрия Олеговича на второй ступеньке.

— Послушайте, — громко дыша, произнес соглядатая, — я ищу...

«Уж знаю, что ты ищешь», — зло подумал Курочкин. Теперь ему приходилось медленно подниматься по лестнице спиной вперед, чтобы не оставить беззащитным свой тыл.

— Ян! Куда ты пропал? — послышался вдруг обиженный женский голос, и соглядатая неожиданно повернулся на зов.

Высокая девица с каштановыми волосами размахивала рукой, подзывая очкарика. Вторая ее рука была занята неподъемного вида спортивной сумкой.

— Как ты и просила, ищу вишневый джус, — с готовностью отрапортовал шпион, оказавшийся Яном. — Только ларек тот закрыт, и никто здесь почему-то не знает, куда делся продавец...

На всякий случай Дмитрий Олегович продолжал медленно-медленно взбираться наверх, и по-прежнему спиной вперед, как рак на горе.

— Ты все перепутал, — досадливо проговорила каштановая девица. — Не вишневый, а витаминный джус, и все равно я уже расхотела... Бери свои книги, у меня все руки отрываются...

— Солнышко, ты же сама просила... — виновато сказал очкарик Ян, и из шпиона и убийцы превратился в нормального парня.

— Я просила полчаса назад, но я не думала... — шум толпы поглотил окончание фразы, и Дмитрий Олегович очень скоро потерял из виду препирающуюся парочку. У него было ощущение, будто он сам только что опрокинул полную чашку этого самого вишнево-витаминного джуса. Совершенно непонятно, как Курочкин вообще мог заподозрить в безобидном парне соглядатая? Наверное, он все же подцепил вирус мании преследования.

Тут Дмитрий Олегович неожиданно осознал, что он, как и прежде, взбирается вверх по лестнице задом наперед и окружающие смотрят на такое странное передвижение с интересом.

Курочкин поскорее повернулся — и нос к носу столкнулся с человеком, с которым желал бы никогда больше не встречаться.

На него в упор глядел милицейский сержант Мымрецов.

— Ну, чего уставился, мужик? — недовольно буркнул сержант, пока не узнавая Дмитрия Олеговича. Он успел поменять свой шлем на обычную фуражку милиционера — серую с красным околышем. Автомат его, видимо, остался в патрульной машине, зато дубинку Мымрецов теперь снял с пояса и небрежно ею поигрывал.

— Нет... ничего... — забормотал Дмитрий Олегович, не в силах опустить глаза, словно кролик на завтраке у удава. Он мог бы, пожалуй, еще выкрутиться, если бы просто уступил дорогу сержанту, а сам продолжил движение вверх по лестнице. Курочкин же от неожиданности сделал самое глупое, что мог придумать: не выпуская из виду Мымрецова,

он тем же рачьим манером, каким и поднимался вверх по ступенькам, начал медленно спускаться вниз. И вдобавок, вероятно, покраснел от натуги, еще больше усиливая сходство с вареным раком. «Тихо, тихо ползи, улитка, по склону Фудзи...» — возникла у Курочкина в голове бессмысленная фраза, неизвестно откуда взявшаяся. При чем тут, господи, Фудзи на Павелецком вокзале?...

В глазах удава под красным окольшем промелькнул огонек радостного узнавания. Зрительный нерв передал сигнал в мозг сержанта, а из мозга уже пришел приказ лицевым мышцам. Мымрецов злорадно ухмыльнулся.

— А-а-а, — удовлетворенно протянул он.

Для Дмитрия Олеговича это торжествующее «а-а-а» прозвучало, наконец, как долгожданная команда «кру-гом!». Он резко, по-строевому, крутанулся на месте и попытался было продолжить спуск по лестнице, как все нормальные люди: лицом вперед, затылком назад. В то же мгновение Курочкину на плечо упала суровая милицейская ладонь.

— Не торопись, бегунок, — послышался веселый голос сержанта. — Поговорим...

Спустя несколько секунд Дмитрий Олегович уже подпирал спиной стенку неработающего киоска, а блюститель порядка Мымрецов высился перед ним — большой, плечистый, очень обрадованный неожиданным уловом. Очевидно, сержант только-только начал свой обход этажей вокзала и сразу же поймал подозрительную рыбку. Так себе рыбешку, карасика. Впрочем, со щуками этот рыбак, возможно, и сам бы не рискнул связываться.

— Ты чего тут ходишь? — начал допрос Мымрецов. — Опять, значит, прогуливаешься? — Дубинка в его руке похожа была на нетерпеливого ребенка, который на улице безмерно скушает в компании нудных взрослых, переминается с ноги на ногу и тащит тятю за палец. Однако милицейский тятя пока еще не давал полной свободы резиновой малютке.

Наблюдая за черной дубинкой, так и рвущейся из мымрецовских рук, Курочкин уже не в первый раз подумал о том, какое новенькое да добротное снаряжение у наших славных органов. И форма на сержанте была наверняка от Зайцева, и наручники импортные, и сам он выглядел гладким и довольным, как будто все его жизненные цели были уже достигнуты и для полного и окончательного счастья осталось лишь ущучить жалкого карася.

— Ты язык проглотил, бегунок? — осведомился сержант, не получив ответа. — Тебя, кажется, ясно спросили: ты — чего — здесь — сшиваешься?

Четыре последних слова Мымрецов произнес с нажимом, сделав вид, будто непослушная дубинка сейчас вырвется и стукнет Дмитрия Олеговича по носу.

— Я тут случайно, — сказал Курочкин. Самой дубинки он не боялся: по сравнению с шестиствольным гранатометом это было меньшим из зол. А вот Мымрецов вызывал у него тревогу. Есть люди, для которых первейшие враги — невольные свидетели их унижения, и сегодня, как назло, румяный капитан с улицы Летниковской распек своего сержанта аккуратно в присутствии Дмитрия Олеговича. Такое не прощают. С капитаном поквитаться было нельзя, зато с Курочкиным — сколько душе угодно.

— Слу-чай-но, — по слогам повторил Мымрецов и сощурился. — Шел в овощной, а попал на вокзал... Заблудился, понимаю. Выходит, ты приезжий, так?

— Москвич, — со вздохом ответил Дмитрий Олегович. Он вполне осознавал, до чего глупыми выглядят его ответы. Врать ему не хотелось, а говорить всю правду тем более.

— Московская прописка есть? — немедленно осведомился сержант.

— Есть, — скучно подтвердил Курочкин, заранее предвидя, что сейчас скажет сержант.

— Покажи документы, бегунок, — тут же потребовал Мымрецов и протянул руку, не занятую дубинкой.

— Паспорт дома, — чистосердечно признался Дмитрий Олегович. — В шкафчике, на второй полке. Рядом с электробритвой... Я ведь в овощной шел, зачем там документы?

Ответы Курочкина ничуть не огорчили сержанта. Наоборот, он был бы весьма разочарован, предъяви ему сейчас Курочкин паспорт с пропиской и кучу всяких справок, доказывающих, что Дмитрий Олегович К. — не уругвайский шпион, не беглый рецидивист и даже не верблюд. Теперь же у Курочкина не оставалось шансов легко отделаться.

— Чудненько, — проговорил Мымрецов и даже на радостях укротил дубинку, сунув ее себе под мышку. — Документов нет, прописка под вопросом, ручной клади не имеется... Стой-ка бегунок! — внезапно сообразил сержант. — У тебя же был чемодан. Куда делся? Отвечай!

Дмитрий Олегович промолчал. Похоже, бдительный сержант сумел бы выискать криминал в любой ситуации. Если бы дипломат находился сейчас в руках Курочкина, наверняка последовал бы вопрос: откуда дипломат взялся и нет ли там чего противозаконного? И так и сяк — плохи дела.

— Не отвечаешь, — удовлетворенно сказал сержант. — Нарушение паспортного режима — раз, сопротивление при задержании — два... Можно считать, уже сидишь.

Кажется, Мымрецов и впрямь намерился отыгаться на Курочкине по самой полной программе. Про себя Дмитрий Олегович произнес неласковое слово по адресу румяного капитана: зачем, спрашивается, раздражил подчиненного?

— Я, по-моему, не сопротивлялся... — осторожно заметил Дмитрий Олегович.

— Будешь, — уверил его Мымрецов. — Сейчас я тебя поведу в комнату милиции, и по пути ты обязательно начнешь брыкаться. — Мстительный сержант щелкнул по ручке своей дубинки, которую все еще держал под мышкой.

— Я думаю... — начал Курочкин, глянув за спину Мымрецова.

— А ты не думай! — возликовал страж порядка. — За тебя товарищ сержант уже подумал!

В тот же миг резиновая дубинка, словно живая, выскользнула из-под мышки товарища сержанта и бросилась прочь от своего хозяина. Помогал ей в этом резвый пацан лет семи: именно его и заметил Курочкин позади Мымрецова, пока тот распинался, как будет арестовывать Дмитрия Олеговича и тащить на цугундер. Пацан был маленький и верткий; он не таранил толпу, а проскальзывал между гражданами.

Надо полагать, парень давно присматривался к НАСТОЯЩЕЙ милицейской дубинке, и вот теперь мечта его была близка к осуществлению.

В первую секунду сержант даже не осознал глубину потери, и лишь нащупав под мышкой пустоту, понял, что его, слугу закона, жестоко ОБОКРАЛИ! Он метнул страшный взгляд на Курочкина, словно бы это Курочкин каким-то подлым образом мог одновременно оставаться на месте и заниматься похищением милицейской собственности. Дмитрий Олегович немедленно продемонстрировал ошалевшему Мымрецову пустые ладони и для верности даже произнес:

— Это не я!

Только тогда сержант, взревев, устремился за малолетним похитителем, расталкивая, как ледокол торосы, вокзальную публику. Он по пути произвел столько шума, что Курочкин

не сразу расслышал горячий шепот откуда-то сзади:

— Чего стоишь, дурак? Беги!..

Возможно, это был вовсе не шепот, а курочкинский внутренний голос, которому просто пришлось повысить собственную громкость, чтобы быть услышанным. Дмитрий Олегович не стал ждать, чем кончится погоня сержанта за ускользнувшей дубинкой, а бросился в противоположном направлении. Как раз в эту минуту гнусавый голос под потолком объявил о прибытии какого-то 14-го скорого; многие повскакали с мест, хватая сумки, Курочкин уже вторично за сегодняшний день благодарно влился в спешащую толпу и двигался с ней почти до самых платформ. Не доходя их, он все-таки изменил курс и пробрался к ближайшему выходу.

У турникета тем временем произошли кое-какие изменения. Девушка, с которой любезничал охранник входа, на этом месте была уже третьей по счету, зато сменился и сам охранник. Тот, прежний, был черненьким, а этот — рыженьким и кудрявым. Ни он, ни девушка не обратили на беглого Курочкина никакого внимания, поскольку слишком были заняты друг другом: щебетали нечто невразумительное, понятное им обоим. Круговорот любви в природе прекрасно обходился без Дмитрия Олеговича.

Курочкин выскочил на Павелецкую площадь и завертел головой, раздумывал, в каком направлении вернее бежать. Со стороны выглядел он, наверное, очень жалким и несчастным. Потому-то рядом с ним тотчас же притормозила легковая машина, водитель которой — дядечка с добрым округлым лицом — предложил:

— Вас подвезти?

— У меня... денег... нет, — на выдохе сообщил Дмитрий Олегович и в доказательство предъявил свой единственный гривенник.

— Да ладно, садитесь так, — великодушно проговорил водитель, и Курочкин немедля втиснулся на заднее сиденье. Там уже сидело двое пассажиров: грузный детина с квадратным подбородком борца и долговязый молодой человек, у которого, похоже, был сильный насморк: он постоянно шмыгал носом и с ожесточением вращал головой, пытаясь загипнотизировать свой собственный чих.

Детина, похожий на борца, захлопнул дверцу. Машина рванула с места, оставляя позади вокзал с припрятанным дипломатом и мстительным сержантом. Некоторое время Дмитрий Олегович переживал избавление от мымрецовских рук, а затем вдруг спохватился: куда они, собственно говоря, едут?

— Простите... — пробормотал он.

— Вы не волнуйтесь, — успокоил его округлый водитель с добрым лицом. — Я же сказал: довезу вас бесплатно... Хотя, — доверительно добавил он после паузы, — деньги-то у вас должны быть. Никак не меньше чемодана.

Золота и серебра было примерно поровну.

Коротенькое слово «ФОНД» в верхней части вывески состояло из четырех крупных золотых букв, каждая размером в две ладони. Длинное серебряное слово «Процветание» чуть ниже складывалось из букв поменьше. За третье место на вывеске боролась, как всегда, бронзовая строка, которую Курочкин уже не успел прочитать: его подтолкнули в дверь

особняка — довольно аккуратно, но стремительно.

Конвоиром стал все тот же долговязый юноша с заднего сиденья, изнуренный насморком. Последнее, однако, не помешало юноше крепко держать Дмитрия Олеговича под локоть, пока они поднимались по мраморной лестнице на второй этаж. На первой ступеньке Курочкин поскользнулся на полированном мраморе, и только благодаря руке конвоира он удержался на ногах. Шмыгнув носом, юноша вполголоса посоветовал Курочкину не дрыгаться, быть пайнкой; тогда все обойдется в лучшем виде. Дмитрий Олегович про себя заметил, что пожелание быть пайнкой лучше бы переадресовать этим чертовым скользким ступенькам, но вслух развивать эту мысль не стал. Он, собственно, и не думал пока сопротивляться. Первая оторопь уже прошла, ей на смену явилось нечто вроде любопытства. Как во сне, когда путешествуешь по анфиладе незнакомых комнат — в каждой ждет неприятный сюрприз, но интерес все-таки сильнее страха. Трехэтажный особняк в Трубниковском, куда Курочкина доставили с завидной быстротой, вряд ли имел отношение к фирме «Мemento», — и тем не менее его новые знакомые оказались неплохо осведомлены о находке Дмитрия Олеговича. В принципе Курочкину это было даже на руку: он смертельно устал от неопределенности и в то же время не желал иметь больше никаких дел с командой убийц господина Седельникова. Он же Майкл, он же Седло, он же Большой Сукин Сын.

— Сюда! — шмыгающий носом конвоир распахнул перед Курочкиным внушительных размеров дверь.

Дмитрий Олегович вошел и остановился в недоумении. Он ожидал обнаружить за дверью просторный кабинет или как минимум приемную секретаря с разноцветными телефонами, жужжащими факсами, компьютером и вышколенным референтом, которого обучили на все вопросы любезно отвечать: «Его-нет-что-ему-передать?»

Вместо этого Курочкин увидел длинный ряд белоснежных писсуаров.

Конвоир зачем-то привел его в туалет, хотя Дмитрий Олегович ни о чем подобном не просил, даже не намекал. Но, быть может, все это — часть неведомого ритуала, свойственного фонду «Процветание»? Учитывая, что предстоящая беседа может быть долгой, здешние распорядители церемоний сперва препровождают посетителя в сангигиеническое заведение, хочет гость того или нет. Полезный, хотя и слегка навязчивый сервис.

Входная дверь за ними закрылась, после чего Курочкину мгновенно стало ясно, ДЛЯ ЧЕГО его сюда привели. Отнюдь не для больших или малых дел. Шмыгающий носом юноша очень быстро и сноровисто обшарил все карманы Дмитрия Олеговича, профессионально обхлопал полы его пиджака. Если он надеялся сразу же найти у Курочкина четверть миллиона долларов, то его поджидало разочарование: кроме все того же гривенника и пластмассовой коробочки с инъектором конвоир решительно ничего не нашел. Даже ключей от квартиры, которые Валентина старалась Курочкину без нужды не доверять.

Юноша вернул на место несчастную рыженькую монетку, а вот инъектор и ампула гексатала его вдруг необычайно заинтересовали.

— Ширяешься? — с непонятной радостью в голосе осведомился он у Курочкина, шмыгая еще сильнее обычного.

Дмитрий Олегович энергично замотал головой.

— Ширяешься... — мечтательно повторил шмыгающий юноша, бережно упрятав в свой карман конфискованное курочкинское имущество. — Нех-хо-рошо...

Только теперь Дмитрий Олегович смог повнимательнее рассмотреть своего конвоира и

заметить то, что ему как-то не бросилось в глаза с самого начала. А именно: стеклянный взгляд расширенных зрачков молодого стража. Плюс к тому — странные птичьи движения головы и плеч, как будто конвоир периодически ловил ртом в воздухе нечто невидимое и, несмотря на сильный насморк, пытался склевать... Да полно, насморк ли у него был на самом-то деле? Курочкину довольно редко доводилось видеть несчастных, плотно сидящих на игле, но, кажется, перед ним был этот самый случай, причем запущенный.

— Нет-нет! — сказал Дмитрий Олегович, еще надеясь вернуть себе обратно пластмассовую коробочку. — Это не то, что вы подумали.

— Ясное дело, — подмигнул конвоир Курочкину. — Это у тебя средство от кашля, я так и понял. Не жмись, не выдам я тебя...

— Клянусь вам, вы ошибаетесь, — Дмитрий Олегович догадался, что ему вновь не верят, и предпринял последнюю попытку. — Я вовсе не наркоман, а вот этот препарат... — Он уже собрался рассказать шмыгающему юноше о прискорбных свойствах гексатала, из-за которых тот, собственно, и не был запущен в производство. Однако молодой конвоир не пожелал слушать дальнейших объяснений.

— А я что, по-твоему, наркоман? — ухмыльнулся он и для верности похлопал по карману, где теперь лежала отнятая коробочка. — Без кайфа нет лайфа, вот и вся философия... Ну, пошли, начальник ждет...

Молодой конвоир, отчего-то сильно повеселевший, вывел Курочкина из писсуара (он же — Комната Для Обысков) и сопроводил к огромной двери с табличкой «ДИРЕКТОР». Как и на вывеске, буквы здесь были большие, выпуклые, золоченые. Во всем чувствовались солидность и основательность. По всей видимости, фонд «Процветание» был не из самых бедных, так что Дмитрий Олегович даже засмутился своего несолидного пиджачка и вообще непарадной формы одежды. Хотя в принципе Курочкин и не собирался сюда в гости: с ним поступили точь-в-точь как с Магометом, который заартачился было идти к горе.

За дверью с золоченой табличкой обнаружился светлый предбанник, где в черных кожаных креслах сидели и покуривали двое плечистых граждан. По соотношению размеров плеч к объемам голов обоих курильщиков Дмитрий Олегович легко догадался, что перед ним — не директор «Процветания» и его первый заместитель, а пока лишь охрана.

Так и оказалось.

— Опаздываете, — без выражения пробормотал один из плечистых, не вставая с места. — Уже дважды справлялись, привезли или нет...

— Кто справлялся? — осведомился шмыгающий охранник. — Сам шеф?

— Не-а, — зевая, сообщил второй охранник. — Не шеф, а Коростылев.

— Тоже мне командир выискался, Коростылев, — с независимым видом заметил конвоир, однако медлить не стал и впихнул Курочкина в серый прямоугольник следующей двери. А сам, между прочим, остался в предбаннике.

Новое помещение было долгожданной комнатой секретаря-референта со всеми положенными телефонами и факсами. За секретарским столом расположился грузный гладко выбритый мужчина в серой с блестками тройке. Выбритый мужчина время от времени меланхолично тыкал указательным пальцем в клавиатуру компьютера. На невидимом Курочкину экране кто-то, вероятно, кого-то убивал, поскольку слышны были невнятные звуки стрельбы и чьи-то мультипликационные вопли.

— Еще один готов, — удовлетворенно сказал сам себе игрок в компьютер и тут только заметил Дмитрия Олеговича.

— Здравствуйте, — вежливо произнес Курочкин. — Может быть, вы мне объясните...

Кресло, на котором сидел бритый секретарь-референт, оказалось с колесиками. Грузный компьютерный игрок напоследок ткнул в какую-то клавишу, а затем, легко оттолкнувшись ногой от стола, отъехал в сторону вместе с креслом.

— Щас мы тебе объясним, — буркнул он, вскакивая с места. Ни слова больше не говоря, он метнулся наперехват Курочкину, болевым приемом завернул тому руку за спину и в таком виде проволоч Дмитрий Олеговича к еще одной двери, обитой коричневой замшей. Перед дверью стремительный секретарь-референт только на мгновение задержался, отворил ее — и сильным тычком послал Курочкина вперед. Слово бы этот бритый был игроком в регби, а Дмитрий Олегович — его мячом.

Получив ускорение, Курочкин наверняка бы влип с разгона в противоположную стену кабинета (а попал он на сей раз действительно в кабинет), если бы его не спас седовласый хозяин директорских апартаментов — пожилой худощавый джентльмен в замечательном сером костюме. Растопырив руки, седовласый поймал Дмитрия Олеговича на лету, хотя сам при этом с трудом удержался на ногах.

— Извините... — простонал Курочкин, не привыкший к таким перемещением. Вдобавок рука после захвата грузного референта еще болела.

— Нет, это вы меня извините сердечно! — воскликнул седовласый джентльмен, обретая, наконец, равновесие. — Дурацкое недоразумение, ей-богу, уж не взыщите... Сколько я им говорил: бросьте эти спецназовские замашки, народ распугаете! Нет, им бы только тащить и руки выкручивать. Бестолочи!..

Хозяин директорского кабинета быстро подскочил к замершему у входа ретивому референту и сердито погрозил ему пальцем.

— Смотрите у меня, Коростылев! — грозно проговорил он. — Еще одна такая грубость по отношению к клиенту — и вылетите из фонда без пособия. Обещаю. Поняли мою мысль?

Грузный секретарь-референт послушно щелкнул каблуками.

— Виноват, — уставным голосом сказал он.

— Винова-а-ат! — передразнил седовласый. — Заладили одно и то же. Скажите по-человечески: простите, мол. Можете сказать по-человечески?

На лице секретаря отразилось некое подобие раскаяния. Курочкину почудилось даже, что он слышал скрип, с которым неповоротливые лицевые мышцы формировали непривычную гримасу.

— Простите, — с трудом выговорил бритый секретарь.

— Умница, — уже спокойным тоном оценил усердие подчиненного седовласый. — Давно бы так... Вы не ушиблись? — заботливо спросил хозяин кабинета у Дмитрия Олеговича.

— Все в порядке, — заверил Курочкин. Рука еще ныла, однако Дмитрий Олегович подавил в себе мстительное желание наклепать на громилу-референта. Тому уже и так досталось.

— И прекрасно! — улыбнулся седовласый джентльмен. — Чашечку кофе не желаете? Курочкин пожал плечами.

— Два кофе, — распорядился хозяин кабинета. — Самого лучшего, бразильского. И побыстрее.

— Так точно, два кофе, — отчеканил референт Коростылев и, повернувшись через левое плечо, покинул директорские апартаменты.

Седовласый вздохнул и развел руками.

— Беда с этими секьюрити, — грустно заметил он, когда оба расселись в удобных кожаных креслах. — Нанимаешь в охранники молодежь — так ничего делать не умеют. Берешь в штат отставников из спецназа — так из них казарма так и прет, перед людьми неловко. Говоришь им русским языком: при-гла-сить. И что вы думаете? Хватают человека, как будто преступника какого. Вы меня еще раз, ради бога, извините, господин... — Тут седовласый очень выразительно замялся.

— Курочкин, — поспешил представиться Курочкин. — Дмитрий Олегович.

— Курочкин... — задумчиво проговорил седовласый, словно пробуя фамилию на язык. — Пусть так. Скромненько и со вкусом, без изысков.

Сказано было таким тоном, как будто Дмитрий Олегович сам был волен выбирать себе имя, фамилию и отчество, а хозяин кабинета просто одобрил сделанный выбор.

— А я — Фетисов, Мартин Сергеевич, — после паузы назвал себя седовласый джентльмен. — Вы обо мне, наверное, слышали. Ведь слышали.

— Кое-что, — признался Курочкин. — Хотя и мало. Вы занимаетесь импортом...

Седовласый Фетисов с большим интересом уставился на Дмитрия Олеговича.

— Импортом. Хм, оригинально, — вполголоса сказал хозяин кабинета, но не Курочкину, а как бы самому себе. — Шутнички, однако...

Дмитрию Олеговичу показалось, что Фетисов остался не слишком-то доволен его репликой.

— Я вас не обидел? — встревожился Курочкин. Он запоздало сообразил, что, возможно, следовало бы держать язык за зубами. Вдруг в переводе на язык большого бизнеса его слова означают что-то не то?

— Нет-нет, отнюдь, Дмитрий... хм... Олегович, — тут же спохватился Фетисов. — Просто ваши друзья вас слегка дезинформировали. Если мы что и импортируем, так только знания, экономический опыт развитых стран. И ничего больше.

На всякий случай Курочкин покивал в знак согласия.

— Но у России, естественно, путь особый, — продолжал седовласый Фетисов. — И наше русское процветание — это вам не американское просперити с его космополитической моралью. Наш фонд смотрит в корень... Кстати, — прервал свою речь хозяин директорского кабинета. — Вот вы меня сейчас слушаете, а сами наверняка думаете: отчего у него такое зарубежное имя Мартин? Признайтесь, думаете?

Чтобы не огорчать хозяина кабинета, Дмитрий Олегович снова кивнул, хотя ни о чем таком не думал: имя как имя, бывают и чуднее.

— Родители постарались, — с досадой объявил Фетисов. — Вот скажите, только не раздумывая, сразу: какая фамилия вам приходит в голову рядом с именем Мартин? А?

— Борман, — не раздумывая брякнул Курочкин.

— Правильно, — горько сказал Фетисов. — То есть, конечно, неправильно. Назвали меня в честь Мартина Андерсена-Нексе, был такой когда-то популярный писатель. Но после «Семнадцати мгновений» все вспоминают одного только Бормана!..

Дмитрий Олегович мысленно посочувствовал директору фонда «Процветание». Его самого родители назвали Дмитрием в честь его же дедушки Дмитрия. Без фокусов.

Бритый референт Коростылев вернулся тем временем в кабинет, неся поднос с двумя чашечками кофе и маленькой плоской сахарницей. И это было очень кстати, поскольку Дмитрий Олегович так и не придумал, в какой форме выразить гостеприимному Фетисову

свое сочувствие в связи с именем. Не одобрить его означало бы обидеть фетисовских родителей... Совершенно непонятно, к чему шеф «Процветания» вообще затеял этот разговор.

— Так на чем мы остановились? — поинтересовался седовласый Фетисов, когда кофе в чашечках иссяк и бритый Коростылев унес поднос, напоследок затворив за собой двери.

— На писателе... — подумав, проговорил Курочкин. — Или нет: на «Семнадцати мгновениях»...

— Бог с ними, с мгновениями, — отмахнулся человек по имени Мартин. — Я вспомнил: мы говорили о процветании. Верно?

— Верно, — согласился Дмитрий Олегович. Обходительный Фетисов ему нравился, однако он все еще не мог взять в толк, куда тот клонит. Едва ли Курочкина доставили в этот кабинет лишь для беседы о преимуществах русских имен над нерусскими. Пока же все рассуждения седовласого Мартина были мимо денег — как сказала бы, по своей бухгалтерской привычке, практичная Валентина.

Надо полагать, владелец директорских апартаментов заметил ожидание в курочкинских глазах, а потому решил, что преамбула уже соблюдена и можно позволить себе плавно перейти к самой сути.

— К сожалению, любое процветание немыслимо без презренного металла, — с печалью в голосе объяснил седовласый джентльмен. — И наш фонд, увы, — не бездонная бочка. Мы вынуждены, просто обязаны заниматься скучнейшей финансовой материей... Так, говорите, наш чемоданчик с долларами сейчас находится у вас?

Курочкин был уверен, что за все время разговора он ни разу даже не заикнулся про дипломат.

— ВАШ чемоданчик? — удивленно переспросил он. — Но я-то считал...

— Наш, именно НАШ, — с глубочайшей грустью подтвердил директор фонда с бодрым названием «Процветание» господин Мартин Фетисов. — А чей же он еще может быть?...

Прошлой весной двоюродный брат Валентины, преподаватель философии в Военно-медицинской академии, прочел Курочкину целую лекцию о том, как современные обществоведы рассматривают понятие свободы. Дело было на дне рождения супруги, военно-медицинский философ успел порядочно нагрузиться и нес, по понятиям почти трезвого Курочкина, явную ерунду. По его словам выходило, что-де покупатель в магазине, обнаруживший на прилавке только тот товар, что ему нужен, менее свободен, нежели, например, приговоренный к смертной казни, которому палач разрешает самому определить, от чего ему желательнее погибнуть — от пули или петли. Дмитрий Олегович попробовал было втолковать упившемуся обществоведу, что он, Дмитрий Олегович, все-таки предпочитает покупать какой-никакой товар, а вовсе не избирать орудие собственной казни. Но переубедить упрямого родственника жены оказалось не под силу. Разгорячившись, брат-философ стал сыпать мудреными иностранными фамилиями коллег и в конечном счете перекричал-таки Курочкина, предварительно взяв того за лацканы. Из всего этого умного спора на повышенных тонах Дмитрий Олегович сумел для себя извлечь лишь краткое определение «свобода — это возможность выбора» и его на всякий случай запомнил.

Восемью годами раньше тот же двоюродный шурин на таком же дне рождения громко втолковывал Курочкину про какую-то осознанную необходимость, которая тогда устраивала Дмитрия Олеговича еще меньше. В те времена, правда, и специальность родственничка называлась еще научным коммунизмом...

Изречение насчет возможности выбора всплыло в памяти Курочкина в тот самый момент, когда грустный Фетисов, обремененный собственным именем, мягко заявил свои права на долларовый чемоданчик. Претендентов тотчас же стало двое, появился долгожданный выбор, и Курочкин немедленно почувствовал себя свободнее. Может быть, оттого, что вежливый директор «Процветания» чисто по-человечески устраивал его не в пример больше, чем криминальный тип Седло.

Тем не менее истина обязана была быть дороже симпатий: у одного дипломата никак не могло быть сразу два хозяина; один все-таки был ненастоящим.

— А я-то считал, будто это — собственность господина Седельникова, — осторожно заметил Дмитрий Олегович, чувствуя известную неловкость.

Хозяин кабинета покачал головой.

— Вас ввели в заблуждение бессовестные люди! — проговорил он. — В свое время наш фонд имел неосторожность ссудить фирме «Мементо» некую сумму. И как раз сегодня основная часть задолженности в наличной валюте должна была быть нам возвращена. С сегодняшнего дня формально это были уже НАШИ деньги... На этом, как я понимаю, и строился их расчет.

— Вы так думаете? — озадаченно спросил Дмитрий Олегович. На него самого — это он уж знал точно — никто заранее рассчитывать не мог. Черт его дернул заглянуть в эту злосчастную подворотню только в последний момент.

— Я в этом уверен, — веско сказал в ответ седовласый хозяин кабинета. — Тут ведь есть одна тонкость, почти что юридический казус. Когда кэш испаряется в момент передачи, всегда бывает трудно определить, из чьих рук он ушел и чья, следовательно, сторона оказалась в проигрыше. Когда же при этом еще и не остается живых свидетелей происшествия, что-либо доказать практически невозможно. Ваш Седельников неплохо все продумал: он жертвует своим курьером, после чего передает чемоданчик с кэшем постороннему лицу...

При этих словах директор «Процветания» как-то по-особенному взглянул в лицо Дмитрию Олеговичу. Тот невольно заерзал в кресле, ощутив вдруг непонятную вину за происки коварного Седла.

— ...И затем, — продолжил седовласый Фетисов, тактично отводя от Курочкина глаза, — наступает кульминация. Если мы поверим, будто в наши денежные отношения с «Мементо» вмешался некто третий, то Седельников — вне подозрений: он честно передал долг, а что было там дальше, — наши проблемы. Деньги ему потом тихо возвращаются...

Хозяин кабинета вновь одарил Курочкина внимательным взглядом, смутив его окончательно.

— ...И наконец, — завершил свою вежливую речь Фетисов, опять уведя глаза от лица Дмитрия Олеговича и сосредоточив свой взор на висящей над столом картине. Картина изображала пожилого джентльмена в костюме прошлого века, неуловимо смахивающего на самого Мартина. — Наконец, возможен и другой вариант. Мы не верим искренности господина Седельникова и просим повторно передать нам причитающуюся сумму. В этом случае «Мементо» заявляет любому третьейскому судье, будто все происшедшее — наша

провокация. Мы, дескать, организовали утечку кэша, с тем чтобы заставить честнейшего господина Седельникова платить вторично... Остроумно, не так ли?

— Остроумно, — вынужден был признать обескураженный Курочкин. — Но я-то оказался там случайно, клянусь вам... — И Дмитрий Олегович уже в который раз за сегодня стал излагать свою историю неудачного похода за яблоками для пирога.

Директор фонда «Процветание» выслушал рассказ Курочкина внимательно, не перебив ни разу: так вежливый хозяин, решивший во всем потакать дорогому визитеру, готов проявлять чудеса гостеприимства. Он лишь позволил себе в самом начале поинтересоваться маркой автомобиля, найденного в подворотне, и вполне удовлетворился сконфуженным признанием Дмитрия Олеговича в полной его автомобильной неотесанности.

— М-да, прискорбное происшествие... — кратко подытожил седовласый Фетисов после того, как поникший Курочкин завершил свою эпопею описанием перестрелки возле бывшей булочной. О своей встрече с прекрасной Надеждой Дмитрий Олегович распространяться не стал, а Мартин и не настаивал.

— Просто ужасное происшествие, — со вздохом согласился Курочкин. — Я в отчаянии, честное слово. Да если бы я мог предположить, что такая нелепая, немислимая, дурацкая случайность...

— Разумеется, случайность, — очень вежливо повторил вслед за ним шеф фонда «Процветание».

— Я не виноват! — с чувством произнес Дмитрий Олегович.

— Разумеется, не виноваты, — тотчас отозвался предупредительный Фетисов, пожелавший поработать эдаким сочувствующим эхом.

— Это просто какое-то невезение... — излил свою тоску Дмитрий Олегович.

— Конечно, невезение, — с готовностью подтвердил хозяин кабинета. — Тут везением и не пахнет: идет человек из магазина, случайно заходит в подворотню, случайно видит автомобиль и двух убитых, машинально берет чемоданчик. Не подозревая, разумеется, ни о каких долларах...

Курочкин вдруг осознал, что сегодня почти такие же слова он уже слышал — в телефонной беседе с господином Седло. Тот тоже больше верил в умысел, нежели в роковое стечение обстоятельств.

— Вы тоже думаете, что я вру, — уныло сказал Дмитрий Олегович. — А я ну совершенно вам не вру!

Хозяин кабинета одарил Курочкина мягким отеческим взглядом.

— Помилуйте, кто говорит о лжи? — тонко улыбнулся господин Фетисов. — Речь идет лишь о разной степени информированности. Раз вы хотите, я готов принять вашу версию, что вы — некто Курочкин, что вы лично никого не убивали и с Седельниковым напрямую предварительно не сговаривались...

— Не сговаривался! — поспешно проговорил некто Курочкин. — В глаза не видел этого гада...

— Не видели — и хорошо, — ласково поддакнул директор «Процветания». — И видеть его ни к чему. Омерзительный господин, чтобы вы знали на будущее. Жестокий, грубый, упрямый. Правда, в высшей степени не дурак. Хотя в этот раз он все-таки перемудрил. Задушить нашего фондовского курьера — это было уже чересчур...

Дмитрий Олегович почувствовал, как удобное кожаное кресло едет под ним куда-то в тартарары.

— Что... что значит — задушить? — еле вымолвил он. — Я ведь сам, сам видел... — Перед глазами мгновенно возникла та самая подворотня. Даже не будь у Курочкина высшего медицинского образования, он все равно смог бы отличить застреленного от задушенного.

Седовласый Мартин Фетисов снисходительно глянул на Курочкина, словно пожилой папаша — на непутевого, но, в общем, любимого сына.

— Я же вам говорю — все дело в степени информированности, — мягко заметил он. — Тот покойник, которого вы видели неподалеку от машины, — вовсе не наш курьер. Нашего сотрудника задушили в собственной квартире, примерно за час до назначенной встречи.

Несколько секунд Курочкин таращил глаза, переваривая неожиданную новость, и все это время хозяин кабинета предупредительно молчал, ожидая, пока дорогой гость придет в себя.

— Но почему? — наконец, выговорил Курочкин. — Но зачем?... — Язык его все еще отставал от мыслей, а потому обе вопросительные фразы получились донельзя лаконичными.

Заботливый папа Фетисов тотчас снизошел к любознательности блудного сына.

— Не знаю точно, — доверительно признался шеф «Процветания». — Вероятно, Седельников хотел таким образом вернее отвести от себя подозрения. Чем больше тумана вокруг, тем проще ему играть в невиноватого. Ищите, мол, третьих, а мы с долгами расплатились... И ведь действительно, — добавил он, — даже я чуть было не поверил, что в наши дела вмешался кто-то извне... Но потом замелькала ваша фигура, и все встало на свои места.

Курочкин вынужден был покорно сглотнуть словечко «фигура» — точно так же, как несколькими минутами раньше он смирился со словом «некто».

В конце концов, для человека, потерявшего в результате чужих махинаций четверть миллиона долларов, хозяин директорских апартаментов и так вел себя на редкость деликатно. Даже ни разу не повысил голос на Курочкина — невольного пособника преступников из фирмы «Мементо».

— Но я ни о чем таком... Я и понятия не имел... — Дмитрий Олегович по-прежнему не мог собрать из слов более-менее внятное и законченное предложение. — У меня и в мыслях не было...

— Понимаю вас, господин, гм, Курочкин, — немедленно пришел ему на помощь снисходительный и душевный господин Фетисов. — Вас не ввели в курс дела, попросту подставили. Вполне в духе Седельникова... Тем более рад, что нам с вами удалось встретиться.

Тут только Дмитрий Олегович вспомнил, каким образом организовалась эта встреча. Он еще обдумывал, как половчее задать вопрос об этом хозяину кабинета, а тот уже сам догадался, о чем Курочкин намеревался спросить.

— Буду откровенен с вами, — широко улыбнулся седовласый шеф «Процветания». — Мы немножко приглядываем за фирмой «Мементо». Когда имеешь дело с деньгами, волей-неволей приходится хоть изредка проверять своих контрагентов. Отдадим должное нашему Коростылеву: он не слишком, увы, цивилизован, но профессионален, этого не отнимешь. Как

только засекали «мерс» Седельникова, заметили и вас. В здании вокзала вас, к сожалению, потеряли на полчаса, но потом все-таки отследили... Помните молодую парочку — парень еще какую-то газированную воду искал? Это коростылевские кадры...

Дмитрий Олегович сперва опешил, но затем даже мысленно похвалил себя за наблюдательность: все-таки тот тип с головой-телекамерой выискивал не кого-нибудь, но именно его!

— А мальчик? — с удовлетворением в голосе продолжал Фетисов. — Мальчик, который выкрал дубинку у милиционера? Думаете, он появился просто так?

Курочкин невольно вздрогнул.

— Неужели это тоже коростылевский кадр? — недоверчиво поинтересовался он. — Он ведь такой маленький...

— Это родной коростылевский племянник, — довольно объяснил начальник «Процветания». — Восемь с половиной лет пацану, а уже сам зарабатывает себе на «сникерсы» и пирожные «Сатурн». Любите эти пирожные?

— Да как-то не знаю, — растерялся Курочкин, удивленный таким прихотливым поворотом разговора. Может быть, хозяин кабинета таким способом собирался подсластить горькую пилюлю? В семейном бюджете, составляемом Валентиной, для пирожных места не было.

— А вот я обожаю, — застенчивым тоном сообщил Мартин Фетисов. — Но врачи не позволяют. Пусть хоть ребенок побалуется сладеньким. Да, кстати, — безо всякого перехода добавил хозяин кабинета, — кейс с долларами вы, конечно, спрятали в камере хранения?

Дмитрий Олегович стал уже привыкать к манере директора «Процветания» прятать важные вопросы среди всевозможной словесной шелухи.

— Я надежно спрятал ВАШ дипломат, — ответил Курочкин, нарочно выделив слово ваш. — И я готов вам немедленно его вернуть. Мне чужого не надо, не думайте.

— Вы — честный человек! — с воодушевлением провозгласил хозяин апартаментов. — Вы меня даже почти убедили, что попали в этот переплет случайно. Улица полна неожиданностей, так ведь?

— Так! — кивнул Дмитрий Олегович. Вот-вот с его плеч должна была упасть тяжкая ноша. А то Курочкину уже начинало казаться, что дипломат с чужими деньгами вечно будет при нем, как горб при верблюде.

Господин Фетисов извлек откуда-то переносной пульт и надавил одну из кнопок. За дверью приглушенно зазвенело. Тотчас же дверь в кабинет распахнулась, и возникла уже знакомая парочка — грузный наголо выбритый Коростылев и шмыгающий носом юноша-конвоир. Оба они вели себя по-разному: идолообразный Коростылев замер по стойке смирно, а молодой конвоир принялся нетерпеливо пританцовывать на месте, словно подчиняясь зажигательной мелодии несуществующего плеера. За полчаса, которые прошли после обыска среди писсуаров, юноша еще больше повеселел.

— Мы обо всем договорились, — объявил начальник «Процветания», легко поднимаясь с кресла. Дмитрий Олегович тоже встал со своего места, разминая затекшую от сидения ногу.

Наголо выбритый Коростылев изобразил напряженное внимание. Экс-конвоир ничего такого не изобразил и продолжал себе пританцовывать.

— Наш новый друг... э-э... господин Курочкин был так любезен, — продолжал свою мысль хозяин кабинета, с некоторым неудовольствием созерцая телодвижения своего

расхлябанного кадра, — так вот, был настолько любезен, что согласился добровольно вернуть фонду собственность. Ту, которую мы не получили утром. Сейчас вы поедете вместе с ним обратно на Павелецкий и заберете дипломат с кэшем. А после этого отвезете нашего гостя туда, куда он сам пожелает. Ясно?

— Так точно! — отрапортовал грузный Коростылев.

— Ясно-ясно! — радостно пропел шмыгающий носом и выкинул очередное танцевальное па. — А после этого мы, как всегда, отвезем нашего, хи-хи... нашего лучшего нового друга... куда сами пожелаем. Поближе к водоему пожелаем... Мартин Сергеевич, скажите только Коростылю — пусть он его сам в бетон закатывает. У меня от этого бетона аллергия, все руки в волдырях, чешутся... Вредное производство, за те же деньги...

Бритый Коростылев, не сходя с места, резко двинул шмыгающего по печени. Эксконвоир звучно осел на пол, но, кажется, боли даже не почувствовал.

— Падла ты, Коростыль, — невнятно пробурчал он из положения сидя. — Грязная работа — на мне, и я же виноват... Падла он, Мартин Сергеевич, снимите с него премиальные...

Седовласый Мартин мигом утратил свою степенность. Он подскочил к шмыгающему экс-конвоиру и с размаху врезал ему по уху. Тот послушно опрокинулся навзничь, не переставая дергать ногами и бормотать.

— И ты, Мартин, волчара позорный... — вяло проговорил он уже из положения лежа. — Порядочные люди киллерам отдельно платят... а тебе бы все на нас свалить... Без кайфа нет лайфа, понял, да?

— Где ты взял наркотики?! — страшным голосом прошипел господин Фетисов, сильно пнув носком элегантного ботинка своего лежащего кадра. — Когда успел? Ты, падали кусок!..

— Бей лайфа нет... нет кайфа, — тоненько захихикал лежащий на полу бывший конвоир Курочкина. Затем физиономия его сделалась совсем бессмысленной, и он принялся пускать ртом пузыри, счастливо агукая, как младенец.

Хозяин кабинета еще раз злобно пнул его ногой, однако уже ничего, кроме новых пузырей и агуканья, не добился.

— Минут сорок его трогать бесполезно, — рискнул, наконец, подать голос Дмитрий Олегович. Как новому другу, дорогому гостю и потенциальному утопленнику ему следовало бы помалкивать, однако как медик он не мог смолчать.

Седовласый Мартин Фетисов наконец-то оставил в покое своего кадра, впавшего в блаженное детство, и повернулся к Курочкину. На лице директора фонда «Процветание» еще сохранялись остатки былой респектабельности, но гримаса свежей ярости напрочь губила прежнее умиротворенное выражение. Обратное превращение Серого волка в добрую бабушку уже никак не удавалось. Большие глаза, большие уши и большие зубы теперь невозможно было куда-нибудь спрятать.

— Почему еще минут сорок? — коротко взрыкнул Серый волк.

Курочкин почувствовал себя Красной Шапочкой, у которой спрашивают совета, с чем ее лучше съесть — с растительным маслом или с майонезом. Несмотря на возможность выбора, свободным себя Дмитрий Олегович нисколечко не почувствовал: врал военно-медицинский философ, как и следовало ожидать! Впрочем, ему, Курочкину, был задан профессиональный вопрос, каковой он никак не мог игнорировать.

— Это не наркотик, — пояснил он, кивая в сторону уже совсем бессмысленного экс-

охранника на полу. — Это — гексатал.

— Чего-чего? — угрюмо переспросил бывший джентльмен господин Фетисов. В бизнесе этот Мартин, возможно, и разбирался, но в фармакологии — отнюдь.

— Суперсыворотка правды, — вежливо растолковал ему Дмитрий Олегович. — Производное от пентотала. Один лишний атом в углеродной цепочке. Эйфория плюс логорея, полное освобождение речевых центров... Но препарат был признан неудачным.

— Вот как? — не без любопытства обронил седовласый волк Мартин, брезгливо оглядывая пускающего слюни подчиненного. — А по-моему, сработано довольно эффективно.

— Совсем даже не эффективно, — вздохнул Курочкин. Глупо было спорить с профаном. — Видите, он почти еще ничего не сказал — а уже отключился. И не забудьте про расстройство двигательных функций...

— Ну, сказать он успел достаточно, — заметил негромко шеф фонда «Процветание». — Более чем достаточно. Боюсь, теперь вы не поверите в наши добрые намерения.

— Не поверю, — честно признался Дмитрий Олегович. Судя по всему, его намеревались закатать в бетон и отправить в какой-то водоем. Интересно, что страха он почему-то не испытывал. Ему скорее было любопытно, в каком именно водоеме его собираются утопить. Только бы не в Яузе — грязная противная река, никакого комфорта.

— А скажите, сделайте милость... — Волк кое-как спрятал под бабушкин череп свои большие уши, но вот с зубами ничего не выходило, — у вас случаем не осталось еще этого гексатала?

— Не осталось, — сообщил Дмитрий Олегович. — Была всего одна ампула. И ту вап подчиненный конфисковал, — должно быть, принял за наркотик.

— Очень жаль, — сказал седовласый мафиозо Мартин и, размахнувшись, еще разок пнул ногой лежащего экс-конвоира. — Это бы облегчило нам задачу... Теперь, вероятно, вас бесполезно уверять, что мы вас отпустим восвояси?

Курочкин промолчал.

— Ах, как глупо! — пробормотал себе под нос шеф фонда «Процветание» и выдал заковыристую матерную фразу. Сейчас он мог уже это себе позволить. — Из-за какого-то вшивого наркомана все так усложнилось... Может быть, все-таки скажете сами, куда именно спрятали на вокзале деньги? Чемоданчик ведь точно наш, без обмана, зуб даю...

Курочкин по-прежнему молчал. Он вовремя понял, что пока дипломат не попал в руки Мартину, топить в Яузе Дмитрия Олеговича не станут. По всей видимости, умный господин Фетисов уловил ход курочкинских мыслей.

— Мой секретарь Коростылев прослужил в спецназе восемь лет, — уведомил Курочкина большой друг Красной Шапочки. — Он знает много-много болевых приемов. Вы что, герой? Крепкий орешек? Хотите умереть тяжело, но достойно?

Героем Дмитрий Олегович себя не чувствовал, однако умирать ни тяжело, ни легко не хотел. А потому вновь не произнес ни слова.

Седовласый господин Фетисов скорбно нахмурился, приняв молчание за знак несогласия. Должно быть, Серый волк терпеть не мог молчаливых и несогласных Красных Шапочек. Просто не переваривал.

— Приступай! — скомандовал он Коростылеву.

Но ПРИСТУПИТЬ бывшему спецназовцу кое-что неожиданно помешало. Из-за двери вдруг послышались громкий шум, возня, что-то с резким стеклянным звоном полетело на

пол, раздалились неразборчивые крики и очень разборчивые неприятные сухие щелчки.

— В чем де... — раздраженно вскинулся хозяин апартаментов, но договорить не успел. Дверь в кабинет с треском распахнулась.

Дмитрий Олегович всегда был убежденным материалистом — профессия обязывала. Подобно саперу или вагоновожатому, фармацевт не мог себе позволить роскоши в свободное от работы время потихоньку верить в жизнь после смерти: это во многом обесмыслило бы его усилия на рабочем месте. Сегодня Курочкин уже неоднократно становился свидетелем ужасных превращений живых людей в мертвых, однако внезапное воскрешение из мертвых было и вовсе непереносимым кошмаром. Фортуна, исчерпав свой запас земных штук, принялась за сверхъестественные. «Чур меня!» — захотел вскрикнуть Дмитрий Олегович, но язык, словно замороженный лошадиной дозой новокаина, отказался повиноваться хозяину. И руки-ноги — тоже.

В отличие от Курочкина, бравый спецназовец Коростылев не испытывал пиетета к гостям из загробного мира. Мгновенно сориентировавшись, он бросился вперед, на ходу выхватывая из-за пазухи увесистый пистолет с коротким дулом и внушительного вида барабаном. По логике вещей, все пули в барабане должны были быть отлиты из серебра, но проверить это предположение никому из присутствующих не довелось. Человек из загробного мира оказался проворнее. Протарахтела короткая очередь — и бритый секретарь-референт Коростылев грузно шмякнулся на пол, прямо лицом в ковровую дорожку, в двух шагах от своего молодого коллеги, который по-прежнему блаженно агукал и пускал веселые детские слюни.

В кабинете сразу запахло порохом — совершенно нормальным, земным, ничуть не загробным и даже не ароматизированным.

— Как же так, Дима? — с упреком проговорила прекрасная Надежда, опуская ствол миниатюрного автомата, из которого только что был застрелен секретарь-референт. — Вы мне до посинения лепили горбатого, что знать не знаете Мартина, даже хоккеиста приплели какого-то... Но стоило мне на часок умереть, как вы со всех ног бросились к своему Фетисову! А ведь я вас почти полюбила...

Непослушный язык все еще не желал подчиняться Курочкину, поэтому сил пока хватило лишь на гримасу, призванную хоть отчасти заменить слова. Опытный физиономист без труда прочел бы на лице Дмитрия Олеговича целую поэму, где нашлось место и радости, и недоумению, и желанию объяснить — получше и побыстрее, — что он вовсе не лжец. Однако прекрасная Надежда и не подумала разгадывать секреты курочкинской гримасы.

— Майкл, посмотри только на эту мордашку! — засмеялась блондинка оскорбительным смехом. — Чтобы такое увидеть, ей-богу, не жалко измазать свое платье этим клюквенным сиропом... Ну, где ты там, Седло? Иди скорее!

Со стороны приемной послышался шум, а затем за спиной воскресшей Надежды объявился высокий чернобородый атлет в джинсовом комбинезоне. В одной руке он держал тупорылый пистолет, похожий на коростылевский, а в другой — жестяную пивную банку.

— Поаккуратнее там с мебелью! — искоса бросил атлет кому-то в приемной, потом небрежно чмокнул в шею прекрасную блондинку и лишь после этого разрешил себе оглядеть

Курочкина. — Забавная рожа, ты права, цыпочка, — согласился он, выдержав небольшую паузу. — Где только Мартин такого раздобыл?...

После первых же нескольких слов атлета Дмитрий Олегович догадался, что перед ним — тот самый Седло, организатор перестрелок и шеф фирмы «Мemento».

— Мартин — большой шутник, — задумчиво проговорила блондинка. — Особенно он любит шутить с кэшем...

При упоминании своего имени из-за кожаного кресла возникла седая голова, слегка растрепанная. Впрочем, хозяин апартаментов старался держаться с достоинством, как и подобает Волку-джентльмену при встрече с невоспитанными охотниками.

— Что это значит, господин Седельников? — холодно осведомился Мартин Фетисов. — Вы отдаете себе отчет...

— Отдаю, — не дал ему договорить Седло и с удовольствием приложился к пивной жестянке. — Еще как отдаю, старая ты вонючка! Из-за тебя мои фирмачи чуть меня самого через мясорубку не пропустили. А я злопа-а-амятный...

— Вы с ума сошли! Вы — ненормальный! — воскликнул директор «Процветания», уже целиком выскакивая из-за кресла. Рядом с Седельниковым он выглядел подсохшей сухой былинкой, соседствующей с молодым крепким дубком. Силы были неравны, и мертвый Коростылев уже ничем не мог защитить хозяина.

— Я-то нормальный, — сквозь зубы произнес директор «Мemento». — Это ты меня, как видно, за лоха держишь... Кого вздумал наколоть?

Тонко прогудел телефонный зуммер. Господин Фетисов чисто автоматически сделал шаг к аппарату на столе.

— Э, нет, — сказал Седло и, оказавшись у стола раньше, сбросил аппарат на пол и с видимым удовольствием его раздавил. Зуммер поперхнулся и пропал.

— Постойте, но это же война! — выдохнул Фетисов, глядя на обломки телефона. Раскуроченный новенький аппарат, похоже, взволновал его больше, чем пристреленный референт.

— Война, — подтвердил Седло. — Но не я ее начал, а ты! Я о твоих приемчиках сволочных уже наслышан. Это ведь твои кокнули сегодня нашего курьера. Это ведь ты подослал ко мне этого придурка с дипломатом... — Джинсовый атлет мотнул головой в сторону приклеившегося к полу Курочкина. — Думал, поверю этой туфте?

Злость оказалась для хозяина кабинета сильнее страха.

— Нет, это ты прикончил нашего курьера! — воскликнул он и погрозил Седельникову своим старческим кулачком. — Ты устроил потом побоище, а баксы в чемодане отдал на хранение своему таракану... — Теперь уже Фетисов мотнул седой головкой в сторону Курочкина. — Только мы его выследили и доставили сюда...

— Что ты мне гонишь! — повысил голос Седло. — Это твой придурок!

— Ты сам гонишь! — заорал Мартин. — Это твой таракан!

— Твой!

— Нет, твой!

Оба спорщика — вооруженный и безоружный — неожиданно примолкли, уставились на Дмитрия Олеговича и начали очень внимательно его рассматривать, как будто до последней секунды он был в кабинете чем-то вроде вешалки или мягкой мебели и вдруг стал подавать признаки жизни.

— Ты все-таки чей будешь, дядя? — после пятисекундного замешательства спросил у

Курочкина шеф фирмы «Мементо».

— Вот именно — чей? — поддакнул шеф фонда «Процветание». — А, сынок?

Немота отпустила Дмитрия Олеговича. Произошло это так внезапно, что он сказал первое, пришедшее ему на язык.

— СВОЙ.

И тут же поспешно поправился:

— Вернее, ничей.

Господин Седло и господин Фетисов дружно принялись ощупывать Курочкина озабоченными взглядами: один сверху вниз, другой снизу вверх.

— Возможно, ФСБ, — проронил задумчиво седовласый Волк-Мартин. — Генерал Голубев, не к ночи будь помянут, давно уже подбирается к нашему фонду.

— Похоже на МВД, — не согласился с Серым волком джинсовый атлет. — Я так и чувствовал, что полковник Аникеев, эта жирная ментовская свинья, под меня копает...

— Вряд ли менты, — пожевал губами Мартин. — Не знаю уж, как ваш полковник, но вот генерал-то на провокациях руку набил.

— Не скажи, — отозвался Седло. — У полковника руки длинные. Помню, когда мы еще перебрасывали цистерны с «Шанелью» из Будапешта в Тамбов...

Директора «Мементо» и «Процветания» в очередной раз подвергли личность Курочкина вдумчивому изучению.

— Ну, и кто же тебя к нам пристроил? — полюбопытствовал Седельников, обращаясь к Дмитрию Олеговичу. — Аникеев или этот его Голубев? Скажи-ка, дядя, ведь не даром...

— Видите ли... — забормотал Курочкин, уstraшенный новыми внезапными, подозрениями двух директоров. — Я, по правде говоря...

Неожиданно ему на помощь пришла прекрасная блондинка, которая долгое время тактично не вмешивалась в мужской разговор.

— Так он вам и скажет! — фыркнула она. — Тот еще темнила. Сейчас он будет полчаса кряхтеть и жаться, а потом, так и быть, признается, что фамилию Аникеев слышит впервые, а Голубев — это, мол, его бывший школьный учитель по физике...

Господин Седло согласно кивнул своей прекрасной спутнице.

— Под придурка работает, — отметил он. — Я же говорю. Герой невидимого фронта. Даже жалко такого в расход.

— Жалко не жалко, а придется, — по-стариковски рассудительно проговорил седовласый Фетисов. — Пусть только сперва баксы отдаст, а потом уж сколько угодно рапортует господу богу...

— Подождите! — с отчаянием выкрикнул Курочкин, чувствуя, что судьба его уже решена. И не в его пользу. — Дайте же и мне сказать.

— Правда, помолчите, дайте человеку сказать, — поддержала этот порыв белокурая Надежда. — Даже на суде положено последнее слово.

В кабинете установилась относительная тишина. Только одурманенный гексаталом юноша на полу время от времени нарушал эту тишину тихим младенческим агуканьем.

— Вы, конечно, мне опять не поверите, — безнадежным тоном произнес Дмитрий Олегович, — но только я все равно не герой никакого фронта. Я фармацевт. Фар-ма-цевт, понимаете? Мы должны были сегодня идти на серебряную свадьбу к Терехиным. Жена Валентина послала меня в овощной за яблоками. По дороге из магазина я...

— ...случайно зашел в подворотню, — хором, но независимо друг от друга продолжили

Седельников, Фетисов и прекрасная блондинка. — Случайно нашел чемоданчик...

Тут вся троица одновременно замолчала и с каким-то новым жадным интересом стала разглядывать свою будущую жертву. Курочкин даже решил, что они вдруг обнаружили у него какой-то смешной беспорядок в одежде. Например, расстегнутую пуговицу там, где это категорически противопоказано. Дмитрий Олегович судорожным жестом проверил все пуговицы: нет, все на месте.

— Да нет, этого не может быть, — неуверенно сказал седовласый волчара Фетисов. — Таких фантастических лохов на свете уже не бывает. Но если этой действительно лох...

— ...То это настоящее чудо природы, — нежным голосом завершила фразу Надежда, блондинка неземной красоты. — Ископаемое. Милый Дима-динозаврик, последний из края непуганых идиотов... А мы-то все гадали: на кого же он работает, такой секретный?

— Не-ве-ро-ят-но, — по слогам выговорил господин Седло. — Так проколоться на лохе! Компаньонам рассказать — так не поверят. Это ж надо! Полдня таскать с собой две с половиной сотни кусков — и не потратить ни единого бакса, даже на мороженое в стаканчике...

— Ангелы не едят мороженого, — объяснила своему шефу блондинка. — Они амброзией питаются. Это ему на небе и так гарантировано бесплатно.

Прекрасная Надежда сощурилась и сделала шаг вперед, как будто уже прикидывала, как на Курочкине будут смотреться ангельские крылья.

При этом она, сама не замечая, наступила на руку распростертого на полу слюнявого экс-конвоира.

Тут же обнаружилось, что насчет сорокаминутного беспамьяства Дмитрий Олегович несколько преувеличил. Из-за неудобства агукающий юноша раньше времени пришел в себя — еще не настолько, чтобы самостоятельно подняться с полу, однако уже настолько, чтобы заметить в непосредственной близости от своего лица великолепную женскую ножку, которую чисто рефлекторно моментально облапил свободной ладонью.

Прекрасная блондинка от неожиданности громко взвизгнула. Миниатюрный автомат забился в ее руке, послав длинную очередь куда-то в глубь фетисовских апартаментов. Первые пули достались парадному портрету допотопного джентльмена, похожего на Мартина. Последние — самому ошарашенному господину Мартину, и он даже не успел сообразить, что погибает из-за шуточки богини невезения. Очередь почти в упор отшвырнула невезучего Фетисова в его удобное кресло, которое ласково приняло хозяина кабинета в свои кожаные объятия.

Комнату вновь наполнила пороховая гарь.

— Мартин-то, кажется, спекся, — без особого сожаления сказал джинсовый атлет Седло. — Поаккуратнее, Надь, с оружием. Это узи, а не охотничья берданка.

Прекрасная Надежда виновато потупилась:

— Не рассчитала, Майкл. Спуск очень легкий, и я не думала совсем... — Смерть Фетисова, судя по всему, не очень ее взволновала. Несчастный случай на вредном производстве, только и всего.

Джинсовый Седельников озабоченно посмотрел на часы.

— Пора сваливать отсюда, — заявил он. — Мы и так здесь нашумели, надымили кругом...

— Пора, — согласилась с ним блондинка. — Только пусть сперва наш ангельчик скажет, где доллары. Раз Мартин скончался, деньги по праву наши.

Седло мигом наставил на Дмитрия Олеговича свой тупорылый пистолет.

— Где кэш? — спросил он. — Считаю до трех... Как тебя там, Курочкин, что ли? На счет три будешь не Курочкин, а цыпленок жареный... Где капуста?

— Какой ты грубый, Седло, — недовольно сказала блондинка. — Ми-и-лый Дима, — с придыханием протянула она. — Не упрямытесь, скажите, где наши с вами зелененькие?...

Дмитрий Олегович сразу вспомнил, как таким точно голосом разговаривала с ним коварная блондинка, истекая клюквенным соком.

— Вы поступили гнусно, — с горечью произнес он. — Все было подстроено — и погоня, и стрельба...

— Дурашка, — засмеялась вероломная (но все равно прекрасная) Надежда. — Вы все-таки лох первостатейный, Дима. Умирать — это моя бывшая профессия. На «Мосфильме» я умирала раз сто за сущие копейки, пока мой дорогой Майкл не взял меня к себе в «Мементо» секретарем... Ну-ка, Дима, не надо кукситься. Я ведь жива, разве плохо? Ответьте-ка мне побыстрее, где чемоданчик? Видите, дядя Майкл с пушкой уже сердится. Возьмет да и выстрелит, а?

Седло и в самом деле уже нетерпеливо поигрывал пистолетом, поглядывая на Курочкина. Он уже успел допить свое пиво и смял жестянку гармошкой.

— Одного я не понимаю, — сказал Дмитрий Олегович, стараясь не смотреть на пистолет. — Если вам так нужны были эти деньги, почему же вы их не забрали сразу? Я ведь с самого начала вам их отдавал!

— Мой начальник — человек азартный, — с готовностью объяснила блондинка. — Я же вам еще тогда намекала, только вы не поняли. Очень ему хотелось докопаться, кто и зачем вас послал и куда вы побежите в случае чего. Он уж давно грешил на покойника, на Фетисова. Когда я поняла, что так вас не раскусить, мне и пришлось немножко погибнуть... Ну же, Буратинка, где вы спрятали пять золотых?

Курочкин не ответил, надеясь чуть-чуть потянуть время. Не может быть, чтобы выстрелы не услышал хоть кто-нибудь на улице. А улица, как верно заметил ныне покойный Мартин, полна неожиданностей.

Господин Седло еще более нетерпеливо бросил взгляд на часы.

— По-моему, мы теряем время, — произнес он. — Лох есть лох. Он нам будет сейчас играть в Зою Космодемьянскую, но правды не скажет. Пока кончат с ним и уматывать. Кроме как в камере хранения на Павелецком он нигде не мог бы дипломат оставить. Там всего сейчас штук двести исправных боксов. За полкуска они нам откроют любую ячейку, на выбор...

Блондинка развела руками.

— Прощайте, Дима, — улыбнулась она. — Знаете, вы были очень забавный. И весь такой порядочный. Такие долго не живут, имейте в виду. Жаль, что у вас не будет времени исправиться, я бы поучила вас жить...

— Вредная ты, Надька, — нравоучительно заметил Седло, поднимая пистолет. — Просто змея подколодная. Человеку на тот свет, а ты ему душу травишь.

— Вовсе я не вредная, — обиженно ответила блондинка. — Я ему, можно сказать, вместо священника. Он заслужил самое...

Прощальную блондинкину тираду прервал какой-то шум из приемной. Там в очередной раз что-то со звоном упало, послушались уже знакомые щелчки и приглушенные вопли.

— Они там что, напились? — сердито начал Седло. — Я же им велел — потише!..

Он повернулся лицом к дверям в кабинет, которые, как по волшебству, сами распахнулись перед ним и ошетинились стволами.

— Только пошевелись, Седло, — сказали в дверях. — Только двинься хоть на миллиметр. Я просто мечтаю сделать в тебе дырку.

Господин Седельников застыл на месте, повинувшись приказу.

— Легко на помине, полковник, — с отвращением проговорил он. — Хорошо, сдаюсь, ты сегодня главное.

— Я всегда буду главное тебя, Седло, — почти добродушно осадил директора фирмы «Мементо» толстяк в милицейском мундире. — Потому что я — закон, а ты — бандит. Значит, победа будет за мной...

Из-за плеча толстого полковника между тем выглядывала не победа, а очень знакомый тип в штатском. Курочкин мог поклясться, что сегодня он уже этого человека где-то видел — только тогда тип был в форме... Ну, конечно же! За полковничьей спиной аккуратно маячил тот самый постовой с Павелецкой площади, который еще не так давно караулил запертый подземный переход через дорогу и ловил нарушителей. Лжепостовой по глазам Курочкина догадался, что тот его узнал, и еле заметно ему кивнул: мол, работа у нас такая, привыкай.

— Попрошу без оскорблений, — скривился Седло. — Бандит я или честный человек — доказывать не тебе, полкаш, а суду. Самому гуманному суду в мире, между прочим. И на нашу фирму у тебя, Аникеев, ничего нет и быть не может...

— Да на кой мне сдалась твоя фирма? — усмехнулся милицейский полковник Аникеев. — Я тебя и без фирмы подловил на таком букете! У тебя там в приемной двое с тяжкими телесными повреждениями, правильно? И здесь три тепленьких трупа... — Полковник окинул взором поле брани. Валяющийся на полу экс-конвоир Курочкина уже окончательно пришел в себя, однако предпочел пока лишь слабо агукнуть. Ровно настолько, чтобы его не приняли за труп.

— Двое, а не трое убитых, товарищ полковник, — уточнил из-за аникеевской спины штатский лжепостовой. — Один, я смотрю, еще шевелится.

— Ну, двое, — не стал спорить милицейский толстяк со штатским. — Нашему коллеге из ФСБ виднее. Но количество жмуриков не играет значения. Главное, ты попался с оружием в руках... Может быть, вы хотите оказать сопротивление? — с надеждой поинтересовался Аникеев у Седельникова и блондинки. — Ну, там выстрелить в меня или совершить попытку к бегству. А? Попытайся, Седло, вдруг дом не окружен?

— Как же, не окружен, — желчно отозвался Седло и без колебаний расстался с пистолетом, выпустив его, из пальцев. С лязгающим металлическим звуком оружие коснулось пола. Через мгновение рядом шмякнулся автоматик прекрасной Надежды.

— Умный ты мальчик, — с оттенком сожаления произнес полковник Аникеев. — Но бойкий чересчур. Мы ведь даже не рассчитывали, что ты сразу бросишься потрошить Мартина. Раньше ты все-таки сперва думал, а потом стрелял...

Толстый полковник извлек из кармана прозрачный полиэтиленовый мешочек, с криканием нагнувшись, поднял двумя пальцами седельниковский пистолет, упаковал его в

мешочек, а затем упрятал сверток в планшет. Лжепостовой из ФСБ с видом опытного грибника подобрал с полу оружие Надежды и Коростылева и тоже усердно принялся расфасовывать находки по отдельным пакетам.

— Напрасно стараетесь, — вновь подал голос Седельников, внимательно понаблюдав за оружейной упаковкой. — «Магнум» с моими пальчиками — чистый, не придеретесь. А кто примочил Мартина и его пса, я, знаете ли, не запомнил. Может быть, она, — Седло показал на блондинку. — Может быть, вон он, — тот же жест в сторону Курочкина.

Курочкин вздрогнул: этого ему еще не хватало!

— Впрочем, нет, припоминаю, — с ленцой продолжил шеф фирмы «Мементо». — Точно. Этот псих, — Седло еще раз показал на Дмитрия Олеговича, — выхватил узи и расстрелял обоих. А секретарша моя потом по глупости узи и подобрала... Верно, деточка?

Вероломная блондинка, как по команде, залилась очень натуральными слезами.

— Так все и было, Михаил Викторович, — сквозь плач призналась она. — Настоящий киллер, ах... — Поток слез все еще не прекращался. В бывшей каскадерше с «Мосфильма» умирала большая актриса.

Дмитрий Олегович почувствовал себя полностью уничтоженным. Он вдруг с ужасом представил себе, что сейчас полковник Аникеев и эфэсбэшник запросто примут сторону блондинки. Да и как можно усомниться в такой трогательной беззащитности?...

Однако и полковник, и лжепостовой оказались людьми из железа и камня. Горючие слезы прекрасной Надежды ничуть их не разжалобили.

— Комиссаржевская, — сказал невозмутимый Аникеев. — Алиса Фрейндлих. В лагерной самодеятельности будешь играть Дездемону... Между прочим, Седло, — деловито прибавил он, уже обращаясь к директору «Мементо», — хорошо, что напомнил. Мы на вас повесим, кроме убийства, еще и киднэппинг. Взяли и похитили постороннего человека...

— Постороннего, еще как постороннего! — воспрянул духом Дмитрий Олегович. — Шел по улице, заглянул в подворо...

— Да заткнись ты, козел! — грубо прервал его Седельников на полуслове. — Еще раз вякнешь про яблоки и про магазин, и я точно возьму грех на душу. Слышать уже не могу эту твою бодягу.

— А вы мне не указывайте! — дерзко сказал Курочкин. — Товарищу полковнику, может, интересно узнать, с чего все началось. Давайте, я сейчас все заново расскажу, прямо с овощного магазина...

С чувством глубокого удовлетворения Дмитрий Олегович заметил проступающую на лице господина Седло смертельную тоску.

— Я непременно вас заслушаю, — заверил толстяк Аникеев. — Вы мне все расскажете по дороге домой. Я вас даже лично отвезу на своей машине как потерпевшего. А все бумажки оформим завтра. Не возражаете?

Курочкин изо всех сил закивал. Лучшего выхода и представить себе нельзя. Если его доставят домой в качестве потерпевшего, то половина возможных претензий Валентины ликвидируются сами собой. Киднэппинг — красивое слово. Когда человека похищают, он вполне может обронить пакет с яблоками...

Пока Курочкин репетировал про себя самооправдательный монолог для Валентины, комнату заполнили пятнистые спецназовцы, люди в штатском и в белых халатах. Люди в халатах стали вытаскивать на носилках покойников и слегка одуревшего от дозы гексатала шмыгающего юношу. Экс-конвоир дико озирался по сторонам, пытаюсь вспомнить, как он

сюда попал и почему его хозяина, укладывая на носилки, накрывают с головой простыней: суперсыворотка правды вдобавок еще и отбивала память. «Нет, все-таки правильно этот препарат не запустили в серию», — чисто автоматически подумал вдруг Дмитрий Олегович, провожая глазами носилки. Он порадовался мысленно, что — несмотря на ужасные приключения сегодняшнего дня — в нем не умер профессионал-фармацевт.

Вслед за санитарями с носилками кабинет покойного Мартина покинули Седло и Надежда в сопровождении пятнистых с автоматами и двух штатских. В дверях кабинета прекрасная блондинка обернулась к Курочкину и нежно прошептала: «Пока, Дима».

— Пока, — еле слышно прошептал в ответ Курочкин. Ласковость в голосе блондинки была, без сомнения, фальшивой, однако Дмитрий Олегович, следя, как уводят Надежду, ощутил непонятную грусть. Из всех обманов, с которыми Курочкину довелось сталкиваться за всю жизнь, этот был самым возвышающим. Никогда больше такая красавица не назовет его ШЕФОМ и не попросит, чтобы он, Дмитрий Курочкин, ее приручил. И такого завораживающего «Ди-и-ма» ему не услышать. Учитывая, что на работе его зовут по имени-отчеству, а дома Валентина — изредка Дмитрием, но чаще обалдуем.

Через некоторое время в апартаментах покойного Мартина не осталось никого, кроме толстого милицейского полковника, штатского эфэсбэшника, самого Курочкина да еще простреленного портрета над столом. Аникеев о чем-то пошептался с ненастоящим постовым, а затем удовлетворенно сказал Дмитрию Олеговичу:

— Поехали! Смежники сами наведут марафет, без нас...

У входа в особняк фонда «Процветание» стояло, сгрудившись, несколько разнокалиберных машин — легковых, микроавтобусов и даже одна небольшая платформа с раздвижной лесенкой (видимо, не исключалось, что придется штурмовать резиденцию господина Фетисова сразу со второго этажа, но все обошлось). Из всех автомобилей полковник Аникеев выбрал самый длинный и самый роскошный и гостеприимно распахнул перед Курочкиным черную блестящую дверцу.

— Вам куда? — полюбопытствовал полковник, лично садясь за руль.

Дмитрий Олегович назвал улицу и номер дома.

— Не так уж далеко, — оценил расстояние толстый Аникеев, заводя мотор. — Но только придется сделать небольшой крюк: в центре опять заторы, даже мы с мигалками пробились сюда с трудом. Как вы смотрите на то, чтобы проехаться по набережной?

— Я — за, — умиротворенно ответил Курочкин. Сейчас он готов был в чем угодно соглашаться со своим милицейским спасителем. Если бы тот предложил рвануть в объезд через Тулу или Калугу — он бы и с этим не стал спорить. Начальство большое, ему виднее.

— Значит, по набережной, — повторил полковник, бережно протискивая свое великолепное авто сквозь узкое горлышко Трубниковского переулка, мимо плотного ряда припаркованных у обочины машин. — Так и порулим... Если наши братцы-кавказцы еще не запрудили всю набережную своими фруктовыми грузовиками... — недовольно присовокупил Аникеев.

При упоминании о кавказцах Курочкин сразу вспомнил выкинутого из участка беднягу Автандила, но промолчал. Кажется, нелюбовь к южным гостям — теперь такая же неотъемлемая принадлежность сотрудника внутренних органов, как наручники, дубинка, планшет или рация. Независимо от звания.

— Вы, по-моему, хотели что-то рассказать... — Голос полковника вовремя отвлек Дмитрия Олеговича от кавказских мыслей.

— Хотел! — обрадовался Курочкин и с чувством, с толком принялся излагать историю, начавшуюся походом в магазин и завершившуюся в особняке мертвого господина Фетисова. Это был уже третий или даже четвертый раз, а потому речь Дмитрия Олеговича лилась плавно и гладко, почти без пауз и повторов. Еще пару таких заходов, и эпопея Курочкина и вовсе отольется в готовый сюжет для детектива — бери и переноси на бумагу. Правда, ни один детектив сегодня не обходится без супермена, так положено. Супермен ли Дмитрий Олегович? Крайне сомнительно. Скорее уж на эту должность мог претендовать джинсовый атлет Седло, но никак не Курочкин...

— Нечто подобное мы и предполагали, — объявил милицейский полковник, выслушав до конца эпопею. — Мы давно наблюдаем за «Мemento», и поэтому вы сегодня тоже попали в наше поле зрения. Правда, и мы, и ФСБ вас дважды теряли. Первый раз — когда девчонка увезла вас на «Жигулях», а второй раз — уже недавно, на Павелецком. Какой-то раздолбай-патрульный чуть не испортил нам игру...

Курочкин тотчас же догадался, что полковник имеет в виду бдительного Мымрецова, затеявшего на Павелецком проверку документов.

— Мы его, конечно, выперли с вокзала, — досадливо продолжил Аникеев, — но пока возились, вас уже подхватили люди Фетисова. Хорошо еще, мы догадались, куда вас могут отвезти...

— Спасибо вам огромное, — с жаром произнес Дмитрий Олегович. — Вы меня спасли от смерти!

Эти благодарственные слова, сказанные Курочкиным, почему-то смутили толстяка Аникеева — как будто Дмитрий Олегович, оговорившись, назвал того не полковником, а генерал-полковником. Аникеев закашлялся, покраснел и только пробурчал себе под нос:

— От смерти... Ну уж не преувеличивайте, бога ради...

Курочкин понял, что милицейский полковник еще и необычайно скромн, и из деликатности не стал развивать далее эту щекотливую тему. Они уже въезжали на Шлюзовую набережную Москвы-реки, где действительно было не протолкнуться от крытых грузовиков и трейлеров. В воздухе стоял сладкий фруктовый запах, напоминая Дмитрию Олеговичу о предстоящих объяснениях с Валентиной по возвращении домой.

— Давайте немного прогуляемся, — внезапно предложил Аникеев, припарковывая лимузин между двух трейлеров, — и заодно обсудим один интересный вопрос. На свежем воздухе.

— Согласен, — ответил Курочкин, не очень, правда, понимая, для чего интересные вопросы надо обсуждать на воздухе, а не в машине. Наверное, полковнику просто стало жарко в салоне, и он решил немного размяться. Дмитрий Олегович и сам был рад невольной задержке, хотя и понимал: потерпевший он сегодня или нет, но разговор с супругой ему обязательно предстоит, и нелегкий.

Они с полковником прошли сквозь строй фруктовых трейлеров и вышли на пустынный пятачок: с трех сторон высились борта грузовиков, а с четвертой за легким парашютом голубела река. Вокруг не было ни души.

— Какой же вопрос мы будем обсуждать? — осведомился Курочкин.

— Финансовый, — вздохнул полковник. Дмитрий Олегович хлопнул себя по лбу.

— Балда я, — виновато проговорил он. — Самого важного я вам так и не сказал. Чемоданчик! Он...

— Одну минутку, — прервал Курочкина полковник Аникеев — Дайте я сам попробую

угадать, где он... В автоматической камере хранения?

— Нет, что вы! — откликнулся Дмитрий Олегович. — У меня ведь денег своих не было. Я нашел ему другое надежное место. Надежное в течение всего дня... — И Курочкин рассказал Аникееву, КУДА он спрятал дипломат.

— Не может быть, — прошептал полковник. — Но ведь это же так рискованно! Портфель с четвертью миллиона зеленых — вместо подушки вокзального бомжа! А если этот Филин проснется?

— Не проснется, — заверил Курочкин. — У него — ночной образ жизни, и сон очень крепкий, я проверял... Зато скажите: кому придет в голову копаться в пожитках грязного бомжа?

— Пожалуй, никому, — признал Аникеев. — Да-а, интересно. И, главное, неожиданно. А я уже чуть не отдал приказ все боксы на вокзале проверять. Вы нас здорово выручили, спасибо.

— Не стоит благодарности, — скромно ответил Дмитрий Олегович. — Каждый на моем месте поступил бы так же...

Полковник крикнул.

— Не думаю, — серьезно сказал он. — Не каждый. Ох, не каждый... Это дело надс перекурить. Подождите пару минут, я схожу за сигаретами...

Курочкин кивнул, отвернулся к парапету и стал смотреть на реку. Где-то далеко, за Новоспасским мостом по реке полз маленький игрушечный теплоходик. Виден был только его белый силуэт, а все звуки гасил шум реки. Или нет?... Дмитрий Олегович напряг слух и неожиданно услышал за спиной тихие-тихие непонятные звуки. Он с любопытством обернулся и обомлел.

Ни за какими сигаретами полковник Аникеев не пошел. Он стоял позади и сосредоточенно прилаживал к тупорылому пистолету, ранее принадлежавшему господину Седельникову, уродливый глушитель.

— Что это вы делаете? — воскликнул Курочкин.

— А то не видите! — раздосадованно ответил толстый милицейский полковник, докручивая свой глушитель. Рукоятка пистолета была предусмотрительно обмотана целлофановым пакетом. — Стояли бы, как и стояли, любовались бы речными видами и ничего бы не почувствовали. Пфф — и все. Вам хорошо, и мне спокойно. Думаете, приятно пулять в безоружного, когда он на тебя смотрит?...

Курочкин немедля решил, что теперь ни за что на свете не повернется к чувствительному милиционеру затылком.

— Я ведь даже специально не стал спрашивать, как вас зовут, — обиженным тоном продолжал Аникеев. — Одно дело — покойник с фамилией, именем, отчеством и безутешными родственниками, и совсем другое — одинокий неопознанный труп в реке с огнестрельным ранением головы. На душе, знаете, не так мерзопакостно...

— Курочкин, — поспешно представился Дмитрий Олегович, совсем не желая быть одиноким и вдобавок неопознанным трупом. — А зовут меня Дмитрием Олеговичем. Моя супруга называет меня...

— Ну, это подлость с вашей стороны! — с упреком перебил его толстяк Аникеев. — Значит, теперь я вас пристрелю, и вы же мне будете по ночам являться вместе с вашими паспортными данными... Курочкин, надо же! Такую фамилию, как ваша, и нарочно не позабудешь...

— А вы не могли бы меня... того... не пристреливать? — осторожно спросил Дмитрий Олегович. — Что я вам такого сделал?

— Да ничего плохого вы мне лично не сделали, — вздохнул полковник. — Так все совпало по-идиотски. Чертов Седло-то был прав, когда говорил, что магнум его чистый и по-серьезному ничего у меня на него нет. Так, на пару лет по совокупности. Но вот теперь — будет на десятку. Бандит ведь должен сидеть в тюрьме, так справедливо...

Курочкин торопливо осмыслил слова, сказанные Аникеевым.

— Выходит, вы меня убиваете просто потому, что хотите посадить бандита в тюрьму? — недоверчиво переспросил он. — Бред какой-то...

Полковник потупился. Затем поднял глаза.

— Если честно, не только поэтому, — признался он и начал прицеливаться. — Но какая вам разница?... Может, все-таки отвернетесь, а? Виды здесь и правда замечательные. Глядите, во-он птичка пролетела!..

Дмитрий Олегович не поддался на такую простую уловку Аникеева.

— Раз уж я умираю тут, — твердо заявил он, стараясь унять сердцебиение, — я желаю хотя бы узнать, за что.

— Вы умираете с пользой для общества, — скороговоркой ответил Аникеев, — вы попадете в рай, ваша жертва не напрасна... Довольны, наконец? Ну, отвернитесь, будьте человеком! Я же милицейский работник, а не палач!..

— Не отвернусь, — упрямо сказал Курочкин, — пока не ответите, за что меня так. Я имею право узнать!..

Несколько мгновений полковник Аникеев держал под прицелом вспотевший разом лоб Дмитрия Олеговича, но потом все же отвел дуло.

— Были бы вы киллером, да при оружии, — с оттенком какой-то несбыточной надежды пробормотал он, — давно бы вас шлепнул, без церемоний... Ладно, так и быть, скажу. Только если вы надеетесь выиграть время, то можете выкинуть это из головы. Днем здесь никого не бывает, кроме сторожа, а он — далеко... На рынках сейчас все торгуют, русский рупь зашибают... Поняли?

— Ага, — ответил Курочкин и с радостью увидел, как толстый полковник опустил к земле смертоносное дуло. Похоже, Аникеев совсем не опасался, что Дмитрий Олегович сейчас набросится на него и попытается оказать сопротивление. И правильно, кстати, не опасался.

— Вы случайно не знакомы со статистикой МВД за позапрошлый год? — начал полковник с неожиданного вопроса.

Курочкин удивленно замотал головой.

— Ах, верно, — спохватился Аникеев, — она пока засекречена. Но вам, конечно, я могу сказать. Два года назад было зафиксировано рекордное число самоубийств среди личного состава правоохранительных органов. Четыреста случаев только за одиннадцать месяцев! Эти умники из статотдела даже вывели причины, из-за которых, мол, все и случилось. Главное тут, дескать, — эффект безвыходности. Представьте себе рядового оперативника: утром он задерживает с поличным какого-нибудь Седло, а вечером эту сволочь уже

отпускают. Под залог или из-за недостатка улик. Хотя у подлеца на лбу написано: рэкетир и международный бандит, по которому Интерпол горько плачет. А формально — чистый младенец...

И так каждый день. Что ни делаешь, все впустую. Утром — в камеру, вечером уже гуляет да еще посмеивается. Сотни преступников проходят сквозь пальцы, оседает же в камерах только всякая шваль и рвань... Конечно, наш оперативник однажды приходит к выводу о бессмысленности всей своей работы. А дома, между прочим, жена и дети. А зарплаты, между прочим, — что кот наплакал, ниже низкого. Вот и приходит однажды в голову мысль: все к чертям и дуло — к виску.

Полковник Аникеев остановился и перевел дыхание, машинально косясь на дуло. Видно, он уже здорово влез в шкуру среднестатистического бедняги-оперативника. Или, может, скорбные мысли о самоубийстве когда-то посещали и его.

— Я уж не говорю про парк машин, — отдышавшись, проговорил полковник. — Какая рухлядь была у милиции еще два года назад, вы и сами знаете. Пока ты в Химках «Яву» заведешь — преступник на «Харлее» уже где-нибудь в Чертаново...

Дмитрий Олегович уже вполне проникся полковничьей грустью, но тем не менее был не в силах понять, почему из-за статистики двухлетней давности, пусть и самой секретной, он, Курочкин, должен принимать смерть.

— Все это печально, — согласился он. — Но теперь-то все как будто наладилось... — Дмитрий Олегович сразу припомнил блестящие новенькие «Форды», которые выстроились у милицейского участка на Летниковской.

— В том-то и суть! — повеселевшим голосом отозвался Аникеев. — Вижу, вы правильно улавливаете. Сдвиги колоссальные. За девять месяцев текущего года — ни одного самоубийства среди личного состава и минимум аварий. И преступность, обратите внимание, здорово снизилась.

— Рад за вас, — сказал Курочкин, — но...

— Никаких «но», — оборвал его полковник. — Снизилась, объективный факт. Можете мне поверить. И все без копейки лишних денег из бюджета... Ну, вот я вам почти все и объяснил. Посмотрите теперь на реку, сделайте милость. Ваша гибель поможет правосудию... Только гляньте, как солнце играет в воде... О, рыбка плеснула!

Курочкин вновь не поддался на провокацию.

— Ничего вы мне не объяснили, — непреклонно произнес он. — Нравится вам — стреляйте так.

Аникеев вздохнул.

— Вы меня шантажируете, — с обидой заметил он. — Вы расчетливо играете на моих маленьких слабостях. Ладно уж, если вам так хочется дойти до самой сути — давайте дойдем. Но потом я буду беспощаден.

— Давайте, — проговорил Дмитрий Олегович. — Я согласен. Где же разгадка?

— Все так просто, — сказал полковник. — Мы перешли на внебюджетное финансирование.

Курочкин отчаянно затряс головой. Слова были из профессионального лексикона Валентины, который он, хоть убей, не понимал. И возможности уточнить у жены ему, по всей вероятности, уже не представится.

— Нельзя ли еще проще? — жалобно попросил он. — По-русски. Куда вы перешли? На что перешли?

— По-русски это звучит гораздо скучнее, — признался полковник. — Ну, пусть будет по-вашему... Короче говоря, мы теперь изымаем средства у наших подопечных.

Дмитрий Олегович почувствовал, как у него медленно отвисает челюсть, и еле-еле смог вернуть ее в прежнее состояние.

— С ума сойти, — прошептал он. — То есть теперь вы просто воруете у воров, грабите грабителей и рэкетируете рэкет?...

— Это очень грубо, — поморщился Аникеев. — Суть вы уловили, но выражаетесь грубо. Внебюджетное финансирование нам нравится куда больше. Кроме того, мы стараемся работать аккуратно — это дает наилучший эффект... Ну, например... — Полковник пощелкал пальцами. — Ну, допустим... Возьмите даже это ваше дело, хоть это не самый удачный пример. Через своих информаторов мы узнаем, что сегодня в таком-то часу фирма «Мементо» через посредника должна вернуть кэш фонду «Процветание». И на фирме, и на фонде клейма, естественно, ставить некуда. Мы тихо убираем фетисовского курьера и заменяем его своим человеком. В назначенный час именно ОН говорит пароль и получает деньги. Наше ведомство обогащается на четверть миллиона баксов, которые налогом не облагаются. Этого мало. Теперь Седло убежден, что он расплатился с Фетисовым. В свою очередь, Фетисов уверен, что Седло его пробросил. Конфликт, потом разборка. Кто-то валит кого-то, нам без разницы. Оставшегося забираем либо мы, либо смежники. Все чисто и красиво... Курочкин покачал головой:

— На деле все получилось и не чисто, и не красиво.

— Да-а, вышла промашка, — согласился полковник Аникеев. — Идиотское совпадение, как в плохом фильме. Седельниковский курьер узнал нашего опера. Оказывается, тот его как раз брал в девяносто втором; мы уже потом по документам выяснили, да поздно. Давние дела, черт бы их. А потом уж...

— А потом появился я, — печально продолжил Курочкин.

— Именно так, — согласился полковник. — И все невероятно запутали... Ну, какого хрена вам понадобилось лезть в эту подворотню!

— Я же вам рассказывал, — Курочкина пронзила мысль, что сейчас придется излагать свою эпопею в пятый раз. — Когда я выронил пакет с яблоками...

— Помню, — не дал ему договорить Аникеев. — Яблочек вам захотелось. Я бы вам дал мешок этих яблок, лишь бы вы никуда не совались. Центнер, тонну яблок! Я бы ими завалил вас с ног до головы... Из-за вашей самодеятельности мы ведь тоже в первый момент решили, будто в деле возник кто-то третий со своей отдельной игрой; даже со смежниками чуть не полаялись. А затем еще парни Седельникова для чего-то наехали на контору на Зацепском валу... Вы не знаете, кстати, зачем?

— Догадываюсь, — ответил Дмитрий Олегович. — Я там у дверей случайно назначил место встречи, дипломат хотел передать. Но опоздал.

— Мы потом примерно так и подумали, — Аникеев свободной от пистолета рукой почесал переносицу, — но сначала ОЧЕНЬ удивились... Вам везет на случайности. Вы хоть знаете, что за крыша у той конторы?

— Я не рассмотрел, — проговорил Курочкин, пожимая плечами. — По-моему, самая обычная, металлическая. — Разве это так важно?

Полковник вдруг ухмыльнулся, словно услышал от собеседника нечто остроумное.

— Для ВАС, — выделил он, — это действительно абсолютно неважно. В нашей жизни вы вообще застряли по недоразумению. — С этими словами толстяк Аникеев вновь поднял

дуло на уровень курочкинского лба. — Хватит, я свое слово сдержал, держите и вы свое... Что вы на меня опять так смотрите? Я же вас прошу: на реку, на реку взгляните, такая вода зеленая, успокоит напоследок...

Дмитрий Олегович между тем глядел вовсе не на полковника, а мимо него. Грузовик прямо за аникеевской спиной неожиданно оказался самосвалом, который внезапно пожелал расстаться со своим грузом.

И сделал это быстро.

Армянское радио спросили: «Можно ли убить человека ватой?» Армянское радио ответило: «Можно. Если в нее завернуть кирпич...»

Этот древний анекдот мелькнул в голове Курочкина в тот самый момент, когда содержимое кузова стало стремительно обрушиваться на полковника. Одним яблоком человека, конечно же, убить было никак нельзя. А тонной? А двумя? Красно-желто-зеленая яблочная Ниагара буквально смахнула Аникеева, как букашку, через невысокий парапет прямо в реку. Сам Курочкин, едва не задетый бурным потоком, замороженно наблюдал, как из фруктового месива в воде пробилась полковничья рука, но затем сверху обрушился новый яблочный град, и через несколько секунд уже ничего, кроме разноцветных спелых фруктов, на поверхности Москвы-реки не плавало.

— Вах-вах! — раздалось виноватое восклицание. Кузов самосвала с немногочисленным остатком фруктов вернулся в горизонтальное положение, и тогда-то из кабины неуклюже выбралась знакомая фигура.

Трудно было не узнать этого человека.

— Простите, батоно Курочкин! — человек с виноватым видом приложил руки к груди. — Я стал такой старый и неловкий... Машина совсем новая, перепутал кнопки, что нажимать... Вас чуть совсем фруктом не ушиб!

— Батоно Автандил! — выдохнул ошеломленный Дмитрий Олегович. — Вы-то здесь что делаете?

— Как — что делаю? — в свою очередь удивился Автандил Цховребашвили. — Моя машина — что хочу, то и делаю. Отдыхаю, дорогой, от московской милиции. Потом смотрю в окно: батоно Курочкин здесь гуляет! А я ведь, старый осел, ему и спасибо не сказал...

— А полковник? — пробормотал Дмитрий Олегович, глядя на пеструю от мокрых яблок речную воду. — Он ведь, кажется, совсем утонул.

— Какой-такой полковник? — с недоумением переспросил Цховребашвили и через парапет принялся честно оглядывать поверхность реки. — Батоно Курочкин разве не один гулял? — Недоумение его выглядело настолько натурально, что Дмитрий Олегович не мог понять, серьезно тот говорит или нет.

— Толстый такой полковник, Аникеев, — на всякий случай решил уточнить он, — в фуражке... — Странно, но кроме толщины, звания и фуражки, других особых примет Аникеева Курочкин никак припомнить не мог. Может, толстяк и впрямь ему пригрелся вместе с его страшенькими рассказами?

Тем временем на пяточке рядом с ними незаметно материализовалось человек пять усатых кавказцев — тех самых джигитов, которые сегодня утром встречали Автандила

неподалеку от милиции и потом отвозили Курочкина на вокзал.

— Ты не видел тут полковника, Нугзар? — стал строго допрашивать усачей Цховребашвили. — А ты, Ираклий? А ты, Вахтанг? Что, и ты, Гия, тоже не заметил здесь толстого полковника в шляпе?...

Все присутствующие самозабвенно отнекивались и прикладывали руки к груди с видом полнейшей непричастности, после чего поджарый Ираклий, осмотревшись, небрежно подобрал у парапета оброненный Аникеевым тупорылый пистолет и зашвырнул его подальше в реку.

— Ни полковников, ни генералов здесь, дорогой, и близко не было, — сказал он Курочкину и слегка ему подмигнул. Самую малость.

Дмитрий Олегович сообразил, что его неожиданные спасители желали бы как можно меньше об этом спасении говорить. То ли по законам гор, то ли по правилам конспирации.

— И как же вы теперь? — все-таки не удержался он от вопроса, показывая рукой на яблочную заводь.

— Уезжаем мы теперь, батано Курочкин, — ответил за всех Автандил. — Капитан-то у нас лицензию на торговлю отобрал... Не любит он нас, дорогой. Ему лучше без фруктов, но чтобы и без нас... Хочешь, мы по дороге и у твоего дома сгрузим самосвал. Ты будешь кушать, жена будет кушать, дети будут кушать...

Дмитрий Олегович с сожалением отказался. Гора яблок у его подъезда вызвала бы у Валентины тьму подозрительных вопросов к Курочкину.

— Хоть совсем немного возьми, батано, — огорченно предложил Автандил, и Дмитрий Олегович тотчас же стал обладателем большого пакета, набитого спелыми и сочными красавцами. С таким пакетом возвращение домой выглядело бы не таким страшным.

Теперь оставалось сделать только одно, последнее, дело.

Тепло распрощавшись с Автандилом и его усатыми нукерами и пожелав им счастливого пути через все границы, Дмитрий Олегович выбрался с пяточка и по Шлюзовой набережной дошагал до Кожевнического: отсюда была прямая и короткая дорога к Павелецкому вокзалу, где Курочкин оставил кое-что ценное.

А именно — бабушкин будильник в дипломате.

Мысли о прочем содержимом дипломата вызывали у него отвращение. Он предпочитал не задумываться, как он поступит с деньгами. Он был почти уверен, что пакостливая Фортуна распорядится долларами и без него.

Это и произошло. Уже на подходе к Павелецкому Дмитрий Олегович заметил огромную пеструю толпу. Почти вся площадь перед вокзалом была запружена людьми с тюками, саквояжами, сумками и чемоданами — по виду явными пассажирами. Люди с чемоданами, столпившись на тротуаре, не предпринимали никаких попыток проникнуть в само здание и только почему-то глазели на окна второго этажа, за которыми то и дело вспыхивали и гасли бледные огоньки. Подойдя поближе, Курочкин заметил, наконец, вокруг здания цепочку пятнистых спецназовцев, которые окружили здание по периметру, стараясь при этом не подходить к нему слишком близко.

— Что там случилось? — осведомился Дмитрий. Олегович у невысокой пожилой дамы, которая, вытянув шею, вместе со всеми жадно высматривала что-то в вокзальных окнах и старалась поймать взглядом малейшее движение за стеклами.

— Бомбу нашли, — с удовлетворением отозвалась дама. — Вернее, мину. Всех эвакуировали, будут сейчас взрывать...

Некое смутное подозрение зародилось в душе у Курочкина. Он, конечно, знал, что террористы всех стран и мастей обожают подкладывать мины на вокзалах и Павелецкий в этом смысле — ничуть не хуже и не лучше прочих. Однако сегодня на долю Дмитрия Олеговича пришлось уже столько невероятных происшествий, что он вполне мог стать свидетелем еще одного рокового совпадения.

— А кто нашел бомбу? — не мешкая поинтересовался он. — Милиция?

— Милиция-милиция, — подтвердила любопытствующая дама, не выпуская окна из поля зрения. — Но сначала во-он тот поднял тревогу, — и дама указала пальцем куда-то влево. — Такой ханыга, прости господи, а бдительность проявил...

Курочкин глянул влево и увидел, что в большой и рыхлой привокзальной толпе есть и своя толпишка поменьше и поплотнее. Не без труда Дмитрию Олеговичу удалось пробиться поближе к эпицентру — и все для того, чтобы обнаружить в самой сердцевине людского скопления еще одного сегодняшнего знакомца.

Бдительный ханыга, нашедший мину, чувствовал себя именинником. Его опухшее со сна лицо выражало восторг и какие-то детское удивление одновременно. Если у вокзальных бомжей могли быть Звездные Часы, то это был главнейший и значительнейший из них: должно быть, впервые за многие годы старикан по прозвищу Филин ощутил, что он, Филин, может быть интересен не только вокзальному наряду, приемщику стеклотары или досужему репортеру из «Листка». Сейчас герой дня был нарасхват. Повинуясь любопытствующим вокруг себя, он с готовностью то и дело повторял свой незамысловатый и не очень связный рассказ.

— Лежу! — возбужденно говорил он. — Сплю, ексель-моксель, ни о чем таком не думаю! Я днем, значит, отдыхаю завсегда, режим у меня такой... И вдруг! Тр-р-р! В башке у меня, ексель-моксель, ка-ак зазвенит! Сигнал тревоги как будто... Смотрю — мать честная, ексель-моксель! Чемодан кожаный под ухом, и тикает, собака!.. Я-то ученый, не хухры-мухры, знаю — раз тикает, то кранты... Бегом к дежурному. Он меня по матушке, а я ему: иди, мол, сам посмотри... Тикает ведь, ексель-моксель! Пришел, не запылится. Если брешешь, говорит, я тебе такую сладкую жизнь, Филин, устрою... Это мне он говорит, но пришел! Послушал — и ка-ак отпрыгнет подальше!.. Ценным подарком, думаю, наградят, часами, например, золотыми, как при Кагановиче давали... Но лучше бы денег... Я ведь днем, ексель-моксель, отдыхаю, режим у меня такой...

Рассказ поехал по новому кругу, и Дмитрий Олегович, придерживая подаренную сумку с яблоками, стал потихоньку выбираться из толпы. Одного он только не мог понять: отчего будильник в дипломате вдруг зазвенел? Сам Курочкин не ставил его на бой, да и Валентина навряд ли. Впрочем, у старого механизма всегда были свои причуды...

Толпа вокруг тем временем заволновалась. Прошел слух, будто саперы на втором этаже уже подвели к мине поближе свой малый заряд, и если уж грохнет, то грохнет дай боже. Из дверей вокзала показался милиционер без фуражки, но с мегафоном, через который он призвал граждан сохранять спокойствие, поскольку все под контролем. Но лучше не толпиться и отойти подальше, во избежание. Вместо того чтобы отступить от греха подальше, любопытный народ моментально стал напирать поближе, даже слегка тесня цепочку спецназа. Никто не желал пропустить увлекательное зрелище. Что бы ни говорили, а все равно интереснее самим увидеть, а после рассказать.

— Граждане, расходитесь! — надрывался мегафон, глотая слова. — Нахождение в опасной зоне... привести к серьезным... угроза жизни и здоровью...

Некоторые слабодушные граждане все-таки предпочли отступить назад, и их место заняли более рискованные, которые чихали на милицейские предупреждения. Смелость очень скоро была вознаграждена.

— Внимание!.. — прохрипел мегафон и, поперхнувшись, затих.

И тут же рвануло. Как видно, саперы для наилучшей детонации подвели к многострадальному чемоданчику не такой уж малый заряд. Сначала беззвучно лопнули стекла двух окон, и вместе с роем осколков на привокзальную площадь взрывной волной плавно и торжественно вынесло зеленую пластмассовую пальму в кадке. Затем под запоздалые грохот, вой и стеклянный звон из окон полетели обломки деревянной лавки и ключья непонятной ветоши. А потом...

— Ба-а-а-ксы!! — раздался из толпы одинокий пронзительный возглас, который каким-то образом перекрыл грохот взрыва и дребезжание битого стекла. Кто-то самый глазастый признал в падающих с неба бумажных кирпичиках вождеденные банковские упаковки. Вдобавок одна из бандеролей, видимо, оказалась надорванной, и шумный долларовый листопад зеленым облаком накрыл всю толпу. Этого было достаточно, чтобы дошлые граждане, мимоходом смяв милицейское оцепление, кинулись на ловлю зеленого счастья. Впрочем, и сами патрульные не остались в стороне от неожиданного фарта, и вскоре стражи порядка и обычные москвичи трогательно побратались в едином порыве: не так уж часто конвертируемая валюта вот так падает с неба; проворонишь — локти будешь кусать всю жизнь.

Прижав к груди ценную сумку с кавказскими дарами, Дмитрий Олегович выбрался из толпы и минутку-другую издали понаблюдал, как растворяются в толпе четверть миллиона долларов. Жалко было только сгинувшего при взрыве будильника. Что же касается денег, то и сам Курочкин едва ли бы придумал более удачное разрешение проблемы. Ничего, кроме облегчения, освобождения от тяжести, он теперь не испытывал. За этот последний трюк богине невезения сегодня можно было бы простить если не все, то многое...

— 21 —

— Тебя только за смертью посылать!

Пронзительный голос Валентины, так похожий на сирену гражданской обороны, привычно заставил Курочкина втянуть голову в плечи.

— Тебе во сколько ведено быть дома? А сейчас сколько?!

Дмитрий Олегович покорно отмалчивался, выставив сумку с яблоками впереди себя, как щит.

— Я уж ждала-ждала, тесто поднялось, противень чуть не подгорел, а начинки все нет! Хорошо хоть я вспомнила, что у Верки из сто тридцатой свой сад, пошла к ним, разжилась паданцами на халяву, испекла уж пирог, а тебя все нет! Уж и Терехин звонил, спрашивал, что мы не идем, все уж собрались... Где ты столько шляется, горе мое?!

— За яблоками... в магазин ходил... — пробормотал Курочкин и, спохватившись, вручил супруге сумку. Та придирчиво осмотрела фрукты и немного смягчилась.

— Что-то уж больно хорошие, — тем не менее заявила она. — Какие-то не магазинные. Или, может, червивые?

Дмитрий Олегович промолчал.

— Ладно, придем из гостей — разберемся, — посулила жена. — Быстро переодевайся, костюм глаженный на стуле... Пошел-пошел, не стой, как истукан...

Куручкин бочком двинулся по коридору в направлении комнаты.

— Стой! — внезапно скомандовала супруга. — А ну, повернись!

Куручкин послушно повернулся.

— Я тебе дала с собой будильник. Где он? Потерял?

Дмитрий Олегович покаяно кивнул, очень надеясь, что Валентина не станет сейчас выпрашивать, при каких обстоятельствах это произошло, а там, глядишь, и забудет.

— Обалдуй! — с сердцем произнесла супруга. — Тебе ничегошеньки нельзя доверить. У тебя не руки, а сито какое-то, прорва бездонная! Все, что можно упустить, непременно упустишь, проворонишь, потеряешь... Ты чего улыбаешься? — грозно добавила она и больно щелкнула мужа по лбу.

— Нет, ничего... — отозвался Куручкин, пытаясь стереть с лица нервную улыбочку. «Если бы она узнала, что я сегодня еще и упустил четверть миллиона долларов, — подумал он, — она бы меня вообще прибила».

Больше книг на сайте — Knigoed.net